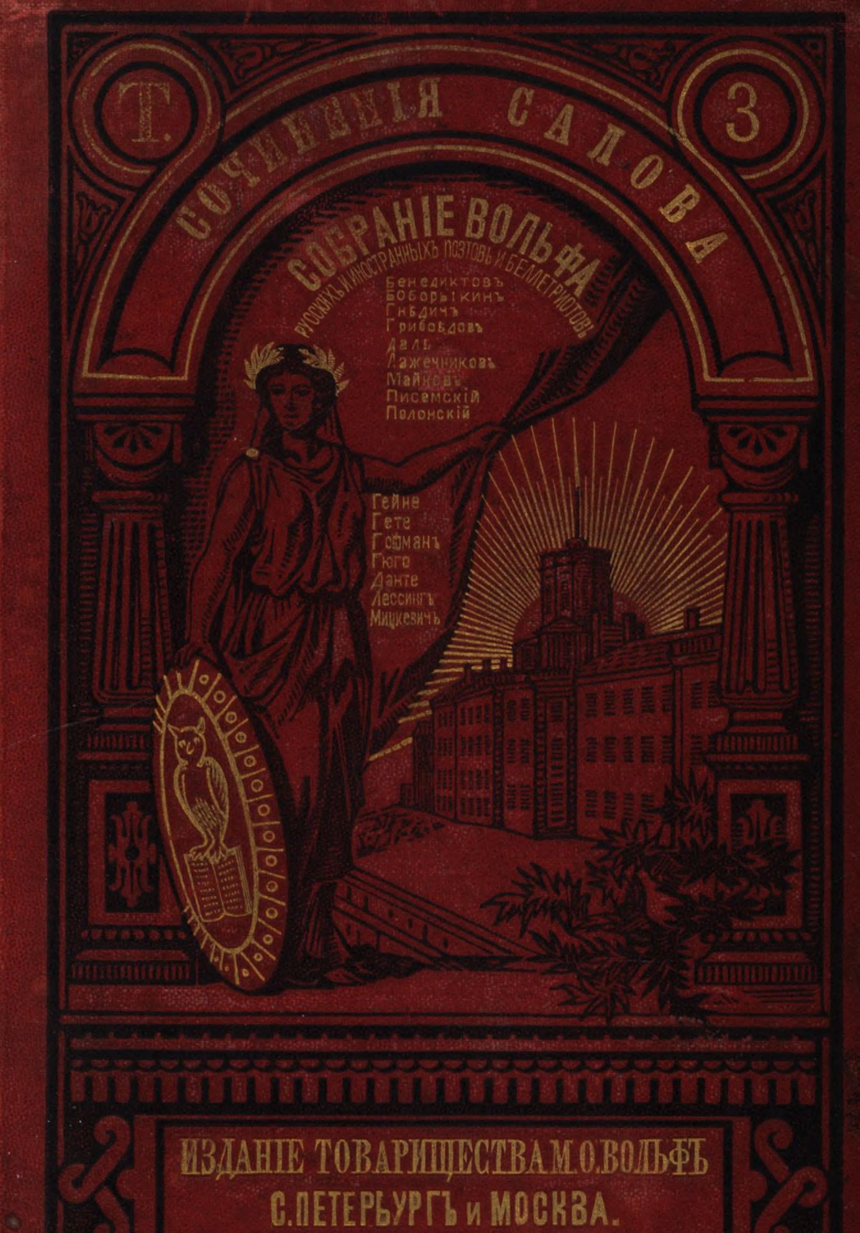
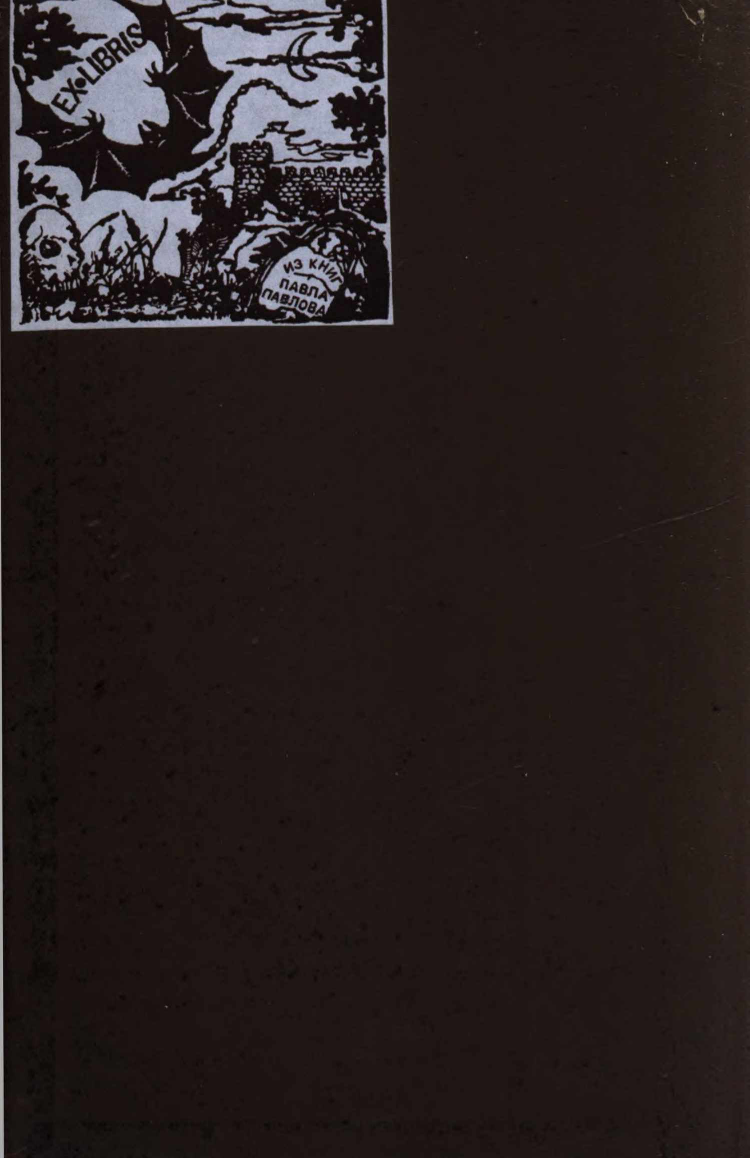

Т. 3
СОЧИНЕНІЯ САЛОВА
СОБРАНІЕ ВОЛЬФА
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ И БЕЛЕТРИСТОВЪ
Бенедиктовъ
Боборыкинъ
Гнѣдичъ
Грибоѣдовъ
Даль
Лажечниковъ
Майковъ
Писемскій
Полонскій
Гейне
Гете
Гофманъ
Гюго
Данте
Лессингъ
Мицкевичъ
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.


EX•LIBRIS
ИЗ КНИГ
ПАВЛА
ПАВЛОВА

ОЛЬШАНСКІЙ

МОЛОДОЙ БАРИНЪ

ОЛЬШАНСКІЙ МОЛОДОЙ БАРИНЪ

ПОВѢСТЬ

И. А. САЛОВА

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА
1886

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
(СПБ., ВАС. ОСТР., 16 Л., Д. № 5)

ОЛЬШАНСКІЙ МОЛОДОЙ БАРИНЪ

I

Ъ нѣсколькихъ саженяхъ отъ села Покровскаго, подъ тѣнью старинныхъ раскидистыхъ ветелъ, лѣпилась на рѣкѣ Ольшанкѣ небольшая водяная мельница, принадлежавшая мѣщанину Обертышеву.

Почти рядомъ съ мельничнымъ амбаромъ возвышался флигель, крытый тесомъ, съ крылечкомъ, наманеръ балкончика, и ярко-расписными ставнями. Неподалеку отъ флигеля размѣщались и остальныя мельничныя постройки: изба для мельника и засыпокъ, хлѣбный магазинъ, крытый те-

сомъ, конюшня, каретникъ, небольшой скотный дворъ и, наконецъ, кузница. Во флигелечкѣ съ расписными ставнями жилъ самъ хозяинъ этой мельницы, а въ избѣ— его работники.

Всѣ эти строенія, окруженныя тальникомъ, черемухой, ветлами и ракитами, тонули въ зелени этихъ деревьевъ и представляли собою самую изящную картину сельскихъ видовъ.

Жаркій майскій день клонился къ вечеру. Мельница была заставлена подводами помольцевъ и гремѣла на всѣ снасти. Брызги отъ водяныхъ колесъ, словно брилліанты, разсыпались во всѣ стороны; стонъ снастей далеко разлетался по окрестности. Помольщики мѣрами загребали хлѣбъ изъ возовъ и мѣры эти таскали на вышку мельницы. Стоявшій въ дверяхъ парень кричалъ при этомъ: «другая, третья, четвертая» и чертилъ на косякѣ мѣломъ кресты и палочки. Вокругъ возовъ толпились стаи гусей, утокъ и куръ. Всѣ они громко кричали и подбирали упавшія зерна.

Въ это же самое время на крылечкѣ домика сидѣла хозяйка мельницы, Агаѳья Петровна Обертышева, а рядомъ съ ней стано-

вой приставъ Панталоновъ. Неподалеку отъ крылечка виднѣлась тележка, запряженная тройкою ямскихъ лошадей.

— Вы бы лошадей-то отпустили, проговорила Агаѳья Петровна: — чего имъ тутъ стоять! а то отложить приказали-бы, я-бы сѣнца велѣла бросить.

— Нельзя-съ. Ѣхать надо, проговорилъ становой. — А ужь если-бы вы только знали, какъ не хочется!...

— Не хочется — такъ и не ѣздите, переночуйте у насъ. Я бы васъ ухой угостила... только сейчасъ, передъ вами рыбки принесли; ужь такая-то рыбка, что прелесть просто!... Окуни да ерши, да всѣ какъ на-подборъ, одинъ къ одному.

— Нельзя-съ, красавица моя, нельзя-съ.

— Нельзя - то, говорятъ, на небо взлѣзть...

— Служба прежде всего.

— Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.

— Такъ-то, такъ-съ, а все-таки...

— Да вы къ намъ сюда по дѣлу что-ли пріѣхали?

— По дѣлу.

— По какому?

— Супругу вашему исполнительный листъ изъ окружнаго суда прислали; я и пріѣхалъ передать его.

— Это что-же такое значитъ — исполнительный листъ?

— Какая вы, однако, любопытная! — почти вскрикнулъ становой Панталоновъ и при этомъ, лукаво прищурившись, посмотрѣлъ на молодую и красивую Агаѳью Петровну.

Та засмѣялась.

— Ужь мы всѣ такія! Намъ завсегда все знать хочется...

— Не хорошо-съ.

— И дурнаго нѣтъ. Ну, скажите же.

— А если не скажу?

— Не скажете, такъ разсержусь и ухи не дамъ.

— Хорошо, хорошо, только не сердитесь. У супруга вашего дѣло было въ окружномъ судѣ; взыскивалъ онъ съ Курганова неустойку въ тысячу рублей...

— Знаю, знаю! — перебила его Агаѳья Петровна. — Что-же, присудили?

— Присудили.

Агаѳья Петровна отъ радости даже въ ладоши захлопала.

— Слава Богу, слава Богу! говорила она.— Авось теперь муженекъ троечку мнѣ купитъ... Смерть хочется хорошую тройку имѣть.

— Будто у васъ лошадей нѣтъ?

— Есть, да не такія... мнѣ лихихъ нужно... чтобы какъ вихорь носились, чтобы удержу имъ не было...

— Вотъ страсти-то!

— Вы что-же и деньги съ собой привезли?

— Нѣтъ. Я привезъ только исполнительный листъ.

— Только-то! — протянула Агаѳья Петровна и сдѣлала гримасу.

— Да, не много!—подхватилъ становой.— Я хотѣлъ было съ сотникомъ прислать, да вспомнилъ про васъ...

— Я-то что-же?

— А то, что хотѣлось посмотрѣть на васъ, полюбоваться вами...

— Охъ ужь! Чего на меня смотрѣть-то!... Что я, уродъ что-ли?

— Въ томъ-то и дѣло, что не уродъ!

— Васъ только послушай; вы наговорите съ три короба! Ну, ужь и мужчины только!— вскрикнула она, всплеснувъ руками, украшенными кольцами и перстнями. — Ну, ужь народецъ!

— А что? — спросилъ становой и при этомъ опять лукаво взглянулъ на Агаѳью Петровну.

— А то, что съ вами, мужчинами, даже рядомъ сидѣть нельзя женщинѣ.

— Это почему?

Агаѳья Петровна засмѣялась и закрыла лицо руками.

— Сами знаете почему, — проговорила она.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете, такъ и не надо.

И потомъ, вдругъ вскочивъ на ноги, прибавила:

— Однако, я съ вами заболталась, а насчетъ ухи и забыла распорядиться. Пойду въ кухню, а вы покамѣстъ въ комнатахъ посидите.

— А здѣсь нельзя развѣ?

— Можно и здѣсь.

— Вечеръ такой чудесный, что жаль разставаться съ чистымъ воздухомъ.

— Какъ хотите.

— Только, ради Господа, приходите поскорѣе; скучно безъ васъ.

— Охъ ужь! и блезирникъ только!

— Право, скучно.

— Ну, хорошо, хорошо. Сдѣлаю вамъ

удовольствіе, приду сейчасъ. Вѣдь у насъ кухарки-то какія? Коли сама не доглядишь, такъ такую уху сварятъ, что въ ротъ не возьмешь. Извѣстно, деревенскія бабы; чего онѣ смыслятъ!...

— Вы сами-то приходите! Слышите, что-ли?

— Слышу, слышу. Ишь вѣдь нетерпѣливый какой!

И Агаѳья Петровна скрылась въ темныхъ сѣняхъ, а становой Панталоновъ, самодовольно поправивъ шашку и револьверъ, снялъ кепи и принялся ерошить кудрявые волосы. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана брюкъ серебряный портъ-сигаръ и, закуривъ папиросу, принялся что-то напѣвать въ ожиданіи Агаѳьи Петровны.

Константинъ Иванычъ Обертышевъ, хозяинъ описанной мельницы, былъ мужчина лѣтъ тридцати, красивый, высокій, съ кудрявой головой, крайне разбитной и ловкій. Мельницу, при которой числилось десятинъ пятьдесятъ заливныхъ луговъ и кустарника, онъ купилъ недавно; до этого-же онъ жилъ въ селѣ Покровскомъ на квартирѣ и имѣлъ лишь кабакъ и лавочку. Константинъ Иванычъ прибылъ въ село Покровское откуда-

то издалека, и потому происхожденіе его оставалось въ неизвѣстности. Прибылъ онъ какъ-то случайно, словно съ неба свалился, случайно снялъ кабакъ, сталъ торговать водкой, а немного погодя открылъ и небольшую лавчонку съ разнымъ необходимымъ въ сельскомъ быту товаромъ. Года черезъ два, достаточно укоренившись и ознакомившись съ нравами и обычаями мѣстнаго населенія, онъ сталъ прихватывать понемногу землицы, засѣвалъ ее бахчами и, сидя на бахчахъ этихъ въ шалашѣ, самъ продавалъ арбузы, огурцы и дыни. Затѣмъ онъ началъ понемногу сѣять пшеничку, ленокъ, просцо и кончилъ тѣмъ, что пріобрѣлъ въ вѣчность описанную мельницу. Сдѣлавшись, такъ сказать, землевладѣльцемъ и переѣхавъ въ собственный свой домъ, Обертышевъ все-таки не бросалъ ни кабака, ни лавочки. Мельница, лавочка и кабакъ приносили Обертышеву такой доходъ, что онъ началъ жить уже не стѣсняясь или, какъ онъ выражался, «много свѣтлѣе», чѣмъ другіе купцы. Обертышевъ имѣлъ жену Агаѳью Петровну и сынишку лѣтъ семи. Агаѳья Петровна была женщина лѣтъ двадцати шести, красивая, статная, подъ-пару мужу и та-

кая-же хлопотунья, какъ и онъ. Она хлопотала съ утра и до ночи. Подъ ея наблюденіемъ кухарка стряпала обѣдъ и ужинъ; подъ ея наблюденіемъ доились коровы и заготовлялись молочные скопы. Поспѣвала она всюду: и на огородъ, и на птичникъ (птицы водила она пропасть, на томъ основаніи, что птица эта незамѣтно прокармливалась на счетъ помольцевъ), и въ свиной хлѣвъ, и на ледникъ, и на погребицу. Она сама варила варенье, солила огурцы, капусту, арбузы, а послѣ обѣда, когда домашнія хлопоты прекращались, что-нибудь шила или вязала. Однако, вся эта домашняя «дрызготня», какъ выражалась сама Агаѳья Петровна, нисколько не убивала въ ней любви къ нарядамъ и даже щегольству. Пощеголять Агаѳья Петровна любила и одѣвалась всегда по послѣдней модѣ, а такъ какъ на туалетъ красавицы жены мужъ денегъ не жалѣлъ, то туалетъ ея считался лучшимъ во всей окрестности. Бывало, въ церкви нѣтъ наряднѣе, нѣтъ красивѣе Агаѳьи Петровны, и она, зная это, была совершенно счастлива. Въ особенности красива она была въ русскомъ костюмѣ, когда пунцовая лента обвивала ея роскошную косу, когда бусы

загорались на высокой груди ея, когда талія перехватывалась яркимъ поясомъ, а бѣлыя, словно мраморныя руки обнажались до локтей. Тогда она въ полномъ смыслѣ слова могла назваться русской красавицей.

Агаѳья Петровна, также какъ и Константинъ Иванычъ, была откуда-то издалека, и прошлое ея, какъ и прошлое Константина Иваныча, было совершенно неизвѣстно. Правда, ходили слухи, что лѣтъ одиннадцать тому назадъ, когда Агаѳьѣ Петровнѣ было всего пятнадцать лѣтъ, она попала на содержаніе къ какому-то барину; что прожила съ нимъ два года и имѣла отъ него ребенка, впослѣдствіи умершаго; что баринъ, задумавъ жениться, далъ Агашѣ отсталого двѣ тысячи рублей; что будто именно съ этихъ двухъ тысячъ Константинъ Иванычъ, женившійся на Агашѣ, и началъ свои коммерческія операціи; но такъ какъ слухи эти завезены были какимъ-то заѣзжимъ торгашемъ, случайно попавшимъ въ село Покровское, то они и требовали подтвержденій.

Насколько хлопотала Агаѳья Петровна, настолько же неусыпно хлопоталъ и Обер-

тышевъ; только хлопоты его были инаго характера. Заручившись мельницей, онъ уже ни въ кабакѣ, ни въ лавкѣ самъ не сидѣлъ, а поручилъ дѣло это прикащикамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки очень хорошо зналъ и видѣлъ, что́ творится у него въ заведеніяхъ. Онъ зналъ, какой именно товаръ въ теченіе дня былъ проданъ и отпущенъ изъ лавки, зналъ кому именно былъ проданъ и какъ именно: въ долгъ или на чистыя деньги. Точно также зналъ онъ и кабацкую продажу: сколько было продано чарки и ведерной. Онъ зналъ, сколько въ теченіе дня сработала мельница и сколько взято ржи, пшеницы, овса и проса. Онъ зналъ по имени и по отчеству всѣхъ окрестныхъ крестьянъ; зналъ, сколько у кого коровъ, овецъ, лошадей; зналъ мужицкіе посѣвы, урожаи; зналъ дурныя и хорошія стороны крестьянъ, ихъ семейныя отношенія, даже ихъ образъ мыслей. Онъ водилъ хлѣбъ-соль съ попами, помѣщиками, чиновниками; ссужалъ нуждавшихся деньгами; умѣлъ и объѣхать, и обойти, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо зналъ какъ обласкать, польстить и пригрозить. Обладая такими качествами и, кромѣ того, мельницей, кабакомъ и ла-

вочкой, Обертышевъ опуталъ всѣхъ такими крѣпкими путами, что свободно могъ брать живьемъ всякую намѣченную жертву. Въ особенности попадались мужики. Мужики эти, будучи «обязанными», работали на Обертышева словно крѣпостные. Они прудили ему плотины, прорывали канавы, косили сѣно, рубили дрова и хворостъ, чистили конюшни и хлѣвы и даже пахали огороды. Не легче приходилось попамъ, помѣщикамъ и деревенской аристократіи, какъ-то: фельдшерамъ, судебнымъ приставамъ, адвокатамъ, судейскимъ письмоводителямъ, учителямъ и писарямъ, наводнившей въ послѣднее время наши села и деревни. Попамъ все еще можно бы жить, по той причинѣ, что батюшки сами знаютъ «гдѣ раки зимуютъ», но аристократіи приходилось подчасъ и очень круто. Поставленные въ необходимость все, что только требовалось, забирать въ лавочкѣ и въ кабакѣ Обертышева, люди эти сначала снимали съ себя свои шубы, сюртуки, часы, а затѣмъ, когда снимать было нечего, попадали на скамью подсудимыхъ. То-же самое происходило и съ мелкими помѣщиками. Они продавали ему за безцѣнокъ то лошадку, то экипажецъ, то участокъ

лѣску на срубъ, то чуть не даромъ сдавали ему землю и покосы.

Насколько Обертышевъ былъ добрымъ хозяиномъ, настолько-же былъ онъ и нѣжнымъ семьяниномъ. Жену свою онъ любилъ, а отъ сынишки Ванятки былъ положительно въ восторгѣ. Обдѣлывая свои дѣла, онъ слѣдилъ и за потребностями времени и, какъ только Ваняткѣ минуло семь лѣтъ, такъ Обертышевъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ съѣздилъ въ городъ и, пріискавъ тамъ учителя, засадилъ сына за грамоту. Ванятка былъ мальчикъ шустрый, толковый; ученье шло успѣшно, и не прошло мѣсяца, какъ мальчуганъ сталъ разбирать печатное и выводилъ искусно азы и цыфры. Отецъ былъ въ восторгѣ; дарилъ сыну пряники, орѣхи и, поглаживая его по головѣ, говаривалъ: — «учись, Ванятка, да только не заучивайся, чтобы дурака изъ тебя не вышло!» Одновременно съ обученіемъ, Обертышевъ посвящалъ сына и въ тайны коммерціи. Онъ бралъ его съ собой въ лавку, въ кабакъ и тамъ подъ веселую руку училъ, какъ нужно торговать и обходиться съ людьми. Мальчуганъ прислушивался, задумывался и соображалъ. На мельницу Ва-

нятка бѣгалъ постоянно; онъ разсматривалъ механизмъ, ковалъ жернова и любовался водой, падавшей на колеса. Онъ умѣлъ отличать сухой хлѣбъ отъ сыраго и, встряхивая его на ручонкѣ, довольно вѣрно опредѣлялъ его качество.

Такъ жилъ Обертышевъ на своей мельницѣ съ своей красивой женой и сыномъ, и въ такомъ-то именно положеніи застаетъ ихъ нашъ разсказъ.

Агаѳья Петровна успѣла уже крикнуть кухарку и растолковать ей, какъ именно слѣдуетъ варить уху и что именно изготовить еще къ предстоявшему ужину, снова вышла на крыльцо и, усѣвшись рядомъ съ становымъ Панталоновымъ, спросила:

— Ну, о чемъ-же мы будемъ съ вами разговаривать?

— Мало-ли о чемъ! — чуть не вскрикнулъ Панталоновъ, умильно взглянувъ на Агаѳью Петровну.

— Нѣтъ, однако?

— Напримѣръ, если мы выберемъ темой любовь. Это такая тема, на которую можно говорить безостановочно не только нѣсколько часовъ, но даже всю жизнь, и никогда разговоръ, кромѣ удовольствія, ничего не принесетъ.

— Ну васъ, — перебила его Агаѳья Петровна. — При такихъ разговорахъ, кромѣ гадости, ничего ожидать нельзя.

— Вамъ не нравится? ну будемъ говорить о другомъ. Что касается до меня, то я въ обществѣ столь прелестной дамы, какъ вы, всегда краснорѣчивъ. Ахъ да, скажите кстати, куда поѣхалъ вашъ мужъ?

— Къ Курганову.

— Что такое случилось?

— Что случилось? не знаю; только сегодня утромъ Кургановъ писалъ мужу записку и просилъ безпремѣнно побывать вечеромъ.

— Такъ-съ, — замѣтилъ Панталоновъ и потомъ вдругъ, взглянувъ на окрестность и какъ-бы вдохновившись прелестью картины, прибавилъ восторженно: — Боже мой! какъ хорошо у васъ здѣсь! Я все смотрю и восхищаюсь. Воздухъ душистый, пахнетъ черемухой... вода, лѣсъ, соловьи поютъ про любовь. Кругомъ все тихо, только пѣснь любви да тихій говоръ водъ... Сиди, слушай и дыши! Будь эта мельница моею, я не разстался бы съ этимъ уголкомъ. Такъ бы и жилъ здѣсь, такъ бы и умеръ въ объятіяхъ любимой жены!...

— Возьмите да женитесь.

— Женился-бы...

— Зачѣмъ-же дѣло стало?

— А затѣмъ, что не нашелъ еще такой красавицы, какъ вы.

— Охъ ужь! Будетъ вамъ языкомъ-то болтать, — замѣтила Агаѳья Петровна и засмѣялась самымъ заигрывающимъ смѣхомъ. — Красивыя-то, говорятъ, глупы. Правда это, или такъ только болтаютъ? Нѣтъ, вы лучше на дурнушкѣ женитесь. Съ красивой-то женой жить безпокойно.

— Это почему?

— Пожалуй, ревность замучаетъ.

— Зачѣмъ-же ревновать, коли жена любить будетъ?

— Да. Надѣйтесь на насъ!

— Будто нельзя?

Но Агаѳья Петровна только захохотала.

— А вашъ-то мужъ ревнуетъ васъ?

Агаѳья Петровна продолжала хохотать.

— Вотъ это отлично, — проговорила она. — Да здѣсь и ревновать-то не къ кому! Вы-то бываете рѣдко, да и человѣкъ надежный, степенный, а больше и кавалеровъ нѣтъ. Живемъ въ глуши, въ лѣсу... окромѣ поповъ да помѣщиковъ старенькихъ, нѣтъ

никого. Да и ревновать-то ему недосугъ, потому съ утра до ночи въ хлопотахъ, покоя себѣ не знаетъ. А ночь придетъ,—доберется до постели, такъ и спитъ, какъ убитый.

— А вотъ по ночамъ-то именно ревнивые мужья и заѣдаютъ женъ своихъ.

— Можетъ, и такъ; только мой меня не заѣдаетъ.

И она опять засмѣялась.

— Вы что-же смѣетесь-то? — спросилъ Панталоновъ.

— Весело — и смѣюсь.

— Нѣтъ, однако?

— Смотрѣть на васъ смѣшно!

— Вотъ это отлично! обидѣлся становой.

— Я не про васъ однихъ — я про всѣхъ мужчинъ.

— Что-же такое?

— Смѣшно на васъ смотрѣть на всѣхъ. Какъ-только сядете вы рядомъ съ моленькой дамой, такъ у всѣхъ у васъ такіе смѣшные глаза дѣлаются, что безъ смѣха даже смотрѣть нельзя.

И Агаѳья Петровна засмѣялась самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Что-же въ нихъ смѣшнаго?

Агаѳья Петровна взглянула на становаго и опять засмѣялась.

— Вы только смѣетесь...

— То есть всѣ-то ваши мысли, всѣ-то ваши думы такъ насквозь и видно.

Становой даже глаза протеръ.

— Какія-же такія мысли?

— Все будете знать, скоро состаритесь. А вы еще такой молоденькій, такой кудрявенькій...

Панталоновъ и улыбнулся, и умилился.

— Послушайте, Агаѳья Петровна,—проговорилъ онъ. — Вы ужасная женщина! Вы въ состояніи измучить человѣка и только ради своей потѣхи...

— Я веселая, — перебила Агаѳья Петровна.

— Другимъ-то съ вами не больно весело.

— А коли невесело, такъ я уйду...

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь... Я не то хотѣлъ сказать... И сладко, и жутко — вотъ что...

— Нѣтъ, ужь сказано, такъ назадъ не возьмешь. Слово не воробей, за хвостъ не поймаешь... А я было съ вами на лодочкѣ хотѣла покататься... Хотѣла по лѣсу погулять да цвѣточковъ нарвать. Я смерть

люблю цвѣточки! Такъ-то въ молодости разъ... набрала я цвѣточковъ въ лѣсу, сдѣлала изъ нихъ вѣночекъ, а навстрѣчу-то баринъ одинъ съ ружьемъ... Я какъ вскрикнула, какъ вздрогнула... И вѣночекъ мой съ головы упалъ, и цвѣточки всѣ разлетѣлись!... Тю-тю! значитъ, пропало все...

— Агаѳья Петровна, красавица моя! не уходите! — умолялъ становой. — Я сейчасъ лодку пригоню...

Но Агаѳья Петровна опять уже хохотала.

— Скоро сказка говорится, да дѣло мѣшкотно творится, — проговорила она. — На лодкѣ-то плавать тоже съ опаской надо. Что подъ лодкой-то? вода! Кувырнешься— и пропалъ, утонулъ... А тамъ тебя, подъ водой-то, раки облѣпятъ, да грызть начнутъ... Сомы большущіе подплывутъ; носъ, уши отъѣдятъ, за руки ухватятъ и пойдутъ жевать...

— Агаѳья Петровна, красавица! — продолжалъ умолять становой. — Поѣдемъ!

— Ѣхала царевна, да до терема не доѣхала. Теремъ-то, вишь, на горѣ стоялъ, а подъ горою-то царевичъ поджидалъ... А вонъ и мой царевичъ возвращается, — проговорила она, указывая рукою на гору, съ

которой медленнымъ шагомъ спускался Константинъ Иванычъ въ тележкѣ, запряженной въ одну лошадь.

— Развѣ это онъ? — спросилъ становой.

— Онъ самый. Что, аль досадно!... Вишь онъ у меня молодецъ какой, смотрѣть любо.

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, прибавила:

— Ну, вотъ вамъ и хозяинъ, коли скучно съ хозяйкой. Счастливо оставаться, а я на кухню пойду, уху варить.

— А за цвѣточками-то когда?

— А вотъ подождемъ, когда зима подойдетъ.

— Вотъ тѣ разъ!

— Что, аль ручки ознобить боитесь?... Вишь зябкій какой. Можно въ шубу окутать, отогрѣть... Знаете, какъ пѣсня про морозъ поется: «И у бѣлой груди мнѣ тепло, привольно!»

И, захохотавъ, она убѣжала въ сѣни.

— Чортъ! — проговорилъ Панталоновъ.

И принялся закуривать папиросу.

II

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, немного погодя подъѣхалъ и Обертышевъ. Подъѣхалъ онъ шагомъ. Не торопясь вышелъ изъ тележки, не торопясь поглядѣлъ вокругъ и, увидавъ въ дверяхъ рабочей избы какого-то парня, крикнулъ:

— Гараська! Чего губы-то распустилъ! Аль не видишь? возьми лошадь!

И затѣмъ, снявъ фуражку, онъ отеръ потъ со лба, поправилъ кудрявые волосы, потянулся, отряхнулъ кнутикомъ пыль съ поддевки и только тогда, обратясь къ становому, проговорилъ:

— Здравствуйте. Все-ли въ добромъ здоровьѣ?

— Ничего. Живемъ, хлѣбъ жуемъ.

— И слава Богу. По дѣлу, что-ли?

Но, не дождавшись отвѣта, обратился къ подбѣжавшему работнику:

— Отпряжешь коня, выводи его хорошенько. Вишь какъ взмылился. Слышишь, что-ли?

— Слышу-съ.

— Ну, ступай. Такъ по дѣлу? — спросилъ онъ, обратившись къ становому.

— Да, по дѣлу. Исполнительный листъ привезъ.

— Ужь не Кургановскій-ли? — спросилъ онъ, подсаживаясь къ становому.

— Его.

— Это ничего, хорошо! Съ такими дѣлами завсегда милости просимъ. А я только-что отъ него; къ себѣ приглашалъ.

— Зачѣмъ?

— Извѣстно зачѣмъ! Нужда-то одна у господъ. Денегъ взаймы просилъ.

— Вотъ это хорошо. Вы съ него взысканіе имѣете, а онъ денегъ проситъ.

— Это ничего. Мы вѣдь съ нимъ пріятели...

— Много просилъ?

— Много-то, положимъ, что немного, а все-таки триста монетъ.

— Что-же, дали?

— Радужную далъ. Что станешь дѣлать! Чуть не плачетъ, бѣдняга. Жаль стало... Да что! на пустяки все просить-то!... Давать-то не хочется. Старикъ, а разумъ словно у ребенка у малаго. Письмо, изволите видѣть, получилъ сегодня изъ Питера отъ сына; пишетъ, что кончилъ ученье и сюда ѣдетъ... Ну, вотъ, онъ и хочетъ послать сыну денегъ. Теперича вы разочтите: изъ Питера до насъ въ третьемъ классѣ 18 рублей стóитъ, багажъ, положимъ, два рубля... вѣдь сундуки-то поди не ахти какіе; это составитъ двадцать рублей. На станцію за нимъ можно своихъ лошадей послать, слѣдовательно четвертнаго билета за глаза довольно, а онъ триста рублей загнулъ! «На что-же, говорю, Дмитрій Иванычъ, вамъ денегъ столько?» А онъ мнѣ: «Какъ на что? Вѣдь я его четыре года не видалъ. Надо, говоритъ, ему рублей сто послать, вѣдь человѣкъ молодой, тоже поди щеголять любитъ; потомъ и здѣсь... вѣдь у меня никакой провизіи нѣтъ. Надо, гово-

ритъ, все это справить... кроватку желѣзную купить, занавѣсочки на окна повѣсить, столикъ письменный пріобрѣсти. Вѣдь онъ, говоритъ, человѣкъ ученый, кандидатъ университета!» И пошелъ, и пошелъ!... «Онъ, говоритъ, у меня одинъ остался, надо, чтобы ему было хорошо, покойно; чтобы отдохнулъ онъ. Вѣдь онъ, говоритъ, тринадцать лѣтъ учился, шутка сказать! вѣдь это чуть не полжизни!» Меня даже досада взяла. «Ну, говорю ему, Дмитрій Иванычъ, вы меня извините-съ, а на такіе пустяки у меня денегъ нѣтъ-съ, а коль угодно, говорю, сотенный билетъ извольте получить и росписочку пожалуйте-съ».—«Мало, говоритъ, дай хоть двѣсти». — «Ни копѣйки больше-съ. Намъ, говорю, деньги нужны-съ, для насъ онѣ оченно даже дороги-съ!» Такъ сотенную только и далъ и больше съ нимъ разговаривать не сталъ.

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Однако, пожалуйте-ка въ горницу, чайкомъ побалуемся.

Они вошли въ комнату.

— Эка жена-то у меня исправная какая! — вскрикнулъ Обертышевъ, посматривая съ улыбкой на накрытый бѣлой ска-

тертью столъ, на которомъ кипѣлъ блестящій самоваръ и стоялъ чайный приборъ.— Всѣ привычки мои до тонкости изучила!... Знаетъ, что послѣ дороги люблю чайку напиться.

И, хлопнувъ ладонью, онъ крикнулъ:

— Гаша! гдѣ ты?

— Здѣсь, здѣсь. Сейчасъ приду! — послышался гдѣ-то голосъ Агаѳьи Петровны.

— Живѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ.

— Пожалуйте-съ, — проговорилъ Обертышевъ, указывая на диванъ.

Панталоновъ и Обертышевъ усѣлись, причемъ послѣдній взялъ шитую шерстями подушку, подложилъ ее себѣ подъ локоть и почти развалился на диванѣ. На Обертышевѣ была тонкаго сукна поддевка на распашку, изъ-подъ которой выглядывала вышитая русская рубаха съ косымъ воротомъ, застегнутымъ блестящей запонкой. Рубашку эту вышила ему Агаѳья Петровна. Шаровары были на немъ плисовыя, заправленныя за высокія голенища щегольскихъ сапогъ. Видно было по всему, что Обертышевъ былъ франтъ и что онъ, сознавая свою эффектную наружность, свой ростъ,

любилъ порисоваться и потеатральничать — именно потеатральничать, потому что онъ и говорилъ, и ходилъ, какъ говорятъ и ходятъ актеры на сценѣ. Пришла Агаѳья Петровна, сѣла разливать чай, и разговоръ завязался.

— Изъ Питера баринъ молодой пріѣдетъ, — проговорилъ Обертышевъ, обращаясь къ женѣ.

— Борисъ Дмитріевичъ?—спросила Агаѳья Петровна.

— Онъ.

— Давно ужь не видала я его. Ребенкомъ-то хорошенькій такой былъ... Поди теперь совсѣмъ большой сталъ.

— Не маленькій. Сейчасъ отецъ карточку показывалъ. Щеголемъ такимъ, съ усиками, съ бородкой... Хоть куда парень сталъ, выправился.

— Онъ и тогда красивый былъ.

— Что тамъ красиваго!... Щедушный, длинный да узенькій... Нѣтъ, теперь ничего: въ плечахъ шире сталъ... ничего!

— Надолго пріѣдетъ? — спросила Агаѳья Петровна.

— Неизвѣстно.

— Поди старикъ-то радъ, небось?

— Воскресъ словно! бѣгаетъ такъ, что не догонишь...

И, отгрызя кусочекъ сахару, онъ прибавилъ:

— Николай Иванычъ кланяется тебѣ...

— Ты нешто былъ у него?

— Заѣзжалъ на минуту. Проса купилъ у него сто четвертей. Хочу къ рабочей порѣ пшена надѣлать. Пшена-то нигдѣ нѣтъ, такъ требованіе будетъ большое; однимъ экономіямъ сколько понадобится. Маненечко просцо-то только, словно, затхлымъ припахиваетъ, да ничего—каша не духи, не нюхать ее, и то сказать! Завтра надо подводы посылать.

И, подавая женѣ выпитый стаканъ, спросилъ:

— На базарѣ-то была, что-ли?

— Была.

— Небось, мало народу-то было?

— Мало вовсе.

— Лѣтомъ завсегда такъ. А не замѣтила, въ кабакъ-то ходили?

— Кабакъ ничего, торговалъ хорошо.

— Ну, и слава Богу. А въ лавкѣ какъ?

— И въ лавкѣ тоже ничего. Леща-то энтого, сомнительнаго, всего расхватали...

Обертышевъ даже съ мѣста привскочилъ отъ радости.

— Расхватали?

— Расхватали всего.

— Слава тебѣ Господи! Вотъ это отлично; а то я за эту за самую тару шибко побаивался; такъ и полагалъ, что выкидывать придется. Не повѣрите-ли, — прибавилъ онъ, обращаясь къ становому: — вся-то тара сверху до низу словно ржавчиной какой-то пропиталась... Лещъ былъ томный синій, осклизлый какой-то. Вѣдь вотъ какіе мошенники, а продаютъ. Ну, что-бы я сталъ дѣлать-то, кабы не раскупили? Вѣдь она, тара-то, пятьдесятъ рубликовъ заплачена была. Да что еще, подлецы, дѣлаютъ, вы послушайте-ка. Какъ откупорилъ я эту самую тару, да какъ понюхалъ, а изъ нея, съ позволенія сказать, какъ изъ дурнаго мѣста понесло, такъ я сейчасъ-же, въ ту-же минуту пишу письмо въ городъ къ тому самому торговцу, у котораго, значитъ, купилъ ее. «Такъ и такъ, пишу, лещъ такой, что только выкинуть годится», а онъ, подлецъ, замѣсто того, чтобы деньги обратно возвратить, пишетъ: «Смотрѣлъ-бы, когда покупалъ: у тебя, говоритъ, гдѣ

глаза-то были!» Вѣдь вотъ анаѳема какая. А опосля я что узналъ? Что лещъ этотъ ветлянскій, гдѣ, значитъ, чума-то была, и что леща этого потихоньку отъ начальства въ Волгѣ мыли, да опять съизнова солили. Вѣдь вотъ что, антихристы, дѣлаютъ! Я даже, признаться, продавать сомлѣвался: ну-какъ, думаю, всѣ очумѣютъ... ей-богу, съ мѣста не сойти...

— А сами-то пробовали? — спросилъ становой.

— Ну, вотъ еще! Что я, не понимаю, что-ли!

— А я такъ полагаю,—вмѣшалась Агаѳья Петровна: — что отъ вареной рыбы ничего этого быть не можетъ, по тому самому, что вся эта чума выкипитъ. Гдѣ-же ей тамъ оставаться, когда вода-то бѣлымъ ключемъ въ котлѣ-то кипитъ.

— Вотъ это отлично! — заговорилъ Панталоновъ. — Развѣ при становыхъ о такихъ беззаконіяхъ можно говорить?

— Какія-же беззаконія!—удивился Обертышевъ.

— Какъ какія? Тухлую рыбу продаете и считаете это законнымъ!

— Такъ нешто мы виноваты, коли

намъ такую прислали? Мы покупали хорошую-съ...

Панталоновъ даже засмѣялся.

— Ахъ, вы шутникъ, шутникъ! — проговорилъ онъ. — Ну, да ничего, свои люди... Хорошаго человѣка обижать не слѣдуетъ.

— Это вѣрно-съ. Слава Богу, кажется, еще никогда не ссорились.

— Зачѣмъ ссориться! — замѣтилъ Панталоновъ.

И, вынувъ портъ-сигаръ, онъ закурилъ папиросу и поблагодарилъ хозяйку за чай. Въ комнату вбѣжалъ Ванятка.

— А, Ванятка! — вскрикнулъ Обертышевъ. — Подь сюда, шельмецъ!

Ванятка мигомъ подбѣжалъ къ отцу и вскарабкался къ нему на колѣна.

— Ну, сказывай, что дѣлалъ?

— На огородѣ былъ, — проговорилъ Ванятка звонкимъ дѣтскимъ голосомъ. — Лукъ ѣлъ.

— Слышу, припахиваетъ. А учитель гдѣ?

— Къ фершалу въ гости пошелъ.

— Что, аль опять попойка?

— Должно быть. И приставъ судебный, и писарь волостной, всѣ туда пошли...

— Ну, такъ и есть. Безъ картъ да безъ водки не обойдется...

И, немного помолчавъ, Обертышевъ прибавилъ:

— Нѣтъ, я свово Ванятку до большихъ наукъ доводить не хочу, потому эти самыя науки, при нашемъ дѣлѣ, окромя дурнаго ничего не предоставляютъ.

— Почему-же это? — спросилъ становой.

— По всему. Насмотрѣлся я довольно, и такъ замѣчаю, что окромя баловства ничего изъ этого не выходитъ. Вотъ хоть возьмемъ къ примѣру Суслова, Ивана Степаныча. Человѣкъ, можно сказать, изъ назьма вышелъ, а дѣло велъ за первый сортъ; мыловаренный заводъ открылъ, мылà его всѣмъ извѣстны были, деньги лопатой загребалъ, а пріѣхалъ изъ Москвы сынокъ ученый — и пошло все прахомъ! Не понравилось ему, изволите видѣть, какъ эти самыя мылà выдѣлываются. Нынче-де по новому, по ученому это не такъ дѣлается... Старику-то Суслову попридержаться слѣдовало-бы, а онъ, сдуру-то, довѣрился, волю далъ сынку... Вотъ и пошелъ этотъ самый ученый заводъ устраивать; машинъ разныхъ повыписалъ, духовъ разныхъ...

къ заводу близко подойти невозможно было, такъ тебя духами и обдаетъ, а кончили тѣмъ, что въ какихъ-нибудь два, три года отъ капитала и отъ завода одинъ только духъ и остался. А еще въ какой-то, вишь, практической академіи обучался. Какая тамъ практическая!... Послалъ-бы сына къ Семену Абрамычу на мельницу, на крупчатку, вотъ тамъ такъ практическая академія настоящая... Небось-бы вышелъ человѣкомъ! А то что тамъ!

— Такъ вѣдь въ этомъ не наука виновата!—слиберальничалъ Панталоновъ, взглянувъ на Агаѳью Петровну.

— Не знаю-съ, — оборвалъ Обертышевъ: — только я замѣчаю, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у насъ пошло ученье, дураковъ невпримѣръ больше развелось. Вотъ по этому-то по самому я и не желаю сына до большихъ наукъ доводить. Вотъ грамота, ариѳметика — это точно нужно, а остальное — пустое дѣло-съ.

И, обратясь къ Ванятке, онъ спросилъ:

— Такъ, что-ли, шельмецъ?

— Такъ.

— Ну, вотъ и ладно. А на мельницѣ былъ?

— Сейчасъ оттуда.

И вдругъ, быстро обернувшись лицомъ къ отцу, Ванятка вскрикнулъ, всплеснувъ рученками:

— Ну, тятька. Вотъ какую я штуку скажу тебѣ...

— Какую?

— Тамъ сейчасъ вора поймали...

— Какъ вора?—вскрикнули Обертышевъ и Агаѳья Петровна.

— Такъ, вора, мужика. Мѣшокъ съ мукой хотѣлъ было украсть; ужь совсѣмъ изъ мельницы вышелъ, да спасибо мельникъ увидалъ. Такъ съ мѣшкомъ и поймалъ при свидѣтеляхъ...

— Ну?

— Мельникъ пригрозилъ мировымъ, а воръ бултыхъ въ ноги. Сталъ прощенья просить, мѣшокъ назадъ отдалъ и обѣщалъ въ пятницу штрафу принести...

— Чей такой мужикъ-то?

— Здѣшній, Борисовъ Иванъ.

— Ишь, подлецъ!...

И потомъ, немного подумавъ и погладивъ по головѣ Ванятку, Обертышевъ проговорилъ, обращаясь къ становому:

— Ну, сударь, народъ до тѣхъ поръ изворовался, что никогда такого воровства

не было. Ни стыда, ни совѣсти — ничего этого въ немъ нѣтъ. Не повѣрите, другъ у друга воровать принялись. Какъ-бы, кажись, своего брата не пожалѣть; вѣдь ужь хорошо знаютъ, что мужику кажинное зернушко пóтомъ и кровью достается,—такъ нѣтъ-съ! и тутъ неймутся. Другъ у друга замки ломаютъ; холсты, хлѣбъ воруютъ. Кажись-бы, возможно-ли это дѣло... картошку — и то другъ у друга по ночамъ выкапываютъ, яйца изъ-подъ насѣдокъ таскаютъ... А ужь надуть, обмануть человѣка — это для нихъ плевое дѣло! Я вѣдь ужь ихъ отлично постигъ-съ!... Ты вотъ ему на грошъ повѣришь, а онъ тебя на гривну надуетъ.

— А вонъ и вора ведутъ! — крикнулъ Ванятка.

— А ну-ка, ну-ка, постойка! — проговорилъ Обертышевъ и, ссадивъ сына, подошелъ къ окну, мимо котораго слѣдовала процессія. — Вишь, каналья, и шапку въ рукахъ несетъ, и рожу перекосилъ...

И Обертышевъ вышелъ въ прихожую, въ которую вошли одновременно и воръ, и мельникъ, и свидѣтели.

— Что?—проговорилъ Обертышевъ, при-

нявъ грозную позу и засунувъ руки въ карманы шароваръ.

— Да вотъ... — началъ запинаясь мужикъ: — къ твоей милости, пятишницу принесъ... А ты ужь того...

— Что того?

— Прости, что-ли...

— Укралъ?

— Я вѣдь не укралъ, Константинъ Иванычъ, а точно—взялъ, думалъ, что мой мѣшокъ; анъ вышло, что не мой...

— Ну, что грѣшить-то! — перебилъ его мельникъ. — Ну, какой твой, коли у тебя никакого мѣшка на мельницѣ не было...

— Чего ужь тамъ! — проговорили свидѣтели. — Ужь лучше повинись, Иванъ Егорычъ, можетъ и простятъ... а то чего тамъ...

— Небось, лукавый попуталъ, а? — допрашивалъ Обертышевъ. — Ну, нѣтъ, братецъ, другъ любезный, я съ тобой на пятишницѣ не помирюсь. Мало!

— Какъ-же такъ, Константинъ Иванычъ! — взвылъ мужикъ. — Ужь мы вотъ съ ихней милостью на пятишницѣ покончили, чтобы значитъ грѣха этого до суда до страшнаго не доводить.

— Я нешто хозяинъ? — перебилъ его

мельникъ. — Я такъ только говорилъ, а дѣло это хозяйское...

— Я не согласенъ! — замѣтилъ Обертышевъ.

Мужикъ, съ пятишницей въ рукахъ, даже обмеръ.

— Какъ-же теперича?... — бормоталъ онъ.

— А вотъ какъ, — перебилъ его Обертышевъ. — Коли хочешь со мной мириться и до страшнаго суда не доходить, такъ ты мнѣ пятишницу-то подай, а завтра съ хутора съ Николай-Иванычевскаго десять четвертей проса привезти. Тогда Богъ съ тобой...

— Батюшка Константинъ Иванычъ, отецъ родной! — взвылъ мужикъ, бухаясь въ ноги. — Пожалѣй! Лошаденка у меня одна, когда я перевезу!

— Братьевъ попроси... помогутъ, чай.

— Гдѣ ужь отъ братьевъ помощи ждать! У нихъ свое дѣло есть. Нешто они бросятъ свое дѣло.

— Ну, водки купи, по́мочь собери...

— А гдѣ-же денегъ-то на водку взять? Вѣдь меньше четвертной не поставишь... Хорошо, кабы ты въ долгъ повѣрилъ...

— Это тебѣ-то?

— Такъ что-жь такое! Нешто я тебѣ не заплачу?

— Нѣтъ, другъ любезный. Ужь это мы, такъ и быть, оставимъ. Водку вдолгъ продавать не указано, а вотъ коли закладъ какой, тогда дѣло другое. У тебя, говорятъ, двѣ шкуры коровьихъ есть, вотъ ты мнѣ и принеси ихъ.

— Что-жь, ничего, это можно...

— Такъ, значитъ, по рукамъ?

Мужикъ замялся.

— Обидно, Константинъ Иванычъ...

— Ну, такъ въ острогѣ посиди, коли обидно. Тамъ и поятъ, и кормятъ даромъ, и дѣлать ничего не заставляютъ.

— Это точно, — перебилъ его мужикъ: — знамо, житье покойное! Кабы зимой только, а то вѣдь лѣто, пора рабочая... Зимой я бы слова не сказалъ... а вѣдь въ эту пору одинъ день цѣлый годъ кормитъ. Пожалѣй хоть малость...

— И то жалѣю, а кабы не жалѣлъ-то, такъ и разговаривать съ тобой-бы не сталъ. Отправилъ-бы тебя къ мировому — и вся не долгà.

— Ну, ладно, проговорилъ мужикъ, вставая и подавая Обертышеву пятишницу: —

чтó съ тобой дѣлать! бери деньги, а завтра просо привезу. Только ужь ты вотъ что, Константинъ Иванычъ, — прибавилъ мужикъ, почесываясь и широко улыбаясь: — ты мнѣ ужь за это стаканчикъ водочки поднеси...

— За что это?

— Да какъ же, безъ этого уже нельзя; то-же вѣдь времени-то немало съ тобой провелъ.

— Кто-же виноватъ-то?

— Ужь это нельзя, ужь завсегда.

— Ну, нѣтъ, братецъ, у меня здѣсь не кабакъ.

— Ну, какъ знаешь, а мы безъ этого не согласны, — проговорилъ мужикъ рѣшительно и направился къ двери. Обертышевъ поспѣшно остановилъ его.

— Постой, постой, — проговорилъ онъ: — вѣдь надуешь?

— Зачѣмъ! — крикнулъ мужикъ. — Нешто надувать можно; за это не похвалятъ.

— Такъ привезешь просо?

— Знамо, привезу.

— Десять четвертей?

— Извѣстно, десять; больше не привезу, не бойся.

— Завтра?

— Можно и завтра.

— Побожись...

Но въ это время дверь въ прихожую распахнулась, и въ комнатѣ показался приходскій священникъ.

— Кого это божиться заставляютъ? — проговорилъ онъ шутливымъ тономъ: — нешто можно божиться? Сказано: «непріемли имени Господа Бога твоего всуе».

— Это не всуе, — замѣтилъ Обертышевъ: — ужь дозволь, отецъ.

— Ну, ладно, коли не всуе, такъ разрѣшаю и благословляю.

И, проговоривъ это, священникъ прошелъ въ залу и началъ раскланиваться съ хозяйкой и Панталоновымъ.

Мужикъ, между тѣмъ, побожился на образъ, отдалъ Обертышеву пятишницу и, выпивъ стаканъ водки, довольный пошелъ домой въ сопровожденіи мельника и свидѣтелей.

— А я вѣдь къ вамъ по дѣлу пришелъ, заговорилъ батюшка, обращаясь къ Обертышеву, когда тотъ вернулся въ залу.

— Чайку напиться, что-ли? — спросилъ шутя Обертышевъ.

— Чайку, это само собой, пожалуй даже и отъ водочки не откажусь, коли дѣло на то пошло! — бойко отвѣтилъ развязный батюшка: — а дѣло-то все-таки само собой имѣется.

— Какое-же это такое дѣло?

— Выѣденнаго яйца не стóитъ, брóсовое, а все-таки дѣломъ называется. Въ кумовья звать пришелъ.

— Какъ! — вскрикнули Обертышевъ и Агаѳья Петровна: — разрѣшилась матушка-то?

— Пора, небось! Ужь и то никакъ года два съ брюхомъ ходила.

Раздался хохотъ.

— Кого Богъ далъ? — спросила Агаѳья Петровна.

— Не посмотрѣлъ, право, — съострилъ батюшка и махнулъ рукой.

Хохотъ раздался снова.

— Чудакъ! — проговорилъ Обертышевъ.

Но батюшка уже не слушалъ и, обратясь къ Агаѳьѣ Петровнѣ, говорилъ:

— Вы что-же про чай-то, поговорили только?

— Чай-то холодный, даже и просить-то совѣстно.

— Ничего, попы и холодненькимъ не брезгаютъ!

Агаѳья Петровна подала стаканъ.

— Можетъ, ромкомъ подогрѣть нельзя-ли, коли ужь больно холоденъ? — спросилъ батюшка.

Опять захохотали.

— Можно, можно, — проговорилъ Обертышевъ.

И, обратясь къ женѣ, прибавилъ:

— Гаша! принеси ромку-то въ самомъ дѣлѣ.

— Такъ вѣдь и я съ ромкомъ-то выпью,— проговорилъ вдругъ Панталоновъ, поддѣлываясь подъ остроты батюшки.

Агаѳья Петровна принесла бутылку рому.

— Ну, что-же? — спросилъ батюшка Обертышева. — Въ кумовья-то пойдешь?

— А угощеніе будетъ?

— Господи Боже мой! извѣстно, будетъ. У тебя же въ лавкѣ возьму.

— Это, то есть, какъ-же возьмешь?

— Извѣстно какъ берутъ — подъ полу и домой. А то работника пришлю, коли самъ не донесу.

— А деньги?

— Ну, ужь съ поповъ взятки гладки. Да

вѣдь мнѣ немного и нужно. Что тамъ! Икорки, колбаски, осетринки для пирога, рису, водочки съ полведра, коли ведра пожалѣешь... Для дамскаго пола пряничковъ, орѣшковъ... Онѣ вѣдь этимъ любятъ заниматься-то!... Ну, а ужь остальное-то мое будетъ.

Всѣ опять захохотали.

— А ужь намъ-то, дамамъ, никакого винца не будетъ? — спросила Агаѳья Петровна.

— Какъ не будетъ! — вскрикнулъ батюшка. — А висантъ-то? У насъ въ церкви его много, и мука тоже отличная, конфетная, купецъ одинъ пожертвовалъ. Пирогъ дѣльный загнемъ...

Хохотъ усилился еще больше.

— Ахъ, отецъ Александръ, отецъ Александръ! — слышались восклицанія. — Шутникъ, право...

— Ну, смѣяться-то нечего, — перебилъ ихъ батюшка. — Вы мнѣ записку-то давайте въ лавку и въ кабакъ. Мнѣ съ вами прохлаждаться некогда. Попадья строго-на-строго заказала, чтобы я скорѣе домой шелъ да чтобы не съ пустыми руками...

— Ладно! ладно! — проговорилъ Обер-

гышевъ. — Ужь такъ и быть—пойдемъ, напишу; что̀ съ тобой дѣлать!

И они ушли въ сосѣднюю комнату.

— Онъ все такъ-то, — замѣтила Агаѳья Петровна, обращаясь къ становому: — и за это самое всѣ любятъ его. Другіе попы, особливо изъ новыхъ, изъ молодыхъ-то, жадные есть, таксы разныя выдумываютъ, гордецы, съ народомъ ведутъ себя возвышенно, а этотъ, наоборотъ, все шуточками... И посмотрите, домъ-то у него — чаша полная... Вотъ онъ какой, батюшка-то нашъ!...

Немного погодя, Обертышевъ, Агаѳья Петровна и становой сидѣли уже за столомъ, посреди котораго стояла миска съ ухой. Уха вышла на-славу, и ароматъ отъ нея разливался по всей комнатѣ; пахло лавровымъ листомъ и перцемъ, а бульонъ былъ до того крѣпокъ, что слипались губы. За ухой слѣдовалъ поросенокъ съ кашей. Кожица его такъ и хрустѣла на зубахъ, между тѣмъ какъ нѣжное мясо, покрытое тонкимъ слоемъ жира, словно таяло во рту.

— Кашки-то, кашки-то подложите! — говорила Агаѳья Петровна, подвигая Панталонову блюдо съ поросенкомъ. — Кашка

хорошая, румяная, съ лучкомъ и съ грибками.

— Ай да жена!—говорилъ Обертышевъ, уписывая поросенка за обѣ щеки. — Вѣдь это все она сама у меня хлопочетъ. Такая кухмистерша, что отдай все да мало. А попробовали бы вы, какъ она кулебяки печетъ...

— И гдѣ только научились вы этой премудрости? — замѣтилъ Панталоновъ и положилъ себѣ еще поросенка и каши.

— Какъ гдѣ! — почти вскрикнула Агаѳья Петровна.—Я, поди, года два въ барскомъ домѣ жила; насмотрѣлась на поваровъ-то! Повара у насъ были петербурскіе...

— У насъ! у кого это у насъ? — перебилъ ее вдругъ Обертышевъ и, насупивъ брови, такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что даже тарелки загремѣли. — Жила у какихъ-то господъ въ судомойкахъ, а тоже говоритъ: у насъ! Терпѣть я этого не могу. И сколько разъ я говорилъ, чтобы ты и не поминала про это прежнее житье... Гмъ! у насъ! Словно какъ вся эта сволочь на тебя стряпала: словно какъ всѣ эти кушанья для тебя готовились. Чудное, право, дѣло. Судомойкой при кухнѣ была, помои

выливала да тарелки мыла... Подать, принять, облизать, разбить и закинуть — вотъ какое твое дѣло было, а тоже «у насъ». Съ суконнымъ рыломъ суется...

И что-то недоброе загорѣлось въ глазахъ Обертышева. Благодаря этой сценѣ, конецъ ужина прошелъ натянуто, и хотя овсяный кисель съ молокомъ былъ изготовленъ тоже на-славу, но его ѣли всѣ молча и даже никто не похвалилъ. Обертышевъ былъ разозленъ и разозлился еще больше, когда, тотчасъ же послѣ ужина, Ванятка подалъ отцу какое-то письмо, запечатанное въ конвертѣ.

— Это еще отъ кого? — спросилъ онъ.

— Отъ Дмитрія Иваныча, отъ Курганова, — отвѣтилъ мальчикъ: — старый лакей привезъ, отвѣта проситъ.

— Чего еще нужно?

И, прочитавъ письмо, Обертышевъ даже плюнулъ съ досады.

— Дуракъ, болванъ старый! — вскрикнулъ онъ: — извольте радоваться! мало ему ста рублей, проситъ еще хоть полсотни прислать. Хочу, говоритъ, въ городъ съѣздить купить кое-что; ради Бога, говоритъ, выручите.

И потомъ, обратясь къ Ваняткѣ, спросилъ:

— Гдѣ посланный?

— Тамъ, въ кухнѣ.

— Кликни его сюда.

Немного погодя, въ комнату вошелъ угрюмый старикъ, одѣтый въ длиннополый сюртукъ изъ толстаго синяго сукна и въ коротенькія полосатыя панталоны. Насупившись, посмотрѣлъ онъ на Обертышева и, никому не поклонившись, остановился у двери.

— Ты, что-ли, отъ Курганова? — крикнулъ Обертышевъ.

Старикъ поднялъ голову и, презрительно посмотрѣвъ на расходившагося мельника, проговорилъ:

— Да ты что, пьянъ что-ли, что людей не узнаешь?

— Ну, не разговаривать! Ты что-ли письмо-то привезъ?

— Извѣстно, я.

— Такъ скажи своему барину, что денегъ у меня про его глупости нѣтъ... Далъ ему сто рублей, и довольно съ него. Мы и при деньгахъ—и то на деревянныхъ кроватяхъ спимъ, а когда клопы одолѣютъ, такъ и вовсе на полъ ложимся. А у него гроша въ карманѣ нѣтъ, а туда-же желѣзную кро-

вать съ пружинами покупать хочетъ. Да вотъ еще что скажи барину-то своему: у него, молъ, становой сидитъ, исполнительный, молъ, листъ въ тысячу рублей на васъ привезъ, такъ проситъ, молъ, денежки приготовить. Онъ, молъ, къ вамъ надняхъ побываетъ и, коли денежекъ не приготовите, такъ онъ судебнаго пристава привезетъ да все опишетъ... Такъ и скажи ему, слышишь!

Но старикъ долго молчалъ, долго смотрѣлъ на Обертышева и, наконецъ, плюнувъ, проговорилъ:

— Мужикъ ты, мужикъ и есть!

И вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

— Ладно! — проговорилъ Обертышевъ нахально и, обратясь къ становому, прибавилъ: — Ну-те, пожалуйте-ка мнѣ листокъ-то.

Становой вынулъ изъ портфеля листъ, передалъ его Обертышеву и, немного погодя, уѣхалъ.

Однако, выйдя въ сѣни, онъ успѣлъ поймать тамъ Агаѳью Петровну и, схвативъ ее за руку, спросилъ шопотомъ:

— Что это съ нимъ сдѣлалось?

— Извѣстно что, — проговорила она: —

про барскій дворъ упомянула, онъ и обозлился. Прощайте.

— А когда-же за цвѣтами? — спросилъ Панталоновъ, не выпуская руки.

— Зимой, сказано ужь.

— Хорошо, буду ждать.

— Извѣстно, за подожданье деньги не платятъ.

— Мучительница! — шепнулъ Панталоновъ.

— Ужь какая есть.

— Агаѳья!—раздался вдругъ голосъ Обертышева. — Чего тамъ застряла? Спать иди!

Агаѳья Петровна мгновенно выдернула руку и скрылась за дверью.

— Спать! — подумалъ становой, усаживаясь въ тележку. — Заснешь съ этакимъ чортомъ! Ну, трогай!

Колокольчики зазвенѣли, колеса загремѣли, раздался рѣзкій свистъ ямщика, и становой умчался.

Становой былъ правъ. Ночка выдалась Агаѳьѣ Петровнѣ невеселая; спасибо еще, что ночи-то майскія коротки...

III

УСАДЬБА Дмитрія Иваныча Курганова была верстахъ въ пяти отъ мельницы Обертышева. Стоило только подняться на гору, какъ изъ-за плоской возвышенности полей виднѣлась уже соломенная крыша его домика съ двумя выбѣленными трубами и верхушки небольшой рощицы, зеленѣвшей возлѣ дома. Дмитрій Иванычъ принадлежалъ къ числу мелкихъ землевладѣльцевъ уѣзда; у него было всего десятинъ шестьсотъ земли и небольшой винокуренный заводъ, недавно поврежденный пожаромъ и потому стоявшій въ бездѣйствіи. Усадьба Курганова состояла

изъ небольшаго домика, двухъ, трехъ флигелей, конюшни, скотнаго двора и другихъ необходимыхъ построекъ. Немного поодаль отъ усадьбы, на опушкѣ лѣса, возвышался наполовину обгорѣлый винокуренный заводъ съ высокою кирпичною трубою и нѣсколько тоже обгорѣлыхъ строеній. Пожаръ этотъ, случившійся прошлой зимой, придавалъ усадьбѣ Дмитрія Иваныча Курганова какой-то особенно тяжелый видъ. Заводъ пострадалъ не много, сгорѣла только одна часть его, за то все остальное строеніе, лѣпившееся около завода, представляло собою груду кирпичей и развалинъ. Домикъ, въ которомъ жилъ Дмитрій Иванычъ, былъ построенъ, какъ только пріѣхалъ онъ въ Ольшанку, а такъ какъ послѣ этого прошло уже много лѣтъ, то и немудрено, что онъ имѣлъ весьма печальный видъ. Это было строеніе о пяти окнахъ и, конечно, съ двумя неизбѣжными тесовыми крылечками, изъ которыхъ одно называлось «парадным» подъѣздомъ, а другое «чернымъ». Въ домикѣ было всего пять комнатъ, а именно: зала, гостиная, угольная и двѣ комнаты въ коридорѣ, изъ которыхъ одну занималъ самъ Дмитрій Иванычъ, а другую

его вѣрный слуга, старый Архипъ, тотъ самый, котораго мы видѣли уже на мельницѣ Обертышева. На зиму, во избѣжаніе лишней топки, оба старика эти, словно сурки, забирались въ свои комнаты, а переднюю половину дома наглухо заколачивали. За то къ празднику Пасхи, какъ-бы рано она ни была, старики откупоривали заколоченную половину, ставили посреди залы столъ, и, накрывъ его бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью, размѣщали на немъ пасху, куличъ, крашеныя яйца, окорокъ ветчины, барашка изъ масла и двѣ, три бутылки наливки домашняго изготовленія. Страстная недѣля и Пасха были самыми радостными днями въ скучной и тяжелой жизни описываемыхъ старичковъ. Въ эти дни они превращались въ дѣтей и съ дѣтскимъ восторгомъ суетились и хлопотали надъ приготовленіями къ свѣтлому празднику, стараясь всему придать праздничный и торжественный видъ.

Вамъ, жители шумныхъ городовъ, не понять этихъ чувствъ. Для васъ зима — время развлеченій; вы не заколачиваете своихъ парадныхъ комнатъ; вы не прячетесь въ

одну, самую маленькую, въ которой и теплѣе и уютнѣе; зима не заноситъ васъ снѣгомъ; вьюги не напѣваютъ вамъ тоскующихъ пѣсенъ, не врываются въ трубы вашихъ домовъ. Весна для васъ пора болѣзней, грязи и ломки экипажей... Пасхальный звонъ заглушается громомъ колесъ... Но тѣмъ, которые всю зиму провели чуть-ли не подъ сугробами снѣга, тѣмъ весна время воскресенія. Словно съ Христомъ вмѣстѣ воскресаютъ и люди эти. Горе для нихъ миновало; ярко горящее солнце золотитъ ихъ бѣдный уголъ; весенній воздухъ вливаетъ въ нихъ жизнь и возрождаетъ новыя силы. Все встрепенулось! Жиденькій колоколъ сельской церкви, хотя и не потрясаетъ воздуха, но за то, не заглушаемый шумомъ города, свободно летитъ по степи, и вторятъ ему гремучіе ручьи да трели жаворонка.

Дмитрію Иванычу было лѣтъ шестьдесятъ. Это былъ старичекъ небольшаго роста, совершенно сѣдой, но, тѣмъ не менѣе, всегда державшій себя прямо, по-военному, бодро и молодцовато. Волосы стригъ онъ подъ гребешекъ, оставляя только спереди небольшой хохолъ и небольшіе виски, которые

обыкновенно тщательно зачесывалъ напередъ. Сѣдые усы его нельзя было назвать красивыми, ибо Дмитрій Иванычъ какъ-то особенно уродливо подстригалъ ихъ и придавалъ имъ форму тѣхъ пучковъ щетины, которые придѣлываются къ ручкѣ штопора. Два пучка эти торчали только подъ носомъ, углы-же рта были тщательно выбриты. Дмитрій Иванычъ всегда ходилъ въ военномъ сюртукѣ наглухо застегнутомъ и въ большомъ высокомъ галстухѣ, который, вмѣстѣ съ воротникомъ сюртука положительно отнималъ у него всякую возможность свободно вращать головой. Несмотря, однако, на такую фертообразную фигуру, наружность старика все-таки была симпатична и носила на себѣ отпечатокъ доброты.

Насколько акуратно держалъ себя Дмитрій Иванычъ, настолько вѣрный слуга его Архипъ, до сихъ поръ упорно называвшій себя крѣпостнымъ человѣкомъ господина, Курганова, держалъ себя неряшливо и грязно. Зимой ходилъ въ какомъ-то не то полушубкѣ, не то кацавейкѣ, и въ валеныхъ сапогахъ, а лѣтомъ въ однихъ панталонахъ съ двумя подтяжками, перекинутыми черезъ

плечи поверхъ грязной, всегда разодранной ситцевой рубахи, и въ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу. На барина Архипъ смотрѣлъ съ какимъ-то презрѣніемъ, постоянно ворчалъ на него, корилъ его поступки и никакихъ приказаній никогда не исполнялъ. За то барское добро стерегъ съ вѣрностью пса и барскою честью дорожилъ какъ своею. Оба старика, несмотря на безпрестанныя ссоры, жили душа въ душу и врядъ-ли могли обойтись одинъ безъ другаго.

Прошлое Дмитрія Иваныча было столь-же обыкновенно, какъ и прошлое многихъ другихъ подобныхъ ему людей. Когда-то служилъ онъ въ военной службѣ и дослужился до штабсъ-ротмистра; когда-то вмѣстѣ съ полкомъ стоялъ въ какомъ-то маленькомъ городишкѣ Малороссіи; когда-то былъ молодъ, щеголялъ усами и шпорами, волочился за хохлушками, считался лихимъ малымъ и отличнымъ товарищемъ; но, женившись, бросилъ службу, бросилъ Малороссію и, поселившись въ родовомъ имѣніи, сельцѣ Ольшанкѣ, весь предался хозяйству и семейной жизни. Жена попалась ему любящая, дѣльная, хлопотунья и, помогая

мужу въ его занятіяхъ, чуть не каждый годъ рожала ему дѣтей. Ничего особенно выдающагося, ничего такого, что могло-бы украсить страницы отечественной исторіи, въ жизни Дмитрія Иваныча не было. Крови за отечество онъ не проливалъ, ни на какіе непріятельскіе редуты не вскакивалъ, знаменъ не отбивалъ, головъ не отрубалъ, на пушки въ пылу сраженій верхомъ не садился и таковыхъ не заклепывалъ. Женился съ разрѣшенія начальства и съ согласія родителей, потрясеніемъ какихъ-бы то ни было основъ не упражнялся, книгъ нетолько не сочинялъ, но даже въ руки не бралъ; никого въ морду не билъ и знаковъ отличія не имѣлъ. Изо всей прошлой военной жизни своей вспоминалъ только о какомъ-то смотрѣ, во время котораго, вслѣдствіе какой-то ошибки, онъ поставилъ свой эскадронъ передъ генераломъ Монтрезоромъ не фронтомъ, а хвостами, за что немедленно и послѣдовало приказаніе «спѣшиться» и сѣсть на гауптвахту. Самыми выдающимися событіями жизни его, если не считать Монтрезора, были: эмансипація крестьянъ, смерть жены съ нѣсколькими дѣтьми и пожаръ винокуреннаго завода. Послѣдствіемъ

событій этихъ было то, что эмансипація потрясла въ немъ вѣру въ неприкосновенность чужаго кармана, смерть жены и дѣтей — вѣру въ милосердіе Божіе, а пожаръ завода — въ благодѣтельность банковыхъ учрежденій.

Освобожденію крестьянъ Дмитрій Иванычъ долгое время не довѣрялъ, предполагая, что правительство, такъ только, пугаетъ дворянъ ради политическихъ цѣлей; но когда реформа дѣйствительно осуществилась, онъ примкнулъ къ числу оскорбленныхъ и недовольныхъ. Реформа эта крайне удивила его. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ было бросить Ольшанку и снова обратиться къ генералу Монтрезору, но такъ какъ ѣхать было не съ чѣмъ, да и семья была уже довольно солидная, то и пришлось волей-неволей стремленія свои если не совершенно сократить, то во всякомъ случаѣ умѣрить. Дмитрій Иванычъ бросилъ хозяйство и, поручивъ управленіе имѣніемъ прикащику, не входилъ ни во что и предался исключительно ропоту. Только одна жена, которую Дмитрій Иванычъ любилъ безгранично, поддерживала и ободряла его. Только благодаря этой женщинѣ, онъ,

спустя нѣкоторое время, сталъ понемногу покоряться судьбѣ и, убѣдившись, что плетью обуха не перешибешь, прогналъ прикащика и снова принялся за дѣло. Огнѣвавшись на крестьянъ за то, что они рѣшились принять волю и, подобно Архипу, не пожелали оставаться крѣпостными, онъ первымъ дѣломъ переселилъ ихъ съ глазъ долой, подальше отъ усадьбы, на противоположную сторону рѣки Ольшанки. На переселеніе это крестьяне пошли охотно, такъ какъ именно на той сторонѣ рѣки и была самая лучшая земля изо всей дачи Курганова. Дмитрій Иванычъ зналъ это очень хорошо, но онъ рѣшился пожертвовать даже лучшей землей своей, лишь-бы только не имѣть подъ носомъ «неблагодарныхъ» людей. Онъ никакъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что люди эти, которыхъ онъ никогда не притѣснялъ, поступили съ нимъ точно такъ-же, какъ поступили крестьяне съ тѣми помѣщиками, которые обращались съ ними какъ со скотами. Тѣмъ не менѣе, и это чувство, по истеченіи нѣкотораго времени, замѣтно поуспокоилось. Дмитрій Иванычъ покорился «неумолимой судьбѣ», и только немного сократился. Онъ пересталъ

бывать у сосѣдей, сократилъ расходы по дому, разсчелъ нѣсколькихъ лишнихъ рабочихъ, уничтожилъ собакъ, вмѣсто двухъ горничныхъ сталъ держать одну, бросилъ курить табакъ и весь, такъ сказать, превратился въ сокращеніе расходовъ. Какъ, однако, Дмитрій Иванычъ ни сокращался, а все-таки вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ довольно крупному займу, вызванному необходимостью заново ремонтировать заводъ, пришедшій въ окончательное разрушеніе. Долго кряхтѣлъ надъ этимъ дѣломъ Дмитрій Иванычъ и, наконецъ, посовѣтовавшись съ женой, порѣшилъ заложить Ольшанку въ какой-либо земельный банкъ. Земли было у него всего-навсего шестьсотъ десятинъ; онъ заложилъ ее въ банкъ, и при оцѣнкѣ въ 60 рублей десятины получилъ въ ссуду по 36 рублей закладными листами. Закладныхъ листовъ этихъ надавали ему на 21,600 рублей, а такъ какъ красивую бумагу эту необходимо было обмѣнять на менѣе красивые кредитные билеты, и такъ какъ рубль приходилось великодушно отдавать за 90 коп., то вмѣсто 21,600 руб. можно было разсчитывать на полученіе только 19,500 рублей. Но и этотъ разсчетъ

оказался не совсѣмъ точнымъ, ибо изъ этой-же оборванной суммы необходимо было уплатить: проценты за полгода, комиссіонныя за продажу листовъ, гербовыя пошлины за обязательство, нотаріусу, одинъ процентъ одновременно банку, швейцару, сторожамъ, ко -какія совершенно неизвѣстныя недоимки, и потому, въ концѣ-концовъ, когда Дмитрій Иванычъ, возвратясь въ свой номеръ, принялся считать деньги, то, вмѣсто 21,600 рублей, онъ къ великому ужасу насчиталъ всего 14 съ чѣмъ-то, за каковую сумму и приходилось платить ему ежегодно по 1,620 руб. процентовъ, т. е. вмѣсто мнимыхъ $7^1/_2$ на рубль почти 12 коп. На первыхъ порахъ Дмитрій Иванычъ даже подумалъ, не обронилъ-ли онъ какъ-нибудь часть денегъ, объѣхалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ былъ, навелъ самыя тщательныя справки, вытребовалъ счетъ изъ банка и, еще разъ провѣривъ счетъ съ деньгами, убѣдился, что нигдѣ денегъ не обронялъ и что всѣ онѣ находятся налицо.

Возвратившись въ Ольшанку, Дмитрій Иванычъ скрылъ отъ жены урѣзку ссуды, а равно не сообщилъ и того обстоятельства, что выдалъ банку обязательство стра-

ховать всѣ находящіяся въ имѣніи постройки и не вырубать лѣса безъ предварительнаго на то разрѣшенія правленія. Умолчавъ обо всемъ этомъ, онъ дѣятельно принялся за ремонтъ завода. Жена помогала ему, и когда Дмитрію Иванычу приходилось ѣхать куда-нибудь въ городъ за покупками матеріаловъ, она наблюдала за рабочими и цѣлые дни проводила на заводѣ. Возвратясь однажды изъ отлучки, Дмитрій Иванычъ съ ужасомъ узналъ, что для завода потребовалось двѣсти хорошихъ дубовыхъ бревенъ, и что жена успѣла уже бревна эти и вырубить, и вывезти изъ лѣса. «Что ты надѣлала!—вскрикнулъ онъ въ отчаяніи. — Что ты надѣлала! Вѣдь безъ разрѣшенія банка нельзя было рубить лѣсъ!» — «Это почему?» — «А потому, что съ меня взято обязательство!»— «Да вѣдь ты одну землю заложилъ!» — «Одну, но все-таки обязательство съ меня потребовали!» — «Можетъ быть, не узнаютъ!» поспѣшила успокоить его жена, и дѣйствительно Дмитрій Иванычъ успокоился. Однако, на дѣлѣ вышло иначе. Узнавъ о вырубленныхъ бревнахъ, Обертышевъ секретно донесъ правленію банка, и банкъ немедленно командировалъ въ Ольшанку

одного изъ своихъ агентовъ. Дмитрій Иванычъ пришелъ въ ужасъ. Напрасно показывалъ онъ, что лѣса не вырубалъ, а только выбралъ 200 деревъ, что 200 деревъ эти употребилъ на ремонтъ завода, что порубкой этой лѣсной дачи не испортилъ, а слѣдовательно и обязательства своего не нарушалъ,—агентъ былъ глухъ и нѣмъ и, составивъ актъ, представилъ его въ правленію банка, которое и не замедлило предъявить къ Дмитрію Иванычу искъ за обезцѣненіе заложеннаго имѣнія. Искъ этотъ тянулся, однако, довольно долго, и Дмитрій Иванычъ началъ уже успокаиваться, какъ новая туча грохнула надъ его головой. Заболѣла жена тифомъ, тифъ перешелъ на дѣтей, и въ теченіе какого-нибудь мѣсяца отъ всей семьи Дмитрія Иваныча остался только онъ да сынъ Борисъ, учившійся въ то время въ университетѣ. Горе до того сразило Дмитрія Иваныча, что онъ, никогда не предававшійся пьянству, началъ пить мертвую, пилъ подъ-рядъ нѣсколько недѣль и кончилъ тѣмъ, что въ припадкѣ бѣлой горячки принялся себѣ рѣзать горло бритвой; но, къ счастію, слѣдившій за нимъ «крѣпостной человѣкъ» во-время вошелъ

въ комнату. «Крѣпостной человѣкъ» этотъ связалъ его по рукамъ и ногамъ, уложилъ въ постель, наскоро залѣпилъ чѣмъ-то зіявшую рану и бросился къ доктору. Недѣли двѣ пролежалъ Дмитрій Иванычъ въ постели, но за то, когда выздоровѣлъ и припомнилъ случившееся, то уткнулся въ подушку и заплакалъ какъ ребенокъ. Съ тѣхъ поръ онъ словно встрепенулся, бросилъ водку, и, вспомнивъ, что онъ все-таки не одинъ и что у него есть еще сынъ Борисъ, снова съ прежней энергіей принялся за дѣло.

Тѣмъ временемъ банковскій процессъ былъ оконченъ, и Дмитрію Иванычу пришлось уплатить банку довольно солидную цифру.

Такъ прошло два года. Дмитрій Иванычъ хлопоталъ безъ устали. Онъ увеличилъ посѣвы, развелъ овцеводство, удобрялъ землю и совершенно уже прекратилъ всякое знакомство съ сосѣдями. Только мировой судья Бутенко, бывшій его сослуживецъ, съ которымъ сошелся онъ еще въ Малороссіи, да приходскій священникъ были его постоянными посѣтителями. Съ ними игралъ онъ въ шашки, въ дурачки, раскладывалъ пасьян-

сы и съ ними съ одними дѣлилъ томившее его одиночество. Заново отдѣланный заводъ дѣйствовалъ на-славу, и еслибы Дмитрію Иванычу не было необходимости каждое полугодіе вносить по 800 рублей слишкомъ въ банкъ процентовъ, то онъ былъ-бы однимъ изъ счастливѣйшихъ людей. Но проценты эти отравляли его спокойствіе. Съ приближеніемъ платежныхъ сроковъ на Дмитрія Иваныча нападалъ какой-то паническій страхъ, и только тогда, когда проценты эти были внесены, онъ свободно вздыхалъ, какъ-будто гора спадала съ его плечъ. Итакъ, дѣла шли довольно хорошо. Проценты Дмитрій Иванычъ вносилъ своевременно, доходы съ имѣнія получались удовлетворительные, на себя лично тратилъ онъ немного и потому все, что оставалось, отсылалъ сыну въ Петербургъ. Въ ожиданіи сына, Дмитрій Иванычъ начиналъ уже примиряться съ судьбой, но миролюбивое состояніе это продолжалось недолго. Загорѣлась какая-то баня, съ бани перекинуло огонь на лабазъ, съ лабаза на какую-то ветхую избенку, а съ избенки на винокуренный заводъ, и если-бы вѣтеръ вдругъ почему-то не вздумалъ повернуть назадъ, по

направленію выжженныхъ уже строеній, то, конечно, отъ завода осталась-бы одна лишь кирпичная труба; но, благодаря этому вѣтру, сгорѣла только часть завода. Такъ какъ мѣшкать было некогда и надо было къ предстоящему винокуренію заводъ оправить, то Дмитрій Иванычъ донесъ кому слѣдуетъ о случившемся пожарѣ. Пріѣхалъ становой Панталоновъ; пріѣхалъ агентъ страховаго общества, и пожарные убытки были оцѣнены въ пять тысячъ рублей. Такъ какъ страховой полисъ хранился въ банкѣ, то Дмитрій Иванычъ и поскакалъ въ городъ, но обязательный банкъ предупредилъ Курганова и, вытребовавъ себѣ пожарный убытокъ, зачислилъ сумму эту въ сверхсрочное погашеніе долга. Дмитрій Иванычъ попробовалъ было протестовать, заявилъ, что строенія въ залогѣ не были, но въ утѣшеніе получилъ отвѣтъ, что хотя все это и справедливо, но что строенія тѣмъ не менѣе возвышали въ глазахъ банка цѣнность имѣнія и потому пожарные убытки могутъ быть возвращены тогда только, когда взамѣнъ погорѣвшихъ строеній будутъ возведены новыя. Что тутъ было дѣлать? Дмитрій Иванычъ сталъ искать денегъ въ займы; онъ

объѣхалъ всѣхъ капиталистовъ, всѣхъ знакомыхъ, разсказывалъ имъ подробности своего положенія, встрѣтилъ повсюду самое теплое участіе и неподдѣльное порицаніе дѣйствій банка, но... денегъ не нашелъ. Тогда Дмитрій Иванычъ обратился къ Обертышеву, думалъ было у него перехватить «тысченку, другую», но Обертышевъ объявилъ, что денегъ у него нѣтъ, а въ-виду неотложной надобности посовѣтовалъ продать десятинъ сто земли. Дмитрій Иванычъ сначала испугался этой мысли, но потомъ, обдумавъ, что другаго исхода не предвидѣлось, рѣшился на продажу. Дѣло было слажено. Обертышевъ нашелъ денегъ, приторговалъ землю по 60 рублей за десятину, совершилъ запродажную запись, назначилъ срокъ совершенія купчей крѣпости, выставилъ тысячу рублей неустойки и далъ рублей шестьсотъ задатку. На этотъ-то задатокъ, къ которому Дмитрій Иванычъ приложилъ еще нѣсколько сотъ рублей, вырученныхъ отъ продажи овецъ и лишнихъ лошадей, онъ принялся за отдѣлку завода, но этихъ денегъ было недостаточно. Между тѣмъ, время шло, наступила зима, подошелъ срокъ совершенія купчей крѣпости,

и Дмитрій Иванычъ вмѣстѣ съ Обертышевымъ отправились въ городъ. Но тутъ случилось нѣчто такое, чего Дмитрій Иванычъ никакъ не ожидалъ. Банкъ опять придрался и объявилъ, что для разрѣшенія продажи необходимо запроданный участокъ отмежевать въ «натурѣ». Даже Обертышевъ вступился въ это дѣло, и оба принялись доказывать банку, что зимой отмежевывать землю невозможно, такъ какъ она подъ снѣгомъ; что отмежевку эту можно совершить весной; что границы запроданнаго участка нанесены на планъ, и слѣдовательно споровъ не можетъ быть, что, наконецъ, границы будутъ описаны и въ купчей крѣпости; но банкъ все-таки остался при своемъ и продажи не разрѣшилъ. Все это кончилось тѣмъ, что Обертышевъ, согласно совершенному договору, взыскалъ съ Дмитрія Иваныча выданный ему задатокъ и тысячу рублей неустойки. Этотъ-то самый исполнительный листъ и былъ привезенъ становымъ Панталоновымъ Обертышеву при началѣ нашего разсказа.

Нечего говорить, что заводъ остался неотстроеннымъ и винокуреніе не состоялось. Дмитрій Иванычъ окончательно упалъ ду-

хомъ, и, все подробно описавъ сыну, чистосердечно сознался, что онъ рѣшительно незнаетъ, что теперь ему дѣлать. Въ такомъ-то безвыходномъ положеніи мы застаемъ Курганова.

IV

НЕЧЕГО говорить послѣ этого, что, какъ только Дмитрій Иванычъ получилъ отъ сына извѣстное намъ письмо, такъ въ ту-же минуту въ домѣ все всполошилось. Отославъ сыну всѣ сто рублей, взятые у Обертышева, Дмитрій Ивановичъ успѣлъ перехватить еще сто рублей у Бутенко, продалъ корову и съ этими деньгами отправился въ городъ за необходимыми покупками, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Архипу привести въ порядокъ домъ и садъ. Не прошло и недѣли, какъ все было въ исправности. Домикъ былъ вымытъ и вычищенъ, а садъ выглядѣлъ такимъ мило-

виднымъ, какимъ давно уже не былъ. Оставалось только устроить комнату Бориса Дмитрича. По общему соглашенію съ «крѣпостнымъ человѣкомъ», соглашенію, не обошедшемуся безъ споровъ и даже небольшой ссоры, было порѣшено, что Борисъ Дмитричъ займетъ угóльную комнату, такъ какъ окна ея обращены на югъ, выходили въ садъ и такъ какъ прямо передъ окномъ этой комнаты возвышался тотъ развѣсистый вязъ, по сучьямъ котораго любилъ лазать Борисъ, будучи ребенкомъ. Комнату эту необходимо было, прежде всего, оклеить обоями, привезенными изъ города, а потомъ уже заняться ея убранствомъ. Наклейка обоевъ продолжалась недолго, такъ какъ за дѣло это принялись и Дмитрій Иванычъ и Архипъ. Дмитрій Иванычъ намазывалъ обои клейстеромъ, а Архипъ, взгромоздясь на какую-то опрокинутую кадушку, накладывалъ ихъ на стѣну. Когда комната была оклеена и полы вымыты, старики принялись за меблировку. Была поставлена только-что купленная желѣзная кровать съ пружиннымъ тюфякомъ, надъ кроватью приложенъ кисейный пологъ, долженствовавшій защищать отъ мухъ и комаровъ, разостланъ

коврикъ и поставленъ ночной столикъ. Немного погодя, комната была готова и представляла собою весьма удобный и красивый уголокъ. Давно уже ветхій домикъ Дмитрія Иваныча не видалъ ничего подобнаго. Здѣсь, въ этой комнатѣ съ двумя окнами, въ которыя чуть не врывались вѣтви вяза, было собрано все необходимое. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ письменный столъ, съ небольшой столовой лампой и письменными принадлежностями; передъ столомъ плетеное кресло, корзина для бумагъ; у стѣны, примыкавшей къ гостиной, мягкій диванъ, а возлѣ оконъ по одному мягкому креслу. Усѣвшись въ кресло и растворивъ окно, можно было видѣть значительную часть сада съ его старинными липовыми деревьями, выметенными и вычищенными дорожками и цѣлой куртиной пахучей сирени. Въ переднемъ углу комнаты возвышался кіотъ съ образами; образа эти были старинные, переходившіе изъ рода въ родъ, въ серебряныхъ ризахъ, съ темными ликами и позолоченными сіяніями. Не забытъ былъ и портретъ матери молодаго человѣка. Портретъ этотъ, висѣвшій прежде въ комнатѣ Дмитрія Иваныча, въ настоящее время былъ

перенесенъ въ комнату Бориса и повѣшенъ надъ диваномъ. Съ какою-то особенно доброй и ласковой улыбкой смотрѣло съ темнаго полотна доброе и пріятное лицо этой женщины.

Не забыли устроить и купальню. Правда, сдѣлана она была изъ жердей и рогожъ, но за то видъ имѣла весьма живописный. Точно шалашъ Робинзона пряталась она подъ вѣтвями громадной ракиты и тонула въ темной зелени густаго камыша. И какъ хороша была рѣка въ этомъ мѣстѣ! Перепруженная ниже плотиной, рѣка эта была полна водой. На одномъ берегу возвышался садъ съ темными старинными липами и дубами; а на другомъ разстилались поемные луга, пестрѣвшіе тысячами полевыхъ цвѣтовъ. Купальня предназначалась только для раздѣванья, и потому построена была на самомъ краю отлогаго песчанаго берега; стоило только сдѣлать два, три шага, какъ вы были уже по грудь въ водѣ, а подъ ногами у васъ имѣлось твердое и ровное песчаное дно.

Дмитрій Иванычъ позаботился даже и о цвѣтахъ и устроилъ передъ балкономъ такую клумбу, глядя на которую можно было

залюбоваться. Въ срединѣ клумбы возвышались рослыя и сочныя георгины, затѣмъ слѣдовали кусты мирабилиса, далѣе душистый левкой, обильно цвѣтущія пеларгоніи и, наконецъ, бордюрныя растенія, состоявшія изъ махровыхъ портулаковъ, анютиныхъ глазокъ, маргаритокъ и душистой резеды. Клумбу окружала корзинка, сдѣланная изъ тонкой жимолости, и зеленый бордюръ изъ дерна.

Разъ какъ-то, когда Дмитрій Иванычъ былъ у Бутенко, пріѣзжалъ въ Ольшанку Обертышевъ съ исполнительнымъ листомъ. Онъ обошелъ весь домъ, обошелъ садъ, осмотрѣлъ купальню, поглядѣлъ на клумбу, заглянулъ въ кабинетъ Бориса Дмитрича и, увидавъ кровать съ пружиннымъ тюфякомъ, замѣтилъ:

— Купилъ-таки!

— Купилъ-таки, — передразнилъ его Архипъ. — А по твоему какъ же, на полу что-ли спать?

— Сыпали и на полу.

— Да вѣдь онъ, чай, баринъ!

Обертышевъ только крякнулъ.

— Ну, а заводъ-то? а пожарище-то? — проговорилъ онъ. — Такъ и будетъ стоять?

— На твои что-ли на сто рублей строить?— замѣтилъ Архипъ.

Но Обертышевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только пощупалъ тюфякъ, покачалъ головой и, проговоривъ, что «на дняхъ побываетъ», уѣхалъ домой.

Наконецъ, пришла и телеграмма, возвѣщавшая, что Борисъ Дмитричъ выѣхалъ изъ Петербурга и что въ такой-то день и часъ прибудетъ на ближайшую станцію желѣзной дороги. Дмитрій Иванычъ поѣхалъ самъ за сыномъ. Только въ два часа ночи приходитъ поѣздъ, но Дмитрій Иванычъ въ восемь часовъ вечера былъ уже на станціи. Маленькій, грязненькій вокзалъ былъ, конечно, совершенно пустъ, и только въ телеграфномъ отдѣленіи, за дверью съ стеклянымъ окошечкомъ, какой-то молодой человѣкъ съ взъерошеннымъ хохломъ, падавшимъ на глаза, сидѣлъ за аппаратомъ и постукивалъ пуговкой. Что-то треснуло, зашипѣло, колесо аппарата задвигалось и бумажная лента поползла по рукѣ телеграфиста. Дмитрій Иванычъ смотрѣлъ на все это въ окошечко, смотрѣлъ на хохолъ угрястаго молодаго человѣка, раза два оглянулся на него и телеграфистъ, но, не сказавъ ни

слова, опять принялся чикать пуговкой. Томительно-долго тянулось время. Отъ нечего дѣлать Кургановъ прочелъ всѣ объявленія, развѣшанныя по стѣнамъ, всѣ рекламы гостиницъ, сапожниковъ и фотографовъ, прочелъ цѣлую диссертацію о какомъ-то жучкѣ, нападающемъ на картофель; побывалъ въ дамской комнатѣ, поправилъ тамъ передъ зеркаломъ хохолъ и височки; побывалъ въ мужской комнатѣ; пощупалъ десятичные вѣсы; ходилъ по пустынной платформѣ; смотрѣлъ на сложенные подъ навѣсомъ мѣшки съ мукой и хлѣбомъ; любовался садикомъ, въ которомъ дѣти начальника станціи играли съ жандармомъ въ синихъ брюкахъ и ситцевой рубахѣ; посмотрѣлъ на ласточекъ, сидѣвшихъ на телеграфной проволокѣ, на товарные вагоны, перекатываемые рабочими съ мѣста на мѣсто, и, наконецъ, посмотрѣвъ на часы, отправился въ торчавшій неподалеку отъ вокзала трактирчикъ и тамъ, усѣвшись за столъ, спросилъ себѣ чаю. Знакомый трактирщикъ, хищникъ первой руки, подсѣлъ къ нему и спросилъ:

— Далеко-съ?

— Только сюда на станцію.

— Такъ-съ. По дѣлу-съ?

— Да, сына пріѣхалъ встрѣчать, — съ гордостію проговорилъ Дмитрій Иванычъ.

— Такъ-съ.

— Курсъ кончилъ въ университетѣ, кандидатомъ, и теперь ко мнѣ ѣдетъ.

— Хорошее дѣло-съ. А издалеча-съ?

— Изъ Питера.

— Такъ-съ.

И потомъ, немного погодя, зѣвнувъ и перекрестивъ широко раскрытый ротъ съ толстымъ языкомъ, прибавилъ:

— Скоро будутъ?

— Съ этимъ поѣздомъ.

— Такъ-съ. А тамъ все пошаливаютъ, слышно...

— Гдѣ?

— Да въ Питерѣ-то, и все больше молодой народъ, вишь...

Это «пошаливаютъ» словно ножемъ рѣзнуло по сердцу Дмитрія Иваныча. Онъ поспѣшно выпилъ чай и, расплатившись, чуть не бѣгомъ вышелъ изъ трактирчика хищника и снова вошелъ въ пустынный вокзалъ, освѣщавшійся единственной лампой. Только одна телеграфная комната была ярко освѣщена и пропускала сквозь окошечко

цѣлый потокъ свѣта. Хохлатый и угрястый молодой человѣкъ все еще чикалъ на аппаратѣ и все, пропуская черезъ руку ленту, внимательно разсматривалъ пестрѣвшіе на ней знаки.

— Поѣздъ не скоро еще придетъ? — рѣшился, наконецъ, спросить его Дмитрій Иванычъ, отворивъ окошечко.

— Откуда?

— Изъ Петербурга?

— То есть изъ Тамбова? — поправилъ его телеграфистъ.

— Пожалуй, изъ Тамбова...

— Въ два часа ночи.

— А теперь еще только одиннадцать! — подумалъ Дмитрій Иванычъ и, отойдя отъ окна, рѣшился идти въ мужскую комнату и прилечь на диванъ. Но едва прилегъ онъ, какъ слово «пошаливаютъ» снова рѣзнуло его по сердцу. Что-то неясное, смутное и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное врывалось въ его голову; сердце его замирало, онъ словно задыхался... Тщетно старался онъ забыть это слово, выгнать его вонъ изъ головы, но оно не переставало звучать въ ушахъ его и въ его бѣдномъ наболѣвшемъ сердцѣ. Онъ ворочался съ боку на бокъ, закрывалъ глаза...

Долго метался онъ, наконецъ забылся и заснулъ.

Вдругъ за стѣной, на платформѣ раздался звонокъ. Звукъ его какъ-то тупо проникалъ сквозь стѣну, и словно молоткомъ простучалъ по головѣ Дмитрія Иваныча. Вскочивъ съ дивана, онъ выбѣжалъ въ общій залъ.

— Поѣздъ? — спросилъ онъ сторожа.

— Поѣздъ со станціи вышелъ.

— Какой?

— Третій номеръ.

— Это откуда-же?—переспросилъ Дмитрій Иванычъ, ничего не понимавшій въ номерахъ.

— Изъ Тамбова.

Съ раздавшимся звонкомъ въ вокзалѣ пришло все въ движеніе. Зала освѣтилась лампами; успѣвшіе собраться пассажиры начали осматривать свои мѣшки и чемоданы; явился буфетчикъ и, покрывъ прилавокъ скатертью, прежде всего поставилъ двѣ банки съ китайскими розанами, а затѣмъ принялся разставлять бутылки съ винами и водкой, тарелочки съ колбасой, сыромъ и селедками и, въ концѣ-концовъ, возвелъ двѣ пирамиды изъ ящиковъ сигаръ и пачекъ папиросъ; тутъ же съ этими папиросами смѣшались и

двѣ, три коробки съ конфетами и пастилой. Пришла жена буфетчика съ кипѣвшимъ самоваромъ. Она тоже, въ свою очередь, накрыла столъ скатертью, тоже поставила банку съ какими-то растеніями, а потомъ принялась разставлять чайный приборъ и корзинки съ сухарями, сушками и булками. По залу раза два прошелся начальникъ станціи въ красной форменной фуражкѣ, заглянулъ въ контору, поговорилъ что-то съ телеграфистомъ и, пославъ стрѣлочниковъ по мѣстамъ, опять куда-то ушелъ. Растворилась касса, высунулась какая-то голова въ форменной фуражкѣ и, крикнувъ: «Пассажиры въ Саратовъ, пожалуйте брать билеты!» — принялась чѣмъ-то хлопать и стучать. Пришелъ и жандармъ; онъ былъ въ полной формѣ, въ мундирѣ, въ каскѣ, съ саблей, револьверомъ, съ густо нафабренными усами и, ставъ у окна кассы, принялся натягивать бѣлыя перчатки. На вѣсахъ взвѣшивали сундуки и чемоданы, и голосъ артельщика выкрикивалъ: «Саратовъ три мѣста, четыре пуда шестнадцать фунтовъ!» и, сбросивъ сундуки, принимался за другіе. Хлопанье штемпелями раздавалось во всѣхъ углахъ; хлопалъ ими кассиръ, хло-

палъ артельщикъ, хлопалъ конторщикъ... Штемпеля накладывались на все: на билеты, на ярлыки, на чемоданы, и, кажется, одни только лбы пассажировъ оставались незаклейменными. Но всего этого Дмитрій Иванычъ не замѣчалъ. Онъ былъ давнымъ-давно на платформѣ и, ставъ на сáмый край ея, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда ожидался поѣздъ. Ночь была темная, и тщетно Дмитрій Иванычъ силился разглядѣть что-либо. Онъ видѣлъ какіе-то мерцавшіе вдали фонари краснаго и зеленаго цвѣта, но что́ было дальше этихъ фонарей, что́ было около нихъ, разглядѣть не могъ. Темными массами возвышались передъ нимъ товарные вагоны, темными же массами чернѣли и всѣ строенія станціи. Получившіе билеты тоже вышли на платформу и тоже принялись смотрѣть въ сторону поѣзда. Показался жандармъ и, позвякивая шпорами, началъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

— Скоро? — спросилъ его Дмитрій Иванычъ.

— Теперь скоро-съ, — отвѣтилъ жандармъ и снова зашагалъ по платформѣ.

— Не проспалъ-бы, мимо-бы не про-

ѣхалъ — подумалъ Дмитрій Иванычъ и снова какъ-будто испугался.

Но вотъ вдали показались двѣ огненныя точки; послышался какой-то отдаленный не то гулъ, не то стонъ; гдѣ-то далеко въ темнотѣ проигралъ рожокъ; на платформѣ показалась красная фуражка начальника станціи, и все пришло въ движеніе. Дмитрій Иванычъ впился глазами въ непроглядную тьму... Двѣ огненныя точки, между тѣмъ, все увеличивались и увеличивались; онѣ видимо ползли и приближались къ станціи. Раздававшійся стонъ становился все слышнѣе и слышнѣе; стало доноситься какое-то пыхтѣніе; платформа подъ ногами словно дрожала; послышался отдаленный громъ колесъ; двѣ огненныя точки превратились въ два огненные, чудовищные глаза, испускавшіе изъ себя огненные лучи. Лучи эти бѣжали по линіи и освѣщали то сторожа съ флагомъ, то телеграфный столбъ, то саженки дровъ... Показалось облако бѣлаго дыма, а немного погодя раздался и пронзительный свистъ локомотива. Поѣздъ прогремѣлъ по стрѣлкамъ, раздалось шипѣніе выпускаемаго пара, полетѣли искры, раздался звонокъ, просвистѣлъ свистокъ,

прокатились мимо платформы два огненные глаза, пахнуло чадомъ и жаромъ... Цѣлый рядъ освѣщенныхъ вагоновъ, визжа и гремя колесами и тормазами, остановился у платформы; повыскакали кондуктора и, прокричавъ: «станція Грачевка, поѣздъ стоитъ двѣ минуты», принялись отворять дверки вагоновъ.

Немного погодя, подъ однимъ изъ фонарей платформы можно было видѣть старика лежавшаго въ объятіяхъ молодаго человѣка. То были: Дмитрій Иванычъ и Борисъ Дмитричъ. Оба они не могли выговорить ни слова, оба слишкомъ многое переживали...

V

НЕСМОТРЯ на то, что отецъ и сынъ провели описанную ночь безъ сна, они и весь слѣдующій день не подумали объ отдыхѣ. Заѣхавъ на могилу матери и отслуживъ тамъ панихиду, они пріѣхали въ Ольшанку часовъ въ семь утра. «Крѣпостной человѣкъ» встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ съ хлѣбомъ и солью. На немъ былъ старомодный сюртукъ съ высокимъ воротникомъ, высокій шелковый галстухъ и какіе-то полосатенькіе панталоны, обнажавшіе голенища сапогъ. Борисъ обнялъ старика, расцѣловалъ его, спросилъ про житье-бытье, но, замѣтивъ, что глаза Ар-

хипа наполнились слезами, а губы задрожали какъ въ лихорадкѣ, онъ снова обнялъ его и, принявъ хлѣбъ-соль, поспѣшилъ въ комнату. Весь этотъ день и отецъ, и сынъ были на ногахъ. Они обошли садъ, усадьбу, побывали на водяной мельницѣ, на скотномъ дворѣ, на овчарнѣ, завернули въ купальню, а послѣ обѣда отправились въ лѣсъ, гдѣ и пробыли часовъ до восьми вечера. Разговорамъ не было конца. Они вспомнили прошлое, говорили о настоящемъ и только часовъ въ двѣнадцать ночи, счастливые и довольные, отправились на покой. Не желая огорчать сына, Дмитрій Иванычъ ни слова не сказалъ ему о запутанномъ положеніи дѣлъ. Онъ не сказалъ объ этомъ ничего и на второй, и на третій, и на четвертый день. Онъ только радовался, глядя на сына, радовался его счастію. И дѣйствительно, Борису Дмитричу было какъ-то особенно и легко, и весело. Всѣ эти дни онъ, словно школьникъ, наслаждался отдыхомъ. Измученный продолжительнымъ трудомъ, онъ легко дышалъ среди этихъ полей и луговъ, подъ кровомъ роднаго дома, въ обществѣ стараго отца. Ему легко и весело было среди родныхъ мѣстъ. Каждый холмъ, каждое

дерево, каждый изгибъ рѣки, каждая тропинка были ему знакомы. Глядя на все это, онъ словно съизнова переживалъ свое дѣтство и отрочество. Пріѣздъ Бориса Дмитрича воскресилъ не только Дмитрія Иваныча, но и всѣхъ жителей ольшанской усадьбы. Старый Архипъ словно помолодѣлъ. Онъ принялся вмѣстѣ съ кухаркой приготовлять кушанья, поминутно бѣгалъ то на ледникъ, то въ подвалъ, и дошелъ даже до того, что, не имѣя привычки вовсе мести полы, вдругъ принялся натирать ихъ даже воскомъ.

Раза два ходилъ Борисъ Дмитричъ съ ружьемъ на охоту, убилъ нѣсколько утокъ и куликовъ; ходилъ съ удочками на рѣку и наловилъ столько рыбы, что ее хватило на обѣдъ и ужинъ. Не замедлили явиться и ольшанскіе крестьяне съ поклономъ.

— Тамъ, вонъ, старики къ вамъ за водкой пришли! — доложилъ объ нихъ Архипъ.

— Какъ за водкой? — удивился Борисъ Дмитричъ.

— Извѣстно какъ: пришли съ пріѣздомъ поздравить. Самые что ни на есть пьяницы собрались...

Борисъ Дмитричъ захохоталъ, но Архипъ перебилъ его:

— Чего хохотать-то! хохотать нечего. Идите-ка поскорѣе, а то, пожалуй, пьяницы-то разсердятся, что долго водки не даете.

Борисъ Дмитричъ выглянулъ въ окно и, дѣйствительно, увидалъ десятка два ольшанскихъ стариковъ, толпившихся у «парадного» крылечка. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ или чашку съ яйцами, или пѣтуха, или связку баранокъ. Чуть не бѣгомъ выбѣжалъ къ нимъ Борисъ Дмитричъ. Онъ всѣхъ обнялъ, перецѣловалъ, далъ три рубля на чай и, взявъ подарки, пустился въ разговоры. Всѣхъ этихъ стариковъ Борисъ Дмитричъ зналъ поименно, зналъ ихъ женъ и дѣтей, и потому матеріала для разговоровъ было не мало. Вышелъ на крыльцо и Дмитрій Иванычъ и, усѣвшись рядомъ съ сыномъ, тоже пустился въ бесѣду. Онъ былъ польщенъ вниманіемъ стариковъ, и только одинъ Архипъ, стоявшій въ сѣняхъ и посматривавшій на стариковъ, ворчалъ подъ носъ:

— Вишь, какіе генералы пріѣхали... И подлецы только! чуютъ гдѣ сорвать можно.

На третій день Дмитрій Иванычъ повезъ сына къ пріятелю Бутенко. Судья встрѣ-

тилъ ихъ въ передней и при видѣ молодаго человѣка вскрикнулъ, всплеснувъ руками:

— Неужто-же это Боря?

— Онъ, онъ, — отвѣчалъ торжествовавшій отецъ. — Къ тебѣ привезъ, вотъ онъ, смотри на него... Выше насъ съ тобой выросъ...

— Радъ, душевно радъ! — говорилъ Бутенко. — Радуюсь и поздравляю. Ну что совсѣмъ что-ли ученье-то кончилъ? Это сколько-же ты лѣтъ учился?

— Лѣтъ тринадцать.

— Отцы мои! — вскрикнулъ судья. — Вѣдь это почти полжизни!

— За то кандидатъ! — перебилъ его Дмитрій Иванычъ.

— Да чортъ-бы тебя побралъ со всѣмъ и съ кандидатствомъ!... Помилуй, что это такое!...

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, заговорилъ

— Однако, слава Богу, теперь все кончено, слѣдовательно и толковать нечего. А я еще вчера услыхалъ про пріѣздъ Бори, еще вчера поджидалъ и, признаться, посердился, что долго глазъ не показываете. Вѣдь я тебя, молодой человѣкъ, на рукахъ носилъ. Помнишь, что-ли?

— Помню и попрежнему люблю и уважаю васъ.

— Спасибо, спасибо...

Весь вечеръ просидѣли они у Бутенко и только часовъ въ 12 ночи возвратились домой.

Такъ прошло дней пять. О хозяйствѣ ни отецъ, ни сынъ ничего еще не говорили и, пожалуй, не скоро-бы коснулись этого невеселаго предмета, еслибы «крѣпостной человѣкъ» случайно не вмѣшался въ дѣло. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Какъ-то однажды вечеромъ Борисъ Дмитричъ разговорился съ отцомъ про студенческую жизнь; разсказамъ не было конца. Онъ говорилъ съ нимъ о профессорахъ, о житьѣ-бытьѣ студентовъ, о товарищахъ, о князѣ, съ которымъ, во время лѣтнихъ вакацій, четыре года кряду ѣздилъ за-границу, о своихъ путешествіяхъ по Швейцаріи и Италіи, и затѣмъ перешелъ къ послѣднему времени своего пребыванія въ университетѣ. Онъ подробно разсказалъ объ экзаменахъ и какъ, по окончаніи экзаменовъ этихъ, ему было предложено, въ числѣ другихъ избранныхъ студентовъ, ѣхать на казенный счетъ заграницу.

— Я было совсѣмъ согласился, — проговорилъ онъ: — но потомъ отказался.

— Почему-же? — спросилъ его отецъ.

Борисъ Дмитричъ даже повернулся на креслѣ при этомъ вопросѣ.

— Какъ почему? — почти вскрикнулъ онъ. — А ты-то?

— Что я?

— Какъ что! Нельзя-же мнѣ было забыть, что я не одинъ и что у меня есть старикъ отецъ, который, по всей вѣроятности, ждетъ моего пріѣзда, какъ Богъ знаетъ чего!

— Это вѣрно, — замѣтилъ стоявшій тутъ же Архипъ. — Это вы вѣрно говорите. Мы уже и не чаяли дождаться васъ. Такъ полагали, что вы совсѣмъ забыли про насъ. Я вамъ правду говорю, я лгать не стану. Бывало, когда получимъ отъ васъ письмо, что вы опять заграницу ѣдете, такъ словно насъ кто варомъ окатитъ! Что мы? Сами видите, какіе мы! Старые, дряхлые... Наше дѣло въ церковь ходить да Богу молиться. Такъ у насъ все промежъ пальцевъ и плыветь!... Смотрѣть-то, какъ-будто мы и хлопочемъ, а чего тамъ?... слава одна. Такъ все изъ рукъ и валится. Вотъ хоть заводъ, къ примѣру... изволили видѣть пожарище-то?

Поправить-бы слѣдовало, а мы не можемъ, потому что этой самой живности въ насъ нѣтъ. Была она когда-то, а теперь...

— Боря! не слушай ты, ради Бога, дурака этого! — вскрикнулъ Дмитрій Иванычъ.

— Напрасно, я правду говорю. Я лгать не люблю... Чего мы сдѣлаемъ? Мы вотъ подойдемъ къ пожарищу-то, разведемъ руками... ахъ! ахъ! — а поправить-то дѣло не умѣемъ... А вѣдь поправить-то его надо! Теперь ужь скрывать бѣду нечего. Вѣдь дѣла-то у насъ вовсе плохи... Такъ жить нельзя. Надо и за дѣло приняться.

— Богъ дастъ, все поправимъ! — замѣтилъ Дмитрій Иванычъ.

— Поправимъ, только не мы, а другой кто-нибудь!...

— Вотъ и мельница тоже, — продолжалъ, между тѣмъ, Архипъ, обращаясь къ Борису Дмитричу. — Видѣли ее?

— Видѣлъ.

— Ну, что, какъ она вамъ понравилась?

— Мельница, кажется, хорошая...

— Хорошая она, перебилъ его Архипъ: — только любая баба на ручныхъ жерновахъ больше хлѣба перемелетъ, чѣмъ мы на водяной мельницѣ. Вотъ она какая хорошая-

то!.., А посмотрѣть на насъ... кажись, и ночей не досыпаемъ, и днемъ не дремлемъ; съ утра до ночи въ хлопотахъ все, а любая баба насъ за поясъ заткнетъ.

Борисъ Дмитричъ даже расхохотался при послѣднихъ словахъ Архипа, между тѣмъ какъ Дмитрій Иванычъ вспылилъ не на шутку.

— Это чортъ знаетъ что! — кричалъ онъ, покраснѣвъ отъ гнѣва. — Ты меня изъ терпѣнія выводишь. И что ты вмѣшиваешься въ наши разговоры! Ступай и накрывай на столъ... ужинать пора.

— На столъ я накрою, а вотъ заводъ съ мельницей исправить — это статья иная!

Результатомъ всего этого было то, что Дмитрій Иванычъ послѣ ужина пошелъ съ сыномъ въ его комнату и чуть не до разсвѣта проговорилъ съ нимъ. Онъ подробно описалъ ему положеніе дѣлъ, объяснилъ свои затрудненія, а въ концѣ концовъ заговорилъ вообще о деревнѣ и ея порядкахъ. По этому поводу, старикъ развелъ такую рацею, изъ которой можно было ясно видѣть, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права произошла лишь та перемѣна, что мужикъ изъ рукъ дворянъ перешелъ въ

«лапы» кабатчиковъ и трактирщиковъ. Старикъ разошелся до того, что по пальцамъ пересчиталъ сыну, сколько именно въ описываемой мѣстности перешло дворянскихъ имѣній въ руки купцовъ, какая отъ этого послѣдовала перемѣна, поименовалъ этихъ новыхъ землевладѣльцевъ, обрисовалъ исторію ихъ быстраго обогащенія, ихъ методъ хозяйства: поименовалъ окрестныхъ кабатчиковъ, трактирщиковъ и лавочниковъ; пріемы, съ помощью которыхъ люди эти, разоряя населеніе, обогащаютъ себя, провелъ параллель между крѣпостнымъ крестьяниномъ и свободнымъ; выбралъ изъ прежняго все лучшее, а изъ настоящаго все худшее и кончилъ тѣмъ, что если крѣпостное право и откупа не будутъ введены вновь, немедленно и даже сейчасъ, то дворянство и крестьянство исчезнутъ съ лица земли, и, взамѣнъ ихъ, останутся одни купцы, кабатчики и трактирщики.

На этомъ они простились; но когда Дмитрій Иванычъ, перекрестивъ сына, вышелъ изъ комнаты, явился Архипъ.

— Садитесь-ка, я съ васъ сапоги стащу, — проговорилъ онъ. — Ну что, поговорили?

— Поговорили.

— А про исполнительный листъ сказывалъ?

— Про какой исполнительный листъ?

— Про обертышевскій.

— Нѣтъ, я ничего не знаю...

Архипъ даже головой помоталъ.

— Ишь вѣдь, скрылъ...

— Да что такое?

— А то, что Обертышевъ надняхъ съ исполнительнымъ листомъ пріѣдетъ и все имущество наше опишетъ и продастъ. И кровать вашу, и сапоги мои, все...

— За что-же это?

— А за то-же, что дураки мы. Вотъ за что.

И, немного помолчавъ, проговорилъ, искоса посматривая на дверь:

— Вѣдь мы Обертышеву участокъ земли запродали.

— Знаю.

— Написали запродажную, обозначили, когда купчую совершить, поставили тысячу рублей неустойки, а купчую-то совершить намъ не позволили... Ну, вотъ Обертышевъ неустойку и взыскиваетъ... Ужь онъ пріѣзжалъ разъ.

Послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что Борисъ Дмитричъ понялъ, что дѣла идутъ не ладно и что Обертышевъ, дѣйствительно, чего добраго, слопаетъ ихъ всѣхъ живьемъ. Тысячи плановъ роились въ его головѣ, и ни на одномъ изъ нихъ онъ не могъ сосредоточиться. То рисовалось ему пожарище, обгорѣлый заводъ, то водяная мельница, не выдерживающая конкуренціи съ бабьими жерновами, то вспоминалъ онъ свое кандидатство, товарищей, отправленныхъ на казенный счетъ заграницу, то вдругъ передъ нимъ, словно изъ земли, выросталъ Обертышевъ, котораго онъ зналъ еще прежде и на красивую жену котораго не разъ засматривался. Но Обертышевъ тогда былъ не тотъ; тогда онъ былъ еще простымъ кабатчикомъ, сидѣлъ на бахчахъ въ шалашѣ, а теперь онъ купецъ и въ рукахъ у него исполнительный листъ. И Борисъ Дмитричъ впадалъ въ раздумье, не зная, что дѣлать.

Не спалъ точно также и Дмитрій Иванычъ, но не спалъ онъ не отъ тяжелыхъ раздумій, а наоборотъ—отъ избытка счастья. Ему все улыбалось, все казалось радостнымъ и веселымъ. Надо сказать, что Борисъ Дмит

ричъ, извѣстивъ отца объ окончаніи курса и о намѣреніи своемъ пріѣхать въ Ольшанку, ничего не сообщилъ о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ. Старикъ не зналъ, какъ смотрѣть на пріѣздъ сына — какъ на временный-ли, или же, наоборотъ, какъ на желаніе постоянно жить въ деревнѣ. Одиночество томило его, и теперь, вкусивши счастья, онъ началъ не на шутку бояться этого одиночества...

Только одинъ «крѣпостной человѣкъ» храпѣлъ во всю мочь, вполнѣ сознавая, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, и что теперь есть кому успокоить ихъ и позаботиться о ихъ благоденствіи.

Борисъ Дмитричъ былъ правъ, сказавъ отцу наканунѣ, что утро вечера мудренѣе. Слѣдующее утро было исключительно посвящено только дѣлу. Какъ ни были отрывчаты, запутаны тѣснившіяся въ головѣ Бориса Дмитрича соображенія, но тѣмъ не менѣе рядъ размышленій, а пуще всего ясныя слова, сказанныя Архипомъ, привели къ желаемому результату. Проснувшись, онъ ясно уже сознавалъ, что мечтать о заграничной командировкѣ нечего; что, ради отца и ради дѣла, ему необходимо посе-

литься въ деревнѣ и неотложно заняться заводомъ и мельницей. Вотъ почему Борисъ Дмитричъ, придя утромъ въ комнату отца и увидавъ его сидящимъ передъ зеркаломъ съ намыленными щеками и бородой и съ бритвой въ рукахъ, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Слушай, отецъ! Я сердитъ на тебя.

— За что это?

— А за то, что ты со мной не откровененъ.

— Вотъ тебѣ разъ! — вскрикнулъ старикъ: — какіе-же могутъ быть у меня секреты!

— А вотъ есть, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ. — Ты что-же помалчиваешь про исполнительнный листъ Обертышева?

Дмитрій Иванычъ даже бритву положилъ на столъ.

— Такъ и зналъ! — вскрикнулъ онъ.

И, обратясь къ сыну, спросилъ:

— Архипъ?

— Онъ.

— Такъ и зналъ... подлецъ!

— Почему-же подлецъ?

— А потому, во-первыхъ, что, можетъ быть, Обертышевъ не станетъ и взыскивать

этихъ денегъ, а во-вторыхъ—нельзя-же такъ сразу...

— А я такъ, напротивъ, очень благодаренъ Архипу, потому что, узнавши теперь всѣ ваши тайны, я могу сообразить, что именно нужно дѣлать. Я хочу съѣздить къ Обертышеву и постараюсь съ нимъ уладить дѣло, а затѣмъ надо приниматься за заводъ и за мельницу. Правда, что мельница плоха?

— Правда.

— Слѣдовательно, все это необходимо привести въ порядокъ. Въ механикѣ я кое-что смыслю, въ дѣлѣ винокуренія понимаю мало, но вѣдь не боги-же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ! Можно почитать, посовѣтоваться и ознакомиться такимъ путемъ съ сутью дѣла.

— «Останется!» — мелькнуло въ головѣ Дмитрія Иваныча, и улыбка появилась на его лицѣ. Улыбку эту замѣтилъ Борисъ и спросилъ:

— Ты что-же улыбаешься? Не довѣряешь моимъ способностямъ?

— Что ты, Господь съ тобой, и не думаю!

— Почему-же ты улыбнулся?

— Такъ...

И, взявъ бритву, онъ принялся за бритье, а Борисъ Дмитричъ продолжалъ прерванный разговоръ:

— Итакъ, надо заняться заводомъ и мельницей. Ты мнѣ писалъ, что съ этой цѣлью ты хотѣлъ продать Обертышеву сто десятинъ земли, но такъ какъ все это происходило зимой, когда нельзя было сдѣлать въ натурѣ нарѣзки, то банкъ продажи этой не разрѣшилъ.

— Это была пустая придирка...

— Ну, объ этомъ мы говорить не будемъ; если у нихъ существуютъ такого рода правила, то иначе поступить было нельзя. Но теперь лѣто, нарѣзку сдѣлать возможно, а слѣдовательно — и банкъ разрѣшитъ продажу. Ты мнѣ скажи только вотъ что: что выгоднѣе имѣть — заводъ, или же сто десятинъ земли?

— Конечно, заводъ.

— Слѣдовательно, землю продать необходимо.

— Боря! другъ мой! — почти вскрикнулъ Дмитрій Иванычъ, протягивая сыну руки. — Архипъ былъ правъ, мы съ нимъ дѣйствительно устарѣли, и дѣло у насъ дѣйствительно валилось изъ рукъ...

Рѣшено было совершить немедленно довѣренность отъ отца сыну: но когда Дмитрій Иванычъ немного успокоился, онъ проговорилъ, обратясь къ сыну:

— А все-таки послужить-бы слѣдовало.

— Почему-же это слѣдовало-бы! Развѣ для того только, чтобы опять оставить тебя одного.

— Можно служить и живя въ деревнѣ, мировымъ судьей, напримѣръ.

— А куда-же мы Бутенку-то дѣнемъ?

— Бутенко переѣзжаетъ въ Москву.

— Переѣзжаетъ?

— Да, для воспитанія дѣтей.

— Отлично! — вскрикнулъ Борисъ.—Отъ такой службы я не прочь и думаю, что могу быть даже полезнымъ, будучи кандидатомъ правъ.

Въ это самое время подъѣхалъ къ крылечку Обертышевъ. Онъ пріѣхалъ въ той-же тележкѣ, въ которой мы уже видѣли его, на той-же сытой и жирной лошади, словно покрытой лакомъ, и точно также, какъ и тогда, медленно вышелъ изъ тележки, крикнулъ кучера и, попросивъ его подержать лошадь, снялъ фуражку, отеръ платкомъ потъ со лба и только тогда вошелъ въ домъ.

Немного погодя, онъ входилъ уже въ ту комнату, въ которой сидѣли Дмитрій Иванычъ и Борисъ Дмитричъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ старику, и, не дождавшись отвѣта, протянулъ руку Борису Дмитричу.

— Съ пріѣздомъ-съ... Давно пожаловали?

— Недавно. Вы какъ поживаете? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Помаленечку-съ...

И, пристально посмотрѣвъ на Бориса Дмитрича, добавилъ:

— Повозмужали-съ...

— Немудрено; изъ ребятъ-то вышелъ...

— Это точно-съ... бородка и все такое, и плотнѣе много стали.

— Вы ко мнѣ? — не безъ страха спросилъ Дмитрій Иванычъ.

— Нѣтъ-съ, я проѣздомъ-съ... къ мировому ѣду, да по дорогѣ и заѣхалъ. Дай, думаю, заверну, на молодаго барина посмотрю... Тоже когда-то знакомы были...

— Еще-бы,— подхватилъ Борисъ Дмитричъ. — А какъ Агаѳья Петровна поживаетъ?

— Ничего-съ.

— Давно ужь не видалъ я ее...

— Да-съ, давненько-съ... Кланяется вамъ.

— Вы зачѣмъ-же къ мировому? — спросилъ Дмитрій Иванычъ.

— Получилъ повѣстку-съ, а по какому дѣлу, самъ не знаю... Какой-то мужиченко Ястребовъ пять рублей съ меня взыскиваетъ, а я даже и мужика такого не знаю... Ей-богу.

И, немного помолчавъ, онъ добавилъ:

— А впрочемъ-съ, и къ вамъ дѣльце маленькое имѣю. Думаю, все одно ужь заѣду. Поговорить тоже не мѣшало-бы...

Дмитрій Иванычъ снова испугался, между тѣмъ какъ Обертышевъ, театрально усѣвшись на стулъ и фертомъ подбоченясь, сохранялъ на лицѣ полнѣйшее хладнокровіе и спокойствіе.

— Ужь не насчетъ-ли неустойки? — спросилъ Дмитрій Иванычъ.

— Такъ точно-съ.

— Я полагалъ, что вы и взыскивать не будете.

— Съ большимъ-бы моимъ удовольствіемъ, только самому деньги до зарѣза нужны.

— Но вѣдь вы знаете, что въ дѣлѣ этомъ я нисколько не виноватъ

— Это точно-съ. Да вѣдь и моей вины тоже нѣтъ-съ.

— Вѣдь я вовсе не желалъ обманывать васъ.

— Зачѣмъ-же обманывать-съ? Обманывать не хорошо-съ.

— Въ томъ-то и дѣло... Чѣмъ-же я виноватъ, что банкъ не разрѣшилъ продажу? Кому-же могло придти въ голову, что для продажи участка необходимо отмежевать его въ натурѣ? Вамъ извѣстно, что я больше вашего потерпѣлъ отъ этого. Вѣдь банкъ прямо разорилъ меня... Ни страховой преміи не выдалъ, ни продажи не разрѣшилъ...

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ чуть не со слезами на глазахъ обратился къ Обертышеву:

— Нѣтъ, ужь вы, Константинъ Иванычъ, не губите меня... Я и такъ разоренъ... Что-же, вконецъ что-ли хотите разорить меня?...

— Зачѣмъ-же? мы этого не желаемъ-съ.

— А если не желаете, то разорвите исполнительный листъ.

Обертышевъ даже улыбнулся.

— Нѣтъ, это зачѣмъ-же-съ? — проговорилъ онъ. — Ужь это очень даже смѣшно

будетъ... А вотъ отсрочить уплату—это я могу-съ.

— Насколько-же вы отсрочите?

Обертышевъ опустилъ голову, нахмурилъ брови, потомъ взглянулъ на Дмитрія Иваныча, прищурилъ глаза и, какъ-бы соображая что-то, наконецъ, проговорилъ:

— На мѣсяцъ, извольте, отсрочу-съ...

— Гдѣ-же возьму я черезъ мѣсяцъ! — чуть не вскрикнулъ Дмитрій Иванычъ. — Черезъ мѣсяцъ надо проценты въ банкъ платить...

— Дальше не могу-съ...

— Черезъ мѣсяцъ у меня и денегъ не будетъ. Я даже не знаю, откуда и проценты доставать...

— Какъ угодно-съ.

— Вы-бы отсрочили подальше.

— Никакъ нельзя-съ... потому мнѣ самому платежи предстоятъ.

— Послушайте! — вскрикнулъ Дмитрій Иванычъ: — да что вы, въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь, слушая васъ, подумаешь, что я и въ правду долженъ вамъ?

— А какъ же-съ?

— Да вѣдь я денегъ у васъ не бралъ?...

— Это все одно-съ.

— Вѣдь взятый мною задатокъ я возвратилъ вамъ безъ всякихъ споровъ и судовъ?

— За это я вамъ премного благодаренъ-съ.

— А вѣдь это не деньги... вы изъ кармана не вынимали... Это случайность, больше ничего...

— Какая-же это случайность! помилуйте-съ! Тысяча рублей —это не случайность-съ. Отъ такой случайности даже никто не откажется, потому всякому жалко свое добро.

— Какое-же это ваше добро?

— Какъ-же не мое — мое собственное... Вѣдь листъ-то у меня въ карманѣ.

— Ну, ужь послѣ этого я не знаю, что и говорить! — какъ-то шепотомъ произнесъ Дмитрій Иванычъ и, вздохнувъ, поникъ головой.

— Я такъ думаю, — заговорилъ молчавшій до сего времени Борисъ Дмитричъ: — что всю эту бѣду легко можно поправить.

Обертышевъ слегка повернулся къ Борису Дмитричу и какъ-то искоса сталъ смотрѣть на него.

— Вѣдь за что взыскиваете вы неустойку? за то, что продажа не состоялась? Такъ?

— Такъ-съ.

— Слѣдовательно, теперь, когда продажу эту совершить возможно, мы ее и совершимъ... и тогда вопросъ о неустойкѣ или самъ собой распадется, или же будетъ разрѣшенъ нами по совѣсти.

И потомъ, подойдя къ Обертышеву, Борисъ Дмитричъ спросилъ:

— Вѣдь неустойку вы взыскиваете за то, что вамъ не достался участокъ?

— Нѣтъ-съ, а за то, что купчая не была совершена въ указанный срокъ, — отвѣтилъ Обертышевъ и, взглянувъ на Бориса Дмитрича, какъ-бы подумалъ: — «Что съѣлъ?...»

— Только за это? — переспросилъ молодой человѣкъ.

— Только за это-съ.

— А если-бъ купчую совершили на другой день послѣ срока, то есть опоздали-бы на день, вы стали-бы взыскивать неустойку?

— Непремѣнно-съ.

— Почему?

— Потому что тысяча рублей — деньги-съ.

Борисъ Дмитричъ даже вспыхнулъ, но тутъ-же переломилъ себя и спросилъ Обертышева:

— Вы желали купить участокъ?

— Желалъ-съ.

— Такъ купите теперь.

Обертышевъ подумалъ, помолчалъ, поерошилъ волосы, посопѣлъ и, немного погодя, подбоченясь проговорилъ:

— Теперь я не куплю-съ.

Разговоръ оборвался; всѣ замолчали.

— День нынче очень хорошій-съ, — проговорилъ, немного погодя, Обертышевъ.

— Отличный, — отвѣтилъ Дмитрій Иванычъ, между тѣмъ какъ Борисъ Дмитричъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Воздухъ очень легкій-съ, — продолжалъ Обертышевъ, поглядывая въ растворенное окно, выходившее въ садъ. — Не жарко... а у васъ здѣсь даже очень прохладно и цвѣтами пахнетъ... Я этотъ самый духъ очень люблю. Это у васъ какіе цвѣточки?

— Разные.

— Энти вонъ, высокіе-то какъ прозываются?

— Георгины.

— Духъ этотъ отъ нихъ идетъ-съ?

— Нѣтъ, это левкои и резеда пахнутъ.

— Такъ-съ. Садикъ у васъ тоже ничего-съ...

— А вы не знаете, кто-бы у насъ могъ купить этотъ участокъ? — спросилъ вдругъ Борисъ Дмитричъ, остановясь передъ Обертышевымъ.

— Какой-съ?

— Тотъ самый, который вы покупали.

— Не знаю-съ.

И опять разговоръ оборвался, но на этотъ разъ молчаніе продолжалось не долго, потому что Обертышевъ вскорѣ всталъ и, подавая Дмитрію Иванычу руку, проговорилъ:

— Однако, я у васъ засидѣлся. Судья къ десяти часамъ вызывалъ; надо ѣхать, а то, чего добраго, оштрафуетъ еще. Прощайте-съ, счастливо оставаться.

— Такъ какъ-же насчетъ неустойки? — спросилъ Дмитрій Иванычъ.

— На мѣсяцъ, извольте, отсрочу-съ.

И потомъ, обратясь къ Борису Дмитричу, проговорилъ:

— Къ намъ милости просимъ когда-нибудь-съ. Я помню, вы съ ружьемъ охотникъ были ходить... милости просимъ!... у насъ дичи этой очень даже много, особливо утокъ... Пожалуйте-съ...

— Благодарю, зайду какъ-нибудь...

— Очень будетъ пріятно. Затѣмъ счастливо оставаться.

И Обертышевъ, поклонившись, вышелъ театральной походкой.

— Ну, старикъ! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ, когда Обертышевъ отъѣхалъ отъ дому: — дебютъ мой неудаченъ. Если дѣла и дальше пойдутъ тѣмъ же порядкомъ, то мы не замедлимъ вылетѣть въ трубу...

— Ну, что? — спросилъ Архипъ, входя въ комнату: — слопаетъ?

— Похоже на то, — отозвался Борисъ Дмитричъ.

VI

ОТКАЗЪ Обертышева отъ покупки участка разомъ разстроилъ всѣ планы, созданные Борисомъ Дмитричемъ. Весь этотъ день онъ какъ-будто былъ самъ не свой. Побывалъ на пожарищѣ, осмотрѣлъ уцѣлѣвшую часть завода, обошелъ груды валявшагося кирпича; сходилъ на мельницу и, спустившись внизъ къ колесамъ, убѣдился, что дѣйствительно въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась мельница, любая баба съ ручными жерновами заткнетъ его мельницу за поясъ. Плотина тоже требовала ремонта; каузъ весь сгнилъ, и вода текла черезъ него, какъ

черезъ рѣшето; необходимо было построить вешнякъ, перебрать хлѣбный магазинъ, заново выстроить понырный мостъ, словомъ, чѣмъ ближе знакомился Борисъ Дмитричъ съ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости какъ можно скорѣе продать участокъ и на вырученныя деньги исправить все то, что̀ требовало исправленія.

Въ то время, когда Борисъ Дмитричъ стоялъ возлѣ мельницы, проѣхалъ какой-то мужикъ съ возомъ ржи.

— Ты куда?— спросилъ его Борисъ Дмитричъ.

— На мельницу.

— Да вѣдь вотъ мельница, заворачивай; сейчасъ и перемелемъ...

— Нѣтъ, спасибо...

— Что же?

— Нѣтъ, я на настоящую поѣду, къ Обертышеву.

Борисъ Дмитричъ даже сконфузился, услыхавъ, что мельница его даже не считается за настоящую.

Не менѣе молодаго человѣка былъ смущенъ и самъ Дмитрій Иванычъ, а потому и весь день прошелъ какъ-то вяло и скучно.

Только вечеромъ, проводивъ сына въ его комнату, Дмитрій Иванычъ сказалъ:

— Ну, а завтра къ судьѣ, къ Бутенко.

— Зачѣмъ это?

— Довѣренность совершать.

— А я было хотѣлъ къ Обертышеву...— проговорилъ Борисъ Дмитричъ. — Мнѣ почему-то сдается, что человѣкъ ломается только и что участокъ онъ все-таки купитъ.

— Тѣмъ лучше идти къ нему съ довѣренностью въ карманѣ.

— Ну, ладно. Поѣдемъ къ судьѣ.

На другой день, часовъ въ девять утра, Дмитрій Иванычъ и Борисъ Дмитричъ отправились къ Бутенко. Такъ какъ до усадьбы Бутенко было всего верстъ пять и такъ какъ утро было прелестное, а дорога пролегала по лугамъ и небольшимъ перелѣскамъ, то Борисъ Дмитричъ уговорилъ отца идти пѣшкомъ.

Мировой судья Бутенко былъ старичекъ лѣтъ пятидесяти, сѣденькій, гладко остриженный, чисто выбритый, съ пухлымъ, но свѣжимъ и румянымъ лицомъ, съ постоянно веселой улыбкой на розовыхъ губахъ и съ лукаво прищуренными глазами. Происхо-

дилъ Бутенко изъ малороссовъ, когда-то служилъ въ одномъ полку съ Дмитріемъ Иванычемъ, былъ любимъ товарищами, отличался постоянно веселымъ нравомъ и добродушіемъ, но, не понравившись полковому командиру, надменному и гордому нѣмцу, присланному изъ гвардіи, далеко по службѣ не пошелъ и кончилъ тѣмъ, что, чистосердечно обругавъ командира, вышелъ въ отставку. Нѣкоторое время Бутенко занимался управленіемъ чужихъ имѣній, пристрастился къ сельскому хозяйству, снималъ въ аренду землю, дѣлалъ свои собственные посѣвы и долго мечталъ о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ небольшой клочекъ земли, построить хуторокъ, развести садикъ и жить себѣ мирнымъ гражданиномъ, вдали отъ людей и свѣта. Вскорѣ дѣйствительно мечты его осуществились, и ему удалось купить тридцать десятинъ земли, выстроить хуторокъ и развести небольшой садикъ. Но намѣреніе его жить вдали отъ людей и свѣта не исполнилось.

Съ пріобрѣтеніемъ гнѣзда, въ голову Бутенки запала мысль о хозяйкѣ. Свѣтленькій хуторокъ казался ему мрачнымъ и скучнымъ, садикъ молчаливымъ. И вотъ онъ

пустился въ свѣтъ и ознакомился со всѣми семейными домами сосѣдей. Въ домахъ этихъ онъ выплясывалъ польки, вальсы, мазурки, пѣлъ романсы и ухаживалъ за молодыми дѣвицами. Онъ дѣлалъ имъ предложенія, но какъ легко ни танцовалъ, какъ ни изгибалъ живописно голову и руки, какъ ни пѣлъ чувствительно романсы, а дѣло женитьбы не клеилось. Толстенькій, коротенькій и пухленькій обладатель тридцати десятинъ и крохотнаго хуторочка нетолько не имѣлъ въ глазахъ дѣвицъ никакой цѣны, но даже былъ предметомъ ихъ насмѣшекъ, иногда весьма злыхъ и ядовитыхъ. Такъ прошло года два. Бутенко вышелъ изъ терпѣнія, разсердился на всѣхъ барышень, пересталъ бывать у сосѣдей и весь отдался своему хутору. Онъ только изрѣдка ѣздилъ въ городъ, и то для того только, чтобы побывать у Дмитрія Иваныча, успѣвшаго тѣмъ временемъ обзавестись семействомъ. Но Дмитрій Иванычъ вскорѣ вышелъ въ отставку, оставилъ Малороссію и переѣхалъ на родину, въ сельцо Ольшанку. Въ это же время у Бутенко умеръ какой-то дядя, о которомъ онъ зналъ лишь по наслышкѣ, и онъ сдѣлался обладателемъ капитала тысячъ

въ двадцать рублей. О неожиданномъ наслѣдствѣ онъ не замедлилъ сообщить Дмитрію Иванычу, и послѣдствіемъ сообщенія этого было то, что Бутенко бросилъ Малороссію, продалъ хуторъ и взамѣнъ его купилъ участокъ земли, продававшійся пососѣдству съ Ольшанкой. На пути изъ Малороссіи съ нимъ приключилась исторія, умолчать о которой невозможно. Дѣло было ночью. Пріѣзжаетъ Бутенко на какую-то почтовую станцію, и такъ какъ лошадей въ наличности не оказалось, то пришлось ночевать. Онъ напился чаю, поужиналъ и затѣмъ, пристроившись на жесткомъ кожаномъ диванѣ, вскорѣ заснулъ богатырскимъ сномъ. Вдругъ, на разсвѣтѣ, кто-то съ шумомъ вбѣгаетъ въ его комнату и съ крикомъ: «Спасите, спасите!» — начинаетъ его будить. Кричавшая оказалась дѣвушкой и дочерью смотрителя. Бутенко вскочилъ съ дивана и, слѣдуя за дѣвушкой, вскорѣ очутился подъ навѣсомъ, на перекладинѣ котораго висѣлъ смотритель, въ форменномъ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ фуражкѣ съ кокардой, руки по швамъ, и такъ какъ вытянувшіяся ноги его чуть не касались земли, то можно было подумать, что

человѣкъ этотъ не повѣсился, а встрѣчаетъ начальство, передъ которымъ и вытянулся во фронтъ. Даже вытаращенные глаза—и тѣ какъ-бы выражали собою испугъ, свойственный крошечному чиновнику, представляющемуся начальству. Въ этой фронтовой позѣ смотритель и былъ положенъ въ гробъ и зарытъ гдѣ-то въ лѣсу, безъ отпѣванія. Оказалось, что онъ, будучи въ крайней нуждѣ, имѣлъ смѣлость захватить чужую собственность, въ количествѣ ста рублей, и сумму эту препроводить не въ городъ Буй, какъ это требовалось отправителемъ конверта, а въ село Протасово, къ лавочнику, въ уплату лавочнаго долга. Дней пять пришлось Бутенкѣ прожить на станціи, и только когда слѣдствіе было окончено, онъ тронулся въ путь, захвативъ съ собою и дочь смотрителя, лишившуюся всего со смертію отца. Онъ сжалился надъ участью несчастной, далъ ей клятву замѣнить отца; но такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что у сиротки были хорошенькіе черные глазки, то Бутенко не выдержалъ и, вмѣсто отца, сдѣлался мужемъ дѣвушки.

Свадьбу эту справилъ Бутенко въ своемъ новокупленномъ имѣніи, въ обществѣ со-

сѣда—Дмитрія Иваныча и его семейства. На свадьбѣ онъ много танцовалъ, много пѣлъ, поминутно цѣловалъ молодую «жинку», поминалъ добрымъ словомъ повѣсившагося смотрителя, но увы! счастье его продолжалось не долго. Года черезъ три, жена его умерла, оставивъ ему того самаго сына, для образованія котораго, какъ намъ уже извѣстно, онъ рѣшился оставить судейство, деревню и переселиться въ Москву.

Часу въ девятомъ утра, Дмитрій Иванычъ и Борисъ подходили уже къ камерѣ мироваго судьи. Камера эта помѣщалась въ одномъ изъ флигелей судейской усадьбы. Судья занимался уже разборомъ дѣлъ, но на этотъ разъ чинилъ судъ не въ камерѣ, а наружи. Онъ сидѣлъ на ступенькѣ крылечка, по бокамъ котораго возвышались два громадные вяза, которые невольно напоминали собою тотъ библейскій дубъ, подъ тѣнью котораго старый Авраамъ принималъ божественныхъ путниковъ. Судья, въ парусинномъ пальто нараспашку и съ длинной трубкой во рту, допрашивалъ мужиковъ. Возлѣ него, на той-же ступенькѣ стоялъ недопитый стаканъ чаю, а сзади, за спиной, въ темныхъ сѣняхъ флигеля, вид-

нѣлась фигура письмоводителя съ гусинымъ перомъ въ рукахъ, въ три погибели согнувшагося надъ листомъ бумаги. Темныя сѣни, напоминавшія темный фонъ рембрандтовскихъ картинъ, сморщенное лицо костляваго, стараго письмоводителя, ярко освѣщенное спереди, и чуть видный въ глубинѣ шкафъ съ книгами, дѣйствительно дѣлали картину эту похожею на жанръ Рембрандта. Не менѣе типична была и знакомая уже намъ пухлая и чистенькая фигура мироваго. Покуривая трубку, онъ пускалъ изо рта дымъ кольцами, а передъ нимъ и по сторонамъ его сидѣло, стояло и даже лежало нѣсколько мужиковъ и бабъ. Можно было засмотрѣться на эту картинку, богатую красками и тѣнями и освѣщенную какимъ-то зеленымъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь зеленую листву авраамовскихъ деревъ.

— А! шабёръ дорогой! — вскрикнулъ вдругъ судья при видѣ подходившихъ. — Гдѣ-же лошади ваши?

— Мы пѣшкомъ...

— Такъ присаживайтесь, покуда я вотъ ихъ разберу.

Гости усѣлись на ступеньку, рядомъ съ

судьей, который снова обратился къ Дмитрію Иванычу.

— А я, братъ, сегодня на воздухѣ разбираю... когда хорошая погода, я всегда на воздухѣ...

— И чудесно ты это придумалъ, Василій Арефичъ! — заговорилъ одинъ изъ мужиковъ, давно уже заявлявшій улыбками и движеніями свое желаніе вступить въ бесѣду. — Ужь и мы тебѣ за это спасибо говоримъ. Какъ можно въ каморѣ!... Духота, муха тебя бьетъ, потѣешь, духъ тяжелый... А тутъ, наружи-то, духъ легкій, говори себѣ сколько влѣзетъ...

— Извѣстно, свободнѣе! — подхватилъ судья. — Тутъ и вѣтеркомъ тебя обдуваетъ, и воробушки поютъ... А между тѣмъ, говорятъ, незаконно! А не все-ли равно? Точно въ камерѣ-то стѣны помогутъ!

— Пустое все! — замѣтилъ тотъ-же мужикъ.

— Извѣстно, пустое! — подхватилъ судья. — По правдѣ тебѣ сказать, смерть не люблю я этихъ законниковъ! Выставятъ эти брыжжи, расчешутъ бакенбарды и сидятъ, словно куклы, въ мундирахъ. Лица обтянутыя, въ глазахъ презрѣніе, надменность... Допра-

шивать тебя начнетъ, такъ словно на куски рѣжетъ... Обложится весь уставами, а къ чему ему законы, коли онъ не понимаетъ даже рѣчи народной, ни уха, ни рыла не смыслитъ...

— Это вѣрно, — подхватилъ мужикъ.

— Намедни, — продолжалъ, между тѣмъ, судья: — ревизоръ ко мнѣ пріѣхалъ, членъ судебной палаты... Вотъ это, говоритъ, незаконно, вотъ это... Я слушалъ, слушалъ, наконецъ досада взяла меня. — «Нѣтъ, врешь, говорю, любезный! У меня ни единаго дѣла незаконнаго нѣтъ. Собери, говорю, весь мой участокъ отъ малаго и до великаго и спроси: какое такое дѣло, братцы, судья Бутенко рѣшилъ незаконно?» Онъ шапку въ охапку и былъ таковъ.

Въ толпѣ мужиковъ раздался хохотъ.

— Вотъ еще, сосѣдушка свѣтъ, — отвѣтилъ судья, обращаясь къ Дмитрію Иванычу и дружески хлопнувъ его рукой по колѣнкѣ: — очень я этихъ прокуроровъ не люблю. Точно бульдоги какіе, готовы всякаго съ грязью смѣшать. У тебя, можетъ, ничего и на умѣ-то не было, а онъ такимъ подлецомъ тебя распишетъ, что только плюнешь да пойдешь. Да-съ... — протя-

нулъ судья и, немного погодя, продекламировалъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.
...Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе...

Не будь присяжныхъ, всѣ-бы каторжниками были! ей-ей! Всѣ-бы давнымъ-давно въ Сибири были, а здѣсь остались-бы одни только прокуроры. Я, другъ любезный, и на съѣзды пересталъ ѣздить по той самой причинѣ, что прокуроръ завелся. Сидитъ, карандашикомъ пошаливаетъ, а самъ такъ и норовитъ тебя помоями окатить. Однако, я съ вами заболтался, а про судейство и забылъ. Я сейчасъ, въ одну минуту, а вы, покамѣстъ, погуляйте что-ли...

— Мы къ тебѣ тоже по дѣлу, — проговорилъ Дмитрій Иванычъ.

Судья даже съ мѣста привскочилъ.

— Мать Пресвятая Богородица!—вскрикнулъ онъ, всплеснувъ руками. — Ужь не судиться-ли вздумали?

— Нѣтъ, мнѣ довѣренность написать надо.

— Ну, слава Богу! — проговорилъ судья перекрестившись. — Довѣренность — это ничего, можно.

И, обратясь къ сѣнямъ, онъ крикнулъ:

— Эй, ты, Ѳемида! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Письмоводитель вышелъ и, заложивъ за ухо перо, посмотрѣлъ сурово на судью.

— Вотъ имъ, — проговорилъ судья, указывая на Дмитрія Иваныча: — напиши довѣренность. Да смотри, опять чепухи не нагороди. Ты кому даешь довѣренность-то?

— Сыну.

— На какой предметъ?

— На управленіе имѣніемъ, на продажу, на залогъ...

— Словомъ, полную!

— Полную.

— Ну, вотъ и напиши полную довѣренность, — проговорилъ судья, обращаясь къ письмоводителю. — Слышишь?

— Слышу, конечно! — проговорилъ письмоводитель и скрылся въ сѣняхъ.

— Я сейчасъ говорилъ про чепуху, которую моя Ѳемида нагородила, — замѣтилъ судья: — а ревизоръ и раскопалъ. «Полюбуйтесь, говоритъ, какъ у васъ протоколы

составляются!» Смотрю, братецъ, и чуть не сгорѣлъ отъ стыда! Вмѣсто того, чтобы написать: «на словесномъ состязаніи», анъ тамъ вотъ что: «на словесномъ истязаніи»... А? каково?

И потомъ, немного помолчавъ, онъ проговорилъ, обращаясь къ мужикамъ:

— А все-таки жаль съ вами разставаться!

— Такъ ты бы не ѣздилъ! — проговорили мужики.

— Покорно васъ благодарю, — перебилъ судья.— А сына-то въ вашу школу отдать, что-ли, чтобы читать не научился... Нѣтъ, ужь такъ и быть... Вотъ кого-то вы на мое мѣсто въ судьи-то выберете!

Но потомъ, какъ-бы вспомнивъ что-то и взглянувъ на Бориса Дмитрича, сидѣвшаго на ступенькѣ и чертившаго по песку тросточкой, онъ почти вскрикнулъ: — Да вотъ, чего лучше. Зачѣмъ далеко ходить; вотъ кого просить надо...

И судья показалъ на Бориса Дмитрича.

— Его, его! — кричалъ судья: — не Панталонова-же въ самомъ дѣлѣ!

— Это становаго-то!—крикнули мужики.

— Да, становаго.

— А развѣ онъ имѣетъ намѣреніе бало-

тироваться въ судьи? — какъ-то вкрадчиво спросилъ Дмитрій Иванычъ.

— Имѣетъ...

Только въ седьмомъ часу вечера, судья отпустилъ своихъ гостей домой. На полпути встрѣтилъ ихъ становой Панталоновъ. Сидя фертомъ на ямской тележкѣ, запряженной тройкой земскихъ лошадей, онъ мчался во весь духъ, поднимая цѣлое облако пыли. На козлахъ торчалъ сотникъ съ бляхой. Два колокольчика, подвязанные къ дугѣ, и нѣсколько глухарей и бубенчиковъ наполняли окрестность какимъ-то особенно безалаберными громомъ и шумомъ. Поровнявшись съ нашими пѣшеходами, становой Панталоновъ вдругъ замахалъ руками и началъ кричать ямщику:

— Стой! стой! — И тройка, пролетѣвъ нѣсколько саженъ, остановилась.

— Откуда? крикнулъ становой, ловко выскочивъ изъ тележки, и, вслѣдъ затѣмъ, подбѣжавъ къ Дмитрію Иванычу, щелкнулъ шпорами и подалъ ему руку.

— Откуда? повторилъ онъ.

— Отъ судьи.

Становой расхохотался.

— Ужь не судиться ли ходили? спро-

силъ онъ, покручивая усы и искоса поглядывая на Бориса Дмитрича.

— Нѣтъ, довѣренность свидѣтельствовали.

И потомъ, вдругъ засуетившись и взглянувъ на сына, онъ заговорилъ торопливо:

— Вы, кажется, незнакомы? позвольте познакомить... Это мой сынъ, только-что окончившій университетъ, а это нашъ становой приставъ, г. Панталоновъ.

Становой опять щелкнулъ шпорами, проговорилъ: «весьма пріятно», пожалъ Борису Дмитричу руку и, обратясь къ старику, снова заговорилъ:—Ну, это хорошо, что вы не судиться ходили, а то бѣда бы ваша! Я просто не понимаю, положительно не понимаю, какъ это г. Бутенко могъ быть не только шесть лѣтъ, а хоть шесть дней мировымъ судьей! Это изъ рукъ вонъ что такое! Это какой-то оригиналъ...

И потомъ, вдругъ всплеснувъ руками, прибавилъ:

— Что онъ со мной дѣлаетъ! вы себѣ представить не можете. Вотъ надняхъ, напримѣръ, двѣсти актовъ представилъ я ему о нарушеніи пожарнаго устава. У одного мужика, напримѣръ, труба развалилась, у

другаго печка, у третьяго — боровъ лопнулъ и проч. въ этомъ родѣ. Самъ я на разборъ не поѣхалъ, а послалъ урядника; такъ какъ вы думаете,—что онъ сдѣлалъ?

Дмитрій Иванычъ посмотрѣлъ на становаго, похлопалъ глазами, но что именно сдѣлалъ судья,—догадаться не могъ.

— Ни одного не оштрафовалъ! — крикнулъ Панталоновъ. — Ну, хоть-бы на смѣхъ одного! Нѣтъ-съ, ни одного! Я пріѣзжаю къ нему и говорю: — Василій Арефичъ отецъ родной, что-же это вы дѣлаете! — «Что, говоритъ, такое, сыночекъ?» — Ну, хоть-бы одного, говорю, хоть-бы на смѣхъ оштрафовали! — Я, говоритъ, ничего насмѣхъ не дѣлаю, да и штрафовать-то, говоритъ, не для чего.» — Какъ такъ? — «Очень просто, говоритъ, лѣтомъ печей въ избахъ не топятъ, стряпаютъ въ казаркахъ, а къ осени все негодное будетъ исправлено. Я, говоритъ, обязалъ ихъ подписками и подписки свои они исполнятъ.» Я только плечами пожалъ. Но гдѣ-же, спрашивается, наказаніе, кара? Куда-же онъ статью-то устава дѣвалъ? Вѣдь статья-то осталась безъ исполненія. Вѣдь боровъ само собой, а

статья сама собой. Однако, послѣ не вытерпѣлъ и говорю ему: — Нѣтъ, Василій Арефичъ, такъ дѣлать не годится. Полиція и судъ должны идти рука-объ-руку... Полиція даетъ суду матеріалъ. «На, молъ, ѣшь и карай!» И судъ долженъ карать. Вы меня, говорю, извините, а я вынужденъ буду о дѣйствіяхъ вашихъ доложить его превосходительству господину начальнику губерніи! — «Кому, говоритъ, угодно, для меня это безразлично!» Что-то засвисталъ и ушелъ отъ меня. И дѣйствительно, третьяго дня, провожая его превосходительство (онъ пріѣзжалъ къ намъ на ревизію), я доложилъ ему. — Ваше превосходительство, говорю, если черезъ нѣкоторое время станъ мой выгоритъ и если ваше превосходительство, вмѣсто благоустроенныхъ селъ и деревень, изволите усмотрѣть груду обгорѣлыхъ избъ и бревенъ, то благоволите винить въ томъ не меня, а нашего всѣми уважаемаго судью! Такъ и сказалъ. А теперь вотъ ѣду къ Василію Арефичу объясниться по дѣлу объ избитомъ сотникѣ. Вотъ этого самаго сотника, что сидитъ у меня на козлахъ, бабы избили. Я, конечно, составилъ актъ и представилъ судьѣ, и что-же? Судья всѣхъ бабъ

оправдалъ —ихъ было пятнадцать штукъ,— а сотнику, послѣ разбора, высказалъ слѣдующую рацею: — «Самъ, говоритъ, виноватъ, любезный. Бадикомъ бить бабъ не годится, драться, говоритъ, нынче нельзя, даже и сотнику! Еще, говоритъ, мало били тебя, побольше-бы слѣдовало!...»

И становой поникъ головой.

— Вотъ и извольте послѣ этого держать въ рукахъ населеніе! — проговорилъ онъ, немного погодя. —Ну, могу-ли я дѣйствовать такъ, какъ бы слѣдовало мнѣ дѣйствовать? Не могу, конечно, не могу!... Впрочемъ, теперь, въ настоящій моментъ, дѣла эти изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судебныхъ учрежденій, и слава Богу!... Однако, все-таки скачи, трясись, ломай себѣ спину и ребра...

Но, вдругъ что-то вспомнивъ, онъ перемѣнилъ тонъ; лицо его изъ мрачнаго преобразилось въ улыбающееся и, обращаясь къ Дмитрію Иванычу, онъ проговорилъ какъ-то особенно слащаво:

— Поздравьте-съ...

— Съ чѣмъ?

— Завтра мнѣ тарантасъ привезутъ на лежачихъ рессорахъ.

И, вздохнувъ, прибавилъ:

— Дорого только, чортъ бы его подралъ!...

— А какъ?

— Безъ малаго четыреста...

И, мрачно посмотрѣвъ съ минуту на Дмитрія Иваныча, онъ вдругъ просіялъ снова, развелъ руками и, запрокинувшись какъ-то всѣмъ корпусомъ назадъ, вскрикнулъ:

— За то хорошо! Однако, я васъ задерживаю, до свиданья! Очень, очень радъ, что имѣлъ случай познакомиться. Постараюсь въ скоромъ времени быть у васъ съ визитомъ. Вы теперь отдыхаете? — спросилъ онъ, спеціально адресуя этотъ вопросъ Борису Дмитричу.

— Да, отдыхаю.

— Это понятно, послѣ столькихъ годовъ ученья. Я васъ понимаю, я васъ очень понимаю. Я вѣдь тоже учился, знаю по себѣ... Я знаю, какъ пріятно пріѣхать въ деревню на каникулы... Охота, ружье, рыбная ловля, луга, лѣса — все это я когда-то и самъ продѣлывалъ... А вы совсѣмъ уже кончили?

— Совсѣмъ.

— Очень пріятно. Ученые и образованные люди намъ нужны, потому что, сказать между нами... (при этомъ Панталоновъ даже оглянулся по направленію къ сотнику) у насъ здѣсь такая дичь, такое невѣжество, такое самодурство, что всякій свѣжій человѣкъ непремѣнно ужаснется. Все это безграмотное, пьяное, дикое, застарѣвшее въ давно отжившихъ традиціяхъ... Однако, до свиданья. Очень радъ, очень радъ, что познакомился съ вами, — говорилъ Панталоновъ, потрясая руку Бориса Дмитрича. И затѣмъ, сдѣлавъ подъ козырекъ и еще разъ брякнувъ шпорами, становой вскочилъ въ тележку, и снова звукъ колокольчиковъ и громъ колесъ и бубенчиковъ разбудилъ дремавшую окрестность.

«Какъ-бы въ судьи балотироваться не вздумалъ ученый мужъ этотъ!» — размышлялъ становой, сидя въ тележкѣ.

«Однако, это скверно, — думалъ въ свою очередь старикъ Кургановъ: — если въ самомъ дѣлѣ этотъ Панталоновъ затѣялъ попасть въ судьи!»

Одинъ только Борисъ Дмитричъ на этотъ разъ ни о чемъ не думалъ и, полной грудью вдыхая въ себя вечерній ароматъ луговъ,

былъ счастливъ безконечно. Онъ шелъ бодро, весело, и честная, полная жизни душа его была далека всѣхъ этихъ мелкихъ соображенiй.

VII

ОДНАКО, утромъ, когда Борисъ Дмитричъ проснулся и вспомнилъ про обгорѣлый заводъ, про бабьи жернова и про имѣвшійся у Обертышева исполнительный листъ, суетныя соображенія не замедлили овладѣть имъ. Прелесть отдыха деревенской жизни стала какъ-будто омрачаться, и онъ невольно начиналъ сознавать, что до вожделѣннаго отдыха еще далеко. Вотъ почему, какъ только узналъ онъ о пробужденіи отца, такъ немедленно пошелъ къ нему, и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Знаешь что, отецъ! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ, садясь къ отцу на кровать: — я хочу идти къ Обертышеву.

Старикъ былъ въ веселомъ расположеніи и спросилъ:

— Съ Агаѳьей Петровной, что-ли, повидаться хочешь?

— Ничего, и съ ней поболтаю. Но съ ней-то — это между прочимъ, а главное — хочется поболтать съ самимъ Обертышевымъ.

— О чемъ?

— О томъ, чтобы онъ купилъ участокъ. Мнѣ кажется, что Обертышевъ только хитритъ и что купить участокъ ему все-таки хочется.

— Еще бы не хотѣлось, если участокъ этотъ ему необходимъ.

— Почему необходимъ?

— А потому, что онъ потопляетъ его водой, и если запретить подтопъ, то мельница его останется безъ воды. Я даже съ нимъ по этому поводу судиться хотѣлъ, но какъ-то совѣстно; не дворянское это дѣло, тѣмъ болѣе, что Обертышевъ тоже дѣлаетъ иногда одолженія: то денегъ взаймы дастъ, то въ долгъ товаръ изъ лавки отпуститъ. Я такъ и махнулъ рукой...

— Стало быть, земля эта ему необходима? — перебилъ его Борисъ Дмитричъ.

— Необходима.

— И прекрасно. На эту тему я и поведу съ нимъ разговоръ, и если онъ купитъ у насъ участокъ, то на вырученныя деньги мы приведемъ въ надлежащій порядокъ и заводъ, и мельницу.

Тотчасъ же послѣ утренняго чая, Борисъ Дмитричъ пошелъ къ Обертышеву. Агаѳья Петровна встрѣтила его первая; она сидѣла въ сѣняхъ и варила на жаровнѣ варенье изъ земляники.

— Ахъ, Борисъ Дмитричъ! — почти вскрикнула она при видѣ молодаго человѣка.— Насилу-то старыхъ знакомыхъ вспомнили!

И потомъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, прибавила:

— И какой-же вы молодецъ стали!... Какой красивый да статный...

— Вы меня конфузите, — перебилъ ее Борисъ Дмитричъ.

И, пожавъ ей руку, сѣлъ возлѣ нея на скамейку.

— Что́ и говорить! — подхватила Агаѳья Петровна. — Это и видно, что человѣкъ конфузливый!

— Вотъ вы такъ хорошѣете, точно...

— Смотрите, не сглазьте... Вишь вѣдь у васъ глазъ-то какой! нехорошій, непутёвый... Чего смѣетесь?... Неправду, что-ли, говорю! Глаза наигранные... должно, тамъ, въ Питерѣ подолгу засматривались...

— Я все красивое люблю.

— Про то-то я и говорю. Видна птица по полету...

— Вы все такая-же!

— Какая?

— Страшная...

Агаѳья Петровна даже захохотала.

— Что во мнѣ страшнаго?

— Все, хотя-бы съ глазъ начиная...

— Это у филина глаза страшные. Ночью словно свѣчи горятъ. Сядетъ это на дерево, да какъ крикнетъ!... даже морозъ по кожѣ пробѣжитъ. Вы видали, что-ли, когда филиновъ-то?

— Видалъ.

— А слыхали, какъ кричатъ они?

— Слыхалъ, какъ и кричатъ.

— Ахъ, страсти какія! Ну, что, какъ живете-можете? надолго-ли пріѣхали?

— Можетъ быть, навсегда.

— Поди ужь папаша-то и невѣсту при-

готовилъ... Вѣдь они, старички-то, заботливые. Какъ разъ Бориньку своего на барышнѣ женитъ на хорошенькой да на богатенькой!... То-то я на свадьбѣ попляшу!

— Развѣ мнѣ пора жениться?

— Извѣстно, пора. Вамъ холостымъ быть не годится.

— Это почему?

— А потому, что человѣкъ вы не такой. Долго-ли до грѣха... А за грѣхи-то, знаете, что́ на томъ свѣтѣ дѣлаютъ?

— Не знаю.

— На сковороды на горячія сажаютъ, а то лизать ихъ заставятъ.

— Должно быть, больно.

— Надо полагать. А какъ женитесь-то, такъ на сковороду и не попадете, потому подруга законная будетъ, настоящая, по формѣ...

— Агаѳья Петровна! — перебилъ ее Борисъ Дмитричъ.

— Что́?

— Вы ужасная женщина! вы точно змѣя.

— Вотъ тебѣ разъ! Не́што змѣи варенье варятъ?...

— Варятъ, да еще какое! съ ядомъ.

— Ну, нѣтъ, мое безъ яду: одна зем-

ляничка да сахаръ. Хотите попробовать? Да нѣтъ, вы сладкаго-то не любите... я помню...

— Вашъ мужъ дома? — вдругъ словно оборвалъ ее Борисъ Дмитричъ.

Агаѳья Петровна даже засмѣялась.

— Что-же вы смѣетесь?

— Такъ, смѣшно стало! Ну, да ничего... ступайте, ступайте; мужъ дома... тамъ въ горницѣ отдыхаетъ; ступайте!

Борисъ Дмитричъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего и ушелъ въ комнату. Обертышевъ лежалъ на диванѣ и, закрывъ лицо платкомъ, дѣйствительно спалъ.

— Богатырь! — подумалъ Борисъ Дмитричъ, глядя на вытянувшагося во весь ростъ Обертышева, и, подойдя, слегка дотронулся до него.

— А! Борисъ Дмитричъ! — вскрикнулъ Обертышевъ, поднимаясь съ дивана. — Чѣмъ просить прикажете-съ?

— Ничѣмъ; квасомъ развѣ...

— А водочки-съ?

— Не вкушаемъ.

— Ну, вы квасъ кушайте, а я водочки...

И, проговоривъ это, крикнулъ:

— Гаша! гдѣ ты?

— Чего тебѣ? — послышался изъ сѣней голосъ Агаѳьи Петровны.

— Какъ-бы намъ кваску холодненькаго да водочки!

— Что больно рано угорѣли? — послышался голосъ.

— Это не я, а вотъ гость дорогой... Я водочки...

— Погоди, сейчасъ варенье доварю.

— Да иди сюда, поздоровайся съ гостемъ-то.

— Видѣла я ужь гостя-то этого! — крикнула Агаѳья Петровна и почти вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату.

— Ну, вотъ и я готова, — проговорила она. — Приказывайте, чего нужно?

— Борису Дмитричу квасу желательно, а мнѣ водочки, балычка да икорки...

— Вотъ это отлично! Гостя квасомъ угощаетъ, а себя водочкой да балычкомъ.

— Предлагалъ, да не желаютъ, отказались.

И затѣмъ, обратясь къ Борису Дмитричу, заговорилъ быстро:

— А знаете-ли что? откушали-бы у насъ. Мы вѣдь обѣдаемъ по мужичьему, рано.

Право, откушайте-ка чѣмъ Богъ послалъ, ужь время и обѣдать.

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, вотъ и отлично.

— Только, смотрите, кушаньемъ нашимъ не брезгать! — подхватила Агаѳья Петровна. — Мы вѣдь не по-питерски ѣдимъ. Сегодня у насъ просто ботвинья будетъ, съ балычкомъ, съ бѣлорыбицей, да съ шейками раковыми, говядина съ картофелемъ, да варенецъ, вотъ и все. Досыта не накормимъ и съ голоду не уморимъ.

— Ну, ну, — перебилъ ее Обертышевъ: — будетъ тебѣ языкомъ-то молоть. Квасу-то давай поскорѣй, да обѣдать собирай.

Вскорѣ была подана водка, закуска и графинъ квасу, а минутъ черезъ двадцать въ комнату вошла Агаѳья Петровна, одѣтая въ малороссійскій костюмъ, съ бусами и гранатами на груди, и, объявивъ, что столъ накрытъ, пригласила къ обѣду.

Оказалось, что столъ былъ накрытъ въ огородѣ, подъ тѣнью густыхъ ракитъ и почти на самомъ берегу рѣки. Борисъ Дмитричъ даже въ восторгъ пришелъ при видѣ этой картины.

— Вотъ прелесть-то! — проговорилъ онъ,

любуясь и рѣкой, и мельницей, и свѣжей зеленью ракитъ.

— Мы лѣтомъ завсегда тутъ обѣдаемъ,— замѣтилъ Обертышевъ: — а то въ комнатѣ очень мухи одолѣваютъ, такъ за ложкой въ ротъ и лѣзутъ!

За столомъ, кромѣ Обертышева и сына ихъ, Ванятки, сидѣлъ еще какой-то мрачный и смуглый молодой человѣкъ, съ торчавшими кверху щетинистыми, черными волосами и черными-же глазами, выглядывавшими какъ-то изъ-подлобья. Молодой человѣкъ этотъ былъ учитель Ванятки, нѣкто г. Любомудровъ. Насколько Обертышевъ и Агаѳья Петровна были разговорчивы и веселы, настолько учитель былъ молчаливъ и мраченъ. Ему было лѣтъ двадцать, не болѣе, но, несмотря на молодые годы, можно было замѣтить, что учитель успѣлъ уже озлобиться на что-то и чѣмъ-то раздражиться. Онъ даже ѣлъ съ какимъ-то озлобленіемъ, много пилъ водки и въ продолженіе всего обѣда не сказалъ ни слова. На немъ была довольно грязная парусинная пара и русская рубаха съ косымъ воротомъ. Когда обѣдъ кончился, онъ молча всталъ, молча пожалъ руку хозяину, кивнулъ головой хозяйкѣ

и молча-же, вмѣстѣ съ ученикомъ, вышелъ изъ огорода. Борису Дмитричу стало какъ-будто легче, когда Любомудровъ ушелъ. Послѣ обѣда Агаѳья Петровна опять пошла варить варенье, а Борисъ Дмитричъ, воспользовавшись тѣмъ, что остался съ глазу на глазъ съ Обертышевымъ, приступилъ къ объясненію цѣли своего прихода.

— А вѣдь я къ вамъ по дѣлу, — говорилъ онъ, закуривая сигару.

— Что такое-съ?—спросилъ Обертышевъ.

— Да все насчетъ участка.

— Насчетъ какого это участка-съ? — опять переспросилъ Обертышевъ, какъ-будто и не догадывался, о чемъ именно идетъ рѣчь.

— Насчетъ того, который вы покупали у насъ.

— О! это зимой-то!

— Да. Купите его.

— Съ большимъ-бы моимъ удовольствіемъ, только теперича самое для меня дѣло не подходитъ. Зимой, точно, большое расположеніе имѣлъ пріобрѣсти участочекъ въ вѣчность, а теперь совсѣмъ другое-съ...

— Вѣдь онъ вамъ необходимъ?

— То-есть, какая-же мнѣ въ немъ необходимость?

— Для мельницы онъ вамъ нуженъ.

— Почему это-съ?

— Потопляете его...

— Это точно-съ, немножечко потопляю, но вѣдь это я только для васъ дѣлаю-съ, потому вамъ-же хуже будетъ, коли я воду въ разливъ не пущу-съ...

— Какъ такъ?

— А потому самому, что если я воду въ вешнякъ пущу, такъ у васъ совсѣмъ покосовъ не будетъ... а теперича луга-то ваши заливными дѣлаются и трава на нихъ по поясъ растетъ. Слѣдовательно, и выходитъ, что не я вамъ, а вы мнѣ обязаны.

Такой неожиданный поворотъ дѣла даже смутилъ неопытнаго Бориса Дмитрича, но, тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился продолжать до конца и, такъ или иначе, добиться отъ Обертышева окончательнаго рѣшенія.

— Зачѣмъ-же вы его покупали? — спросилъ онъ.

— А затѣмъ, что межа къ межѣ съ моимъ участкомъ; хотѣлось маленечко участокъ свой распространить. А то скучно какъ-то на маленькомъ-то; рукъ приложить не къ чему...

— Такъ вотъ и купите.

Обертышевъ посмотрѣлъ на Бориса Дмитрича и спросилъ:

— Аль заводецъ исправить желаете?

— Да, хотѣлось-бы.

— Дѣло доброе-съ... Только надо съ этой постройкой поторопиться, чтобы, значитъ, къ осени заводъ могъ дѣйствовать...

— Этого-то и хочется.

— Это вѣрно-съ; а иначе разсчетовъ не будетъ.

Обертышевъ даже вздохнулъ.

— А какъ насчетъ исполнительнаго листа? — спросилъ онъ. — Съ папашей-то обдумали какъ-нибудь?

— Что-же придумаешь, когда денегъ нѣтъ.

— Вы очень-то себя не безпокойте, Борисъ Дмитричъ, — заговорилъ Обертышевъ какимъ-то особенно добрымъ голосомъ. — Дѣло сосѣдское; опять мы тоже вѣдь не безъ креста ходимъ... какъ намедни сказалъ, такъ и сдѣлаю-съ... Слова своего мѣнять не приходится... Зачѣмъ-же? Мѣсяцъ повременю-съ...

— А черезъ мѣсяцъ? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Черезъ мѣсяцъ припасите-съ. Я бы

слова не сказалъ, да самому вотъ какъ деньги нужны будутъ-съ...

И Обертышевъ махнулъ рукой по горлу.

— Денегъ не будетъ, я вамъ заранѣе говорю, и если вы захотите разорить насъ вконецъ, то взыскивайте...

— Намъ-бы этого не хотѣлось. Зачѣмъ разорять, а лучше какъ-нибудь по божьему сдѣлать, чтобы и вамъ хорошо было и мнѣ не обидно.

— Вы купите участокъ-то!

Обертышевъ даже на мѣстѣ повернулся.

— Эхъ, Борисъ Дмитричъ!—почти вскрикнулъ онъ: — разсчетовъ нѣтъ никакихъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ! Вотъ вамъ истинный Богъ, отъ самой этой земли, окромя убытковъ, нѣтъ ни рожна. Вѣдь совсѣмъ урожаевъ нѣтъ. Бывало, въ прежніе года, коли рожь самъ-десятъ уродится, такъ ужь плохо считалось, народъ слезы утиралъ, а теперь и самъ-пятъ не родитъ. То-же самое пшеничка, ленокъ, овесецъ, просцо... Вѣдь сердце кровью обливается, глядя на поля-то! Прежде, бывало, дожди какіе лили... Зарядитъ, бывало, на недѣлю, а то на двѣ... А теперь съ образами-то ходятъ-ходятъ по выжженнымъ полямъ, попъ индо ризу всю

измочалитъ, чуть не въ голосъ Господа Бога о дождѣ-то просятъ, а Онъ, Милосердый, хоть-бы капельку кинулъ! Опять вѣтры эти пошли, мглы, помохи, жучки... Много-ли нужно стебельку-то? Забьетъ, заколыхаетъ его, вымахаетъ съ корешкомъ изъ земли вонъ — онъ и сохнетъ, родимый! Да-съ, Борисъ Дмитричъ, эти самые посѣвы не токма что нашего брата, голоштаннаго, съ позволенія сказать, а даже многихъ милліонеровъ съ кошелемъ по міру пустили. Какъ посмотришь на все это, такъ и страшно становится. Чѣмъ мнѣ пахать-то да сѣять-то, такъ я лучше два, три лишнихъ кабачка открою. Для меня это въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ! И что это у насъ только совершается, я и самъ не знаю... а совершается недоброе-съ. Урожаевъ-то вѣдь совсѣмъ нѣтъ-съ! Надо полагать, что Батюшку, Отца небеснаго прогнѣвили. Вы посмотрите вѣдь какой развратъ-то пошелъ по бѣлому свѣту. Сколько теперича этихъ мошенниковъ народилось! Вѣдь видимо-невидимо. Нешто Господу Богу пріятно видѣть, что собственное, значитъ, Его созданіе и вдругъ такъ измошенничалось, что даже въ домъ пустить нельзя. Вѣдь это хошь кому такъ обидно-съ!

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Борисъ Дмитричъ! Вы чайку не желаете-ли?

— Ахъ, не чай у меня на умѣ! — проговорилъ Кургановъ.

— А вы очень-то не тревожьтесь, не безпокойте себя!

— Поневолѣ забезпокоишься, коли туго приходится...

— Богъ милостивъ, какъ-нибудь извернетесь.

— Нѣтъ, вы вотъ участокъ-то купите.

— А насчетъ чайку-то какъ-же?

— Не хочется, право...

— Съ ромкомъ, можетъ?

— Нѣтъ.

— Ну, съ лимончикомъ?

— Пожалуй, ужь если вамъ такъ хочется...

— Ну, вотъ и отлично.

И Обертышевъ принялся звать жену.

Въ ожиданіи чая, Обертышевъ даже не заикнулся о предлагаемой ему куплѣ, словно забылъ про этотъ разговоръ, и, подсѣвъ поближе къ Борису Дмитричу, принялся расписывать ему свое житье. Говорилъ о

бѣдственномъ положеніи кабаковъ и вообще «комерціи», объ общемъ безденежьи, о мужичьихъ каверзахъ и опять свелъ на старую тему, что виною всему людская безнравственность. Наконецъ, подали самоваръ, пришла Агаѳья Петровна, розлила чай, а объ участкѣ Обертышевъ все-таки ни полслова.

— Ну, что-же, какъ? — спросилъ, наконецъ, Борисъ Дмитричъ, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ отмалчиваніемъ Обертышева.

— Насчетъ чего-съ?

— Да насчетъ участка.

— Вы все объ участкѣ! Я думалъ, что вы забыли, а вы опять... Ахъ, Борисъ Дмитричъ, Борисъ Дмитричъ! Ей-ей, вѣдь статья-то неподходящая.

И потомъ, обратясь къ женѣ, проговорилъ:

— Вотъ, Агаша! Борисъ Дмитричъ проситъ участокъ у нихъ купить...

— Какой это? — спросила Агаѳья Петровна.

— Да тотъ самый, что я зимой-то покупалъ.

— Ахъ, это «хуторище»?

— Да, «хуторище». Какъ ты полагаешь?

— Какъ хочешь, такъ и дѣлай.

— Ахъ, головушка горькая!—вздохнулъ Обертышевъ и потомъ вдругъ, обратясь къ Борису Дмитричу, добавилъ: — участокъ-то больно малъ; сто десятинъ всего... Вы бы продали мнѣ весь...

— Какъ весь?

— Да такъ всю Ольшанку, съ усадьбой, съ заводомъ. Хоть и тяжело для меня будетъ, не по карману... Ну, да ужь однова перелѣзать-то... Перелѣзъ-бы, да и высунулъ-бы языкъ.

— Нѣтъ, всю Ольшанку не продамъ.

— Не продадите?

— Нѣтъ.

— Воля ваша-съ. Только я не думаю, чтобы вамъ отъ нея большая корысть была.

— Почему это?

— А вотъ почему-съ. Для того, чтобы получить хорошій доходъ съ участка, нужно совсѣмъ другимъ человѣкомъ быть-съ. Отъ посѣвовъ только тогда будетъ польза, когда дѣло ведется на комерческую руку, а вы на это не пойдете, побрезгуете, пожалуй. Тутъ одной агрономіи недостаточно-съ, а нужна, значитъ, пуще всего ловкость...

Чтобы не васъ мужикъ дурачилъ, а чтобы вы его. То-же самое и винокуренный заводъ. Накурить вина не трудно, да надо умѣть сбыть его. При винокуренномъ заводѣ первое дѣло надо всю окрестность кабаками заполонить, чтобы не было такого села, такой деревушки, въ которой не имѣлось-бы кабака. Чтобы мужикъ шагу не сдѣлалъ тверезымъ, чтобы всегда былъ навеселѣ... Да чтобы вино не бочками распродавалось, а чаркой, да чтобы въ окрестности, кромѣ вашей водки, ничьей другой и духа не было... А если у васъ будетъ заводъ, да не будетъ чарки, такъ это плевое дѣло; изъ этого и хлопотать не стóитъ. Нешто это порядокъ? Возьмемъ хоть къ примѣру село наше: заводъ у насъ подъ бокомъ, а водку мы пьемъ не вашу, а куракинскую. Вѣдь у васъ ни одного кабака нѣтъ и торгуете вы только изъ складовъ... А скажи вамъ, что такъ дѣлать нельзя, такъ вы, пожалуй, обругаете меня, скажете, что не дворянское дѣло кабаками заниматься.

— Нѣтъ, всего участка я вамъ все-таки не продамъ.

— Извѣстно, не слѣдуетъ, — подхватила Агаѳья Петровна. — Къ чему это? Люди

стараются себѣ гнѣздо устроить, а онъ вдругъ свое гнѣздо продавать будетъ. Вѣдь Ольшанка-то его гнѣздышко, какое ни на есть, а все-таки гнѣздышко...

— Ахъ, дура, дура! — перебилъ ее Обертышевъ. — Вотъ дура-то!

— Что-жь такое, что большихъ доходовъ не будетъ, — продолжала между тѣмъ Агаѳья Петровна, не обращая вниманія на слова мужа. — Не будетъ большихъ доходовъ, а маленькіе-то все будутъ. Все съ голоду не помрутъ, все-таки свое гнѣздо. Свой хлѣбецъ, свой овощь, свое молочко; барашка своего зарѣзать можно, курочки, уточки, домикъ тепленькій... все жить можно!

— Ахъ, дура, дура!

— Не всѣмъ-же жить въ богатствѣ да въ золотѣ; и черезъ золото, говорятъ, слезы льются... Нѣтъ, Борисъ Дмитричъ, вы Ольшанку не продавайте, не надо.

— Спасибо за добрый совѣтъ, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ.

— Я правду говорю. Я всегда господъ жалѣю, потому господа люди добрые, простые... И страсть я не люблю, когда господскія имѣнія въ руки купцамъ переходятъ!

— Ахъ, дура, дура! — продолжалъ Обертышевъ.

— Ужь какая есть. Гдѣ-же ума набираться! Опоздала... А все-таки скажу, что Ольшанку продавать не слѣдуетъ...

И все это Агаѳья Петровна проговорила такимъ звучнымъ, симпатичнымъ голосомъ, такъ просто и съ такимъ теплымъ участіемъ, что Борисъ Дмитричъ даже руку пожалъ ей. Словно крошечный ручеекъ прозвучала эта рѣчь и ласково вливалась прямо въ душу.

— Стало, и «хуторище» тоже продавать не надоть? — вскрикнулъ вдругъ Обертышевъ.

— Ну, хуторище дѣло иное. Тамъ всего сто десятинъ. Отъ продажи хуторища гнѣздо-то не развалится, а устроится. Мое дѣло, положимъ, хошь и женское, а я все-таки понять могу, почему они «хуторище» продать хотятъ.

— Ну-ка, ну-ка, скажи-ка!

— Чего говорить, коли самъ знаешь!

— Нѣтъ, говори, ничего... для чего же дураковъ не поучить.

— Ну, чего тамъ зубы-то скалить. Не люблю я этого, когда про дѣло толкуютъ.

— Такъ по твоему покупать мнѣ хуторище-то?

— Это дѣло твое, какъ знаешь.

— А ты бы посовѣтовала. Вишь вѣдь ты умная! Людямъ совѣты даешь, а мужу не хочешь!

— Мужъ-то и самъ не промахнется.

— Ахъ, дура! дура! Ну-ка, давай чаю. Чего тамъ толковать!

И потомъ, круто повернувшись къ Борису Дмитричу, онъ спросилъ, смотря ему прямо въ глаза:

— А много-ль возьмете?

— За что?

— Да за самый за этотъ участокъ? За «хуторище»?

— Да вѣдь у васъ ужь было слажено дѣло. Въ цѣнѣ вы сошлись... Къ чему же съизнова-то торговаться. По чемъ покупали зимой, по той цѣнѣ купите и теперь.

— Дорогонько.

— А зимой не было дорого?

— Вы все не такъ разсуждаете. Зимой я былъ въ азартѣ... Не токмо 60, я бы въ тѣ поры 70, 80 рублей далъ бы... Ну, а теперь этотъ самый азартъ прошелъ. Иной разъ въ азартѣ на рожонъ готовъ

лѣзть, а опомнишься, остынешь — и мимо.

— Сколько-же вы дадите?

— Теперича болѣе полусотки не дамъ.

— Что́ вы, Господь съ вами!

— Какъ угодно-съ.

— Вѣдь это дешево!

— А дешево, такъ не продавайте-съ.

Борисъ Дмитричъ закурилъ папиросу.

— А какъ думаете поступить съ исполнительнымъ листомъ? —спросилъ онъ, бросая на землю спичку.

— Что же съ нимъ поступать? Вѣдь онъ хлѣба не проситъ и полежать можетъ!

— Такъ вы все-таки хотите взыскивать?

— Зачѣмъ-же, помилуйте!—проговорилъ Обертышевъ, запахивая полу поддевки. — Это ужь послѣднее дѣло!...

— Стало быть, вы разорвете его?

— То есть какъ это-съ? — удивился Обертышевъ.

— Или надпись сдѣлаете, что деньги сполна получили?

— Непремѣнно-съ. Будьте спокойны, вторичныхъ денегъ не потребуемъ.

На этотъ разъ удивился уже Борисъ Дмитричъ.

— То есть, kàkъ же это вторично? — спросилъ онъ.

— Очень просто. Kakъ только деньги получу-съ, такъ въ ту же секунду и надпись сдѣлаю...

— Да вѣдь вы сейчасъ-же говорили, что взыскивать не будете?

— Не стану-съ, а при совершеніи купчей сумму эту и удержу-съ...

— Да, вотъ kakъ!

— Да-съ. Для чего же буду я тревожить взысканіемъ, въ лишніе расходы вводить? Это не приходится. Мы вѣдь тоже знаемъ, kakовы гуси эти судебные-то пристава... Готовы обобрать человѣка, только попадись имъ! Мы этого не желаемъ.

— А вѣдь я полагалъ, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ: — что вы совершенно отказываетесь отъ полученія денегъ по исполнительному листу.

— Нѣтъ, за что-же-съ? Ужь это очень обидно будетъ-съ. А тогда, при совершеніи купчей, мы его зачтемъ, а остальныя — получите-съ.

— Понимаю. Слѣдовательно, вы хотите пріобрѣсти участокъ по 40 рублей?

— Kakъ такъ-съ?

— Конечно. За сто десятинъ, по вашей цѣнѣ, приходится пять тысячъ, тысячу рублей вы удержите и отдадите только четыре! Слѣдовательно, земля и придется вамъ по сорока рублей.

— А исполнительный листъ-то?

— Да вѣдь онъ вамъ гроша мѣднаго не стóитъ.

— Но вѣдь онъ у меня въ карманѣ-съ?

— Знаю.

— Какъ-же не стóитъ? Онъ все одно, что деньги, потому еслибы во мнѣ не было совѣсти, такъ я бы и сейчасъ могъ получить. Пристава только взять, въ домъ привести, «описывай, молъ, продавай, любезный» — и конецъ.

Борисъ Дмитричъ всталъ и, пройдясь немного, проговорилъ:

— Ну, нѣтъ, Константинъ Иванычъ, такъ дѣло у насъ не сладится!

— А не сладится, такъ и не надо-съ.

— Подобная продажа нисколько насъ не поправитъ. За сто десятинъ банкъ или удержитъ, или на васъ переведетъ 3,600 руб. и потому намъ придется получить съ васъ чистыми деньгами всего 400 рублей. На эти деньги завода не исправишь, а если

нельзя исправить заводъ, то нѣтъ надобности продавать и участка.

И, проговоривъ это, Борисъ Дмитричъ взялся за шляпу.

— А какъ ваша цѣна? — спросилъ Обертышевъ, и какъ-то особенно пытливо взглянулъ на молодаго человѣка.

— Шестьдесятъ рублей за десятину и всѣ расходы ваши.

— А листикъ?

— Листикъ уничтожить.

— Нѣтъ-съ, я на это не согласенъ! — проговорилъ Обертышевъ и даже за карманъ ухватился. — Ужь это оченно чудно будетъ... Тысяча рублей вотъ здѣсь, въ карманѣ, вдругъ—и взять, да въ печку-съ!... Ужь это больно чудно... Смѣяться будутъ!

— Очень жаль, что мы съ вами не сходимся.

— Да нешто этакъ можно сойтись!...

— Оно бы можно было, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ: — да люди мы не такіе, Константинъ Иванычъ.

Все это время молчавшая Агаѳья Петровна спросила:

— А можно мнѣ свое слово вставить?

— Ну, говори, — замѣтилъ Обертышевъ.

— А вы вотъ что, — начала она. — Послушайте-ка моего глупаго совѣта. Такъ вы никогда не сойдетесь, а ужь коли дѣло затѣяли, такъ надо довести его до конца. Вы, Борисъ Дмитричъ, уступите, а Костя накинетъ. Вотъ у васъ дѣло-то пойдетъ ходчѣе... А то что это? Одинъ шляпу взялъ, а другой за карманъ ухватился! Нешто такъ можно! Васъ и слушать-то скучно, а по моему: пошли-бы другъ другу навстрѣчу, глядишь—и сошлись-бы гдѣ-нибудь, а тамъ по рукамъ и могарычъ!

— Да ты что больно за этимъ участкомъ-то тянешься?—спросилъ Обертышевъ жену. — Что онъ, сахарный, что-ли?

— Кабы онъ сахарный-то былъ, такъ давно-бы отъ твоей воды растаялъ.

— Ахъ, дура! дура!

— Иной разъ и дура пригодится! — перебила его Агаѳья Петровна. — Дѣло это вамъ обоимъ слѣдуетъ покончить безпремѣнно, по тому самому, что оно для обоихъ васъ необходимо. Для Бориса Дмитрича полезно потому, что на эти деньги онъ заводъ оправитъ, а для тебя потому, что безъ этого участка у тебя мельница безъ воды останется.

— Вотъ тѣ здравствуй!

— Да такъ. Хорошо, что сосѣди добрые на твою подпруду вниманія не обращаютъ, а угодитъ участокъ какому ни на есть кулаку, такъ онъ изъ твоего пруда-то всю до капли воду спуститъ — вотъ ты и останешься какъ ракъ на мели, и придѣлывай къ своей водяной мельницѣ вѣтряныя крылья! Надо говорить правду. Покамѣстъ «хуторища» нѣтъ у тебя, ты спокойно спать не можешь, а когда онъ твоимъ будетъ, тогда ужь бояться нечего — храпи себѣ во всѣ ноздри!

— А вѣдь Агаѳья-то Петровна говоритъ правду! — замѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

— Извѣстно, правду!— подхватила она.— Что тутъ хвостомъ-то вилять, надо тоже и о себѣ подумать. Нельзя цѣлый вѣкъ на чужую доброту надѣяться да воровски воду держать. Когда-нибудь порядки-то это кончатся, а тогда ужь поздно ловить-то!

— Ну-съ, такъ какъ же? — спросилъ Обертышевъ.

— Да такъ. По зимней цѣнѣ.

— А листикъ?

— Про листикъ и не думать.

— Ну, ладно! — проговорилъ Обертышевъ

шевъ, поднимая руку. — Будь по вашему. Шестьдесятъ рублей даю, расходы на мой счетъ, а чтобы по листу мнѣ получить сполна.

— Нѣтъ, такъ я не могу! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ рѣшительно. — Не могу.

— А я не могу забыть про листъ! — вскрикнулъ Обертышевъ.

— А вы вотъ что, снова вмѣшалась Агаѳья Петровна: — сдѣлайте другу уступочку, и дѣло у васъ сойдется. Борисъ Дмитричъ! — прибавила она, обращаясь къ молодому человѣку: — подумайте, вѣдь жалко, въ самомъ дѣлѣ, ничего по листу не получить. Положимъ, что деньги эти съ неба свалились, а все же онѣ деньги, жалко съ ними разстаться-то! Я и то порадовалась, когда становой этотъ самый листъ привезъ. «Вотъ, говорю, Господь невидимо послалъ! Теперь авось на даровыя-то деньги мужъ хорошенькую троечку купитъ мнѣ!» И вдругъ, все это пропасть должно! Нѣтъ, ужь вы не скупитесь, порадуйте чѣмъ-нибудь!..

— Какъ же по вашему? — спросилъ ее Борисъ Дмитричъ.

— Ну, говори, учи! — крикнулъ, въ свою очередь, Обертышевъ.

— Чего говорить-то? Разбили бы грѣхъ пополамъ, да и помолились-бы на святыя иконы...

— Ну? — спросилъ Обертышевъ, обратясь къ Борису Дмитричу.

— Ну? — спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Идетъ, что-ли, по бабьему-то?

— Ну... такъ и быть! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ, и, ударивъ по рукамъ, оба перекрестились.

— Вотъ и покончили, слава Богу! — проговорила Агаѳья Петровна. — Дай Богъ въ добрый часъ!

— Дай Богъ!

— Да чтобы тройка была мнѣ! — замѣтила Агаѳья Петровна, обращаясь къ мужу. — Безъ этого не разстанусь!

— Ладно, ладно.

— Сколько-же мнѣ очистится? — соображалъ Борисъ Дмитричъ. — Тысячу девятьсотъ рублей, всего... Не много-же!...

— Не много! — подхватилъ Обертышевъ: — нѣтъ, не скажите-съ! На эти деньги я бы пять заводовъ построилъ...

— То вы, а то я.

— Ну-съ, когда-же мы въ городъ купчую совершать поѣдемъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; мнѣ каждый часъ дорогъ.

— Денька черезъ три свободны будете?

— Я всегда свободенъ.

— И отлично! Черезъ три дня вы ко мнѣ заѣзжайте, и мы вмѣстѣ поѣдемъ. А теперь не грѣхъ покупочку и вспрыснуть... Ну-ка, жена, поворачивайся! водки, вина, закуски... да тамъ у насъ русское шампанское есть! тащи-ка, тащи!...

Агаѳья Петровна поспѣшила исполнить требованіе расходившагося мужа, но только-что успѣла зайти за кусты вишенъ, какъ въ той-же сторонѣ послышался стукъ подъѣзжающей тележки и громъ колокольчиковъ, глухарей и бубенцовъ. Весь этотъ шумъ пронесся мимо огорода и, немного погодя, замолкъ.

— Кто-то пріѣхалъ! — проговорилъ Обертышевъ.

— Становой и лекарь! — вскрикнула Агаѳья Петровна, выбѣгая изъ-за кустовъ. — Только ужь лекарь-то никакъ больно пьянъ!

— Ничего, тащи ихъ сюда!

Но только-что Обертышевъ успѣлъ проговить это, какъ за вишнями раздался дуэтъ, состоявшій изъ тоненькаго тенорка и хрипдаго, дрожавшаго баритона:

Нельзя-ли съ вами повстрѣчаться,
Нельзя-ли съ вами повидаться?
Очень можно,
Даже должно
Насвистаться!

И, вслѣдъ затѣмъ, изъ-за вишенъ показались становой Панталоновъ и земскій врачъ Белярминовъ.

— А! гости дорогіе!... Милости прошу!... Вотъ кстати-то! Пожалуйте!

Но, вмѣсто отвѣта, гости перемигнулись и снова запѣли:

Мы къ хозяину пришли,
Не хозяина смотрѣть,
Не хозяюшку,
Мы пришли смотрѣть вино,
Не прокисло-ли оно!
Наливай, братъ, наливай,
Все до капли выпивай,
Чѣмъ полнѣе ты нальешь,
Тѣмъ вкуснѣй вино найдешь!..

И вслѣдъ затѣмъ становой, сдѣлавъ подъ козырекъ, прокричалъ:

— Здравія желаю!

— Милости прошу! Садитесь! гости будете!

— Господа! Вы знакомы? — спросилъ Обертышевъ, указывая рукой на Бориса Дмитрича.

— Имѣлъ удовольствіе!—подхватилъ становой и, подлетѣвъ къ Борису Дмитричу, принялся пожимать ему руку. Врачъ Белярминовъ не могъ ничего отвѣтить и, усѣвшись на стулъ, ограничился только мычаніемъ.

— Вы его не безпокойте, — кричалъ между тѣмъ становой, обращаясь къ Обертышеву. — Докторъ утомленъ и вступать въ разговоры не можетъ.

— Не мо...гу! — промычалъ докторъ.

— Что, аль лечить кого ѣздили? — спросилъ Обертышевъ.

— Мммъ! — промычалъ докторъ и, выпучивъ глаза на Обертышева, словно окаменѣлъ.

— Ну, ладно, ладно! — крикнулъ Обертышевъ и, оставивъ въ покоѣ врача, обратился къ становому, разговаривавшему съ Агаѳьей Петровной.

— А вы даже очень кстати пріѣхали, — проговорилъ онъ. — Мы съ Борисомъ Дмитричемъ только-что дѣльцо покончили и вспрыскивать собирались. Поздравьте...

— Съ чѣмъ?

— Съ «вѣчностію». Купилъ у нихъ участочекъ землицы.

— Отлично, поздравляю... вспрыснемъ, вспрыснемъ!...

— Прысь... прысь... мммъ... — промычалъ лекарь.

Но мычаніе это осталось незамѣченнымъ, и Обертышевъ, схвативъ жену за плечи, командовалъ:

— Ну, маршъ! Чтобы все было въ исправности! Тащи вина, закуски, шампанскаго, да не забудь про ужинъ. Я теперь дорогихъ гостей отпущу не скоро. Пировать, такъ пировать! Маршъ!

VIII

НЕМНОГО погодя, мычавшаго доктора увели въ комнату, уложили на кровать, прикрыли, и богатырскій храпъ не замедлилъ возвѣстить присутствовавшимъ, что «больной» успокоился. Тѣмъ не менѣе, однако, вспрыски удались какъ нельзя лучше. Къ выпивкѣ подошелъ мрачный учитель, подсѣлъ къ столу съ закуской и, положивъ одну ногу на другую, просидѣлъ въ такомъ положеніи весь вечеръ, и весь вечеръ пилъ водку. Подошелъ шутникъ священникъ, судебный приставъ при съѣздѣ мировыхъ судей, мѣстный адвокатъ, и вся эта компанія, узнавъ въ чемъ дѣло,

обрадовалась и принялась поздравлять Обертышева съ «покупочкой» и съ «вѣчностію», а Бориса Дмитрича съ продажею. Послѣдній не разъ было намѣревался оставить компанію и удалиться домой, но какъ только брался за шапку, такъ въ ту-же секунду Обертышевъ становился въ дверяхъ, распиналъ свои мощныя руки и кричалъ: «Не пущу!» Дѣлать было нечего, и Борису Дмитричу пришлось остаться. Становой Панталоновъ былъ положительно душою общества. Онъ разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ, ухаживалъ за Агаѳьей Петровной и, замѣтивъ, что та какъ-то особенно льнула къ Борису Дмитричу, грозилъ ей пальцемъ, намекалъ о ревности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно подмигивалъ въ сторону Обертышева. Врачъ проспалъ ровно четыре часа; пробужденіе его было встрѣчено общимъ восторгомъ, причемъ становой Панталоновъ, приведя его въ комнату, въ которой шло пированіе, громко воскликнулъ, указывая рукой: «Зрите, братіе, се воскресшій изъ мертвыхъ!» Врачъ сначала былъ пасмуренъ; очутившись въ освѣщенной комнатѣ, все щурился и какъ-то не могъ придти въ себя, но, выпивъ двѣ-три

рюмки водки, очнулся, повеселѣлъ и, подъ вліяніемъ этого веселаго расположенія, сообщилъ присутствовавшимъ, что онъ совершенно не помнитъ какимъ образомъ попалъ на мельницу и, даже проснувшись, былъ крайне удивленъ, увидавъ себя въ совершенно незнакомой ему комнатѣ... Разсказъ этотъ произвелъ взрывъ хохота, къ которому присоединился и самъ врачъ.

Пиршество началось съ того, что поданъ былъ чай съ ромомъ, потомъ была поставлена закуска съ нѣсколькими графинами водки и наливки, а чтобъ не было скучно, нѣкоторые усѣлись играть въ карты. Въ карты играли Борисъ Дмитричъ, Панталоновъ, священникъ и судебный приставъ. Священникъ держалъ карты подъ столомъ и до того сгибалъ ихъ, что онѣ появлялись на столѣ уже согнутыми лодочкой. Панталоновъ, напротивъ, держалъ карты вѣеромъ, и, пользуясь этимъ, судебный приставъ чуть не «ночевалъ» у него въ картахъ. Играли въ ералашъ по десятой, и больше всѣхъ проигралъ священникъ, но проигрыша своего не отдалъ, объявивъ, что забылъ захватить съ собою «портъ-манетъ». Обстоятельство это вызвало нѣкото-

рое неудовольствіе со стороны судебнаго пристава, выигравшаго съ чѣмъ-то два рубля; но дѣло кончилось тѣмъ только, что приставъ далъ торжественную клятву «отнынѣ никогда съ попами не связываться!» Обертышевъ исключительно занимался съ врачемъ Белярминовымъ. Занятія эти состояли въ томъ, что они, подсѣвъ къ столу съ закусками, то и дѣло чокались рюмками, отвѣшивали другъ другу низкіе поклоны, говорили при этомъ: «Дай Богъ!» и затѣмъ выпивали. Врачъ вспоминалъ свою студенческую жизнь, рисовалъ картину за картиной, разсказывалъ анекдоты, одинъ смѣшнѣе другаго, и кончилъ тѣмъ, что началъ представлять фокусы съ двугривеннымъ: «Ейнъ, цвей, дрей, а типерь пасъ!»—кричалъ онъ, подражая выговору нѣмца, разжималъ кулакъ, и двугривенный куда-то, дѣйствительно, исчезалъ. Агаѳья Петровна, какъ радушная хозяйка, приставала къ гостямъ съ угощеніемъ и въ этотъ вечеръ была особенно хороша. Что-то наркотическое проглядывало въ этой красотѣ, начиная съ глазъ, съ походки и кончая голосомъ и своеобразной рѣчью. Не отставалъ отъ людей и острякъ батюшка, какъ отно-

сительно «возліянія», такъ и относительно анекдотовъ. Онъ разсказалъ, между прочимъ, исторію происхожденія широкихъ рукавовъ и пояснилъ, что рукава эти изображаютъ ничто иное, какъ ангельскія «воскрылія». Было предложено испытать эти воскрылія, и батюшка исполнилъ желаніе гостей: онъ отошелъ къ двери, поднялъ руки, быстро замахалъ ими, какъ крыльями, подлетѣлъ къ столу и, наливъ рюмку водки, моментально выпилъ ее.

Попойка продолжалась вплоть до ужина. Врачъ Белярминовъ присутствовать, однако, за ужиномъ не могъ и такъ какъ снова принялся мычать, то и былъ снесенъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ сложенъ на диванъ. Остальные гости хотя и не мычали, но все-таки, значительно утративъ разсудокъ и соображеніе, говорили и дѣйствовали зря. Обертышевъ былъ до того пьянъ, что даже не могъ досидѣть до конца ужина, ушелъ въ свою комнату, и вскорѣ храпъ его возвѣстилъ гостямъ о завладѣвшемъ имъ снѣ. Батюшка и приставъ, какъ мѣстные жители, тотчасъ-же послѣ ужина побрели домой, а для становаго Панталонова и Бориса Дмитрича Агаѳья Петровна озаботилась при-

готовленіемъ постелей. Панталоновъ отправился спать немедленно, Борисъ-же Дмитричъ, несмотря на совѣты Агаѳьи Петровны остаться ночевать, рѣшился идти домой. Выпивши три-четыре стакана русскаго шампанскаго и нѣсколько рюмокъ коньяку, онъ былъ тоже въ нѣсколько возбужденномъ состояніи и не спускалъ глазъ съ красивой Агаѳьи Петровны.

— Однако, прощайте, — проговорилъ онъ: — пора! Всѣ спятъ, и только одни мы съ вами не знаемъ устали.

Но только что взялся онъ за шляпу, какъ Агаѳья Петровна захохотала.

— Вы что-же это смѣяться вздумали? — спросилъ онъ, подавая ей руку. — Что-же тутъ смѣшнаго?

— Извѣстно, смѣшно...

— Почему?

— Тоже руку протянулъ, уходить собирается...

— Кажется пора, скоро часъ.

— Извѣстно, пора. Будетъ вамъ лукавить-то!

И она ударила его по рукѣ.

— Конечно, пора, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ: — хозяинъ спитъ.

— Хозяинъ-то спитъ, да хозяйка не дремлетъ. Она все видитъ. А вотъ я возьму да и не пущу васъ. Возьму обойму да и зацѣлую... Вотъ и посмотрю тогда, какъ вы домой-то пойдете!

Борисъ Дмитричъ даже перепугался.

— Послушайте, что вы дѣлаете! — проговорилъ онъ, оглядываясь.

— Что, аль мужа испугались?

— Конечно; онъ можетъ услыхать.

— Такъ вы идете?

— Иду.

— Ну, пойдемте, я васъ на крылечко провожу.

— Ну, что-же?—спросилъ Борисъ Дмитричъ, когда они вышли на крыльцо.

— Что такое?

— А хотѣли обнять-то да зацѣловать...

— Ага! и робость прошла!—проговорила она, заливаясь смѣхомъ. — А про сковороды горячія забыли!

— Въ такомъ случаѣ, прощайте.

— Неправда, не уйдете!

— Нѣтъ, уйду.

— Что-жь, ступайте; а я вотъ здѣсь на крылечкѣ посижу. Буду звѣздочками любоваться да соловьевъ слушать! Чу, какъ

щелкаетъ! Чу, какъ заливается! Говорятъ, это самцы надъ самками поютъ, чтобы не скучно имъ было на гнѣздышкахъ сидѣть. Хорошая птичка! Чу какъ! всю-то свою душеньку выпѣваетъ!...

Ночь была дѣйствительно чудная, свѣтлая, тихая. Словно Божья благодать надо всемъ царила. Воздухъ опьяняющій, пропитанный дыханіемъ ландышей и фіалокъ, и Борисъ Дмитричъ вдругъ испугался этой ночи.

— Нѣтъ, прощайте! — проговорилъ онъ.

— А помните старину... лѣтъ пять, что-ли, тому назадъ? какъ мы на лодкѣ-то катались?... Ребенокъ вы тогда были еще... Бывало, взглянете и покраснѣете...

— Прощайте! — снова повторилъ Борисъ Дмитричъ.

— Ну, прощайте; ступайте...

Борисъ Дмитричъ крѣпко пожалъ Агаѳьѣ Петровнѣ руку, сошелъ съ крылечка и быстрыми шагами направился домой. Но, немного погодя, онъ остановился, подумалъ и опять вернулся.

— Или забыли что? — крикнула Агаѳья Петровна.

— Забылъ.

— Что такое?

— Сердце, — проговорилъ онъ смѣясь и, усѣвшись рядомъ съ Агаѳьей Петровной, зажегъ спичку и принялся закуривать папиросу.

— Стойте, не тушите! — вскрикнула Агаѳья Петровна; но догорѣвшая спичка потухла. — Зажгите еще...

— Зачѣмъ?

— Ахъ, да зажгите, говорятъ вамъ!

Борисъ Дмитричъ зажегъ.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ тихо-то! Не колыхнется! — шептала Агаѳья Петровна, а сама глазъ не сводила съ молодаго человѣка.

— Вы что-жь это такъ смотрите на меня? Я потушу...

— Нѣтъ, стойте...

И, схвативъ руку, въ которой была спичка, она поднесла ее къ лицу Бориса Дмитрича.

— Такъ хорошо, — шептала она. — Теперь все видно... и глаза, и ротъ, и усики...

— Вы мнѣ пальцы сожжете...

Она быстро задула спичку, а руки Бориса Дмитрича все не выпускала изъ своей. Словно молнія пробѣжала по тѣлу Бориса.

— Милая! — шепнулъ онъ и, осторожно охвативъ станъ Агаѳьи Петровны, притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку.

— Нѣтъ, это не такъ! — почти вскрикнула она. — Ужь коли цѣловаться, такъ цѣловаться, чтобы жарко было, чтобы сердце вымерло, чтобы кровь выкипѣла...

И вдругъ, крѣпко обнявъ молодаго человѣка, принялась осыпать его поцѣлуями.

— Говорила я тебѣ, что зацѣлую! — шептала она, задыхаясь. — Говорила тебѣ, говорила... Вѣришь теперь? вѣришь? Такъ вотъ-же...

И потомъ, вдругъ вскочивъ на ноги и поправивъ разсыпавшуюся косу, прибавила, ухватившись за сердце:

— А теперь ступай, ступай... Ступай съ глазъ долой!

— Агаша! — чуть не вскрикнулъ Борисъ.

— Ступай, говорятъ тебѣ, ступай... не то «караулъ» закричу, народъ взбулгачу!...

— Агаша!...

— Говорятъ тебѣ: «караулъ» закричу.

Борисъ Дмитричъ даже руки опустилъ, а Агаѳья Петровна вбѣжала въ сѣни и заперла дверь запсромъ. Онъ стоялъ и долго не могъ отвести глазъ съ затворенной двери. Сердце его билось, дыханіе спиралось въ груди, руки дрожали; онъ едва стоялъ. Вдругъ, во флигелечкѣ растворилось окно,

и Агаѳья Петровна чуть не по поясъ высунулась въ него. Окно это было ближайшее къ крылечку.

— Ты что-же не уходишь! — шептала она.—Или, въ самомъ дѣлѣ, хочешь, чтобы я народъ взбулгачила?

— Нѣтъ, нѣтъ... уйду я...—проговорилъ Борисъ Дмитричъ, подскочивъ къ окну. — Уйду, только дай хоть руку на прощанье...

— Ну, бери.

Борисъ Дмитричъ схватилъ ея руку, всталъ на фундаментъ, поднялся на цыпочки, вытянулся и, обвивъ руками Агаѳью Петровну, снова прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Ступай! — сказала она, наконецъ, и, оттолкнувъ Бориса, захлопнула окно.

Борисъ Дмитричъ спрыгнулъ съ фундамента и быстро направился домой. Но только что перешелъ онъ мостикъ, перекинутый черезъ каузъ мельницы, какъ чей-то голосъ проговорилъ ему:

— Съ успѣхомъ поздравить честь имѣю.

Кургановъ даже въ сторону отскочилъ, оглянулся и увидалъ въ темнотѣ какую-то бѣлую фигуру съ приподнятой надъ косматой головой фуражкой.

— Старое знакомство возобновили?

— Что вамъ угодно? — крикнулъ Борисъ Дмитричъ.

— Ничего болѣе, какъ только поздравить.

— Я васъ не понимаю.

— Неправда-съ, понимаете очень хорошо.

Борисъ Дмитричъ сталъ всматриваться и узналъ въ незнакомцѣ учителя.

— Узнаете? — спросилъ тотъ.

— Теперь узналъ.

— Очень радъ. Г. Обертышевъ забылъ сегодня познакомить насъ; поэтому, позвольте представиться самому.

И, ставъ въ позу, онъ прибавилъ:

— Исключенный за неспособность изъ классической гимназіи ученикъ пятаго класса, Порфирій Любомудровъ, изъ божьей родни...

— Послушайте, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ: — школьничать намъ съ вами нечего, а если вы, дѣйствительно, что-нибудь видѣли, то я надѣюсь, что будете объ этомъ молчать.

— Я буду нѣмъ, какъ рыба... Но, предупреждаю васъ, будьте осторожны, ибо женщина, въ объятіяхъ которой вы только-что были, «цѣпи налагаетъ, но цѣпей не носитъ»! Я знаю это по себѣ.

И затѣмъ, раскланявшись, Любомудровъ пошелъ по направленію къ мельничному домику.

Пока Борисъ Дмитричъ былъ на мельницѣ и хлопоталъ о продажѣ участка, Дмитрій Иванычъ тоже, въ свою очередь, не бездѣйствовалъ. Давнымъ-давно никуда не ѣздившій, онъ рѣшился объѣхать ближайшихъ помѣщиковъ и, возобновивъ съ ними знакомство, поговорить о судействѣ сына. Съ самой минуты, какъ мысль эта запала ему въ голову, онъ забылъ даже о процентахъ, о заводѣ, о мельницѣ и, какъ говорится, спалъ и видѣлъ Бориса судьей. Онъ даже порѣшилъ уже, что камеру можно устроить въ залѣ, что передняя будетъ служить комнатой для свидѣтелей, и что все это не только не будетъ стѣснять и мѣшать, а напротивъ оживитъ домъ и придастъ ему порядочный видъ. Въ описанный день Дмитрій Иванычъ успѣлъ побывать только у двоихъ помѣщиковъ, а именно: у Бурьянова и генерала Севастополева. У Бурьянова онъ позавтракалъ, а у генерала Севастополева пообѣдалъ. Но у господъ этихъ онъ встрѣтилъ еще нѣсколькихъ сосѣдей, такъ что въ сущности повидался со всѣми жителями

околодка. Всѣ эти господа были рады отъ души видѣть Дмитрія Иваныча, поздравляли съ пріѣздомъ сына и просили познакомить его съ ними. Дочери генерала Севастополева, дѣвицы, начиная съ шестнадцати-лѣтняго и доходя до тридцати-пяти-лѣтняго возраста, были въ восторгѣ, узнавши о пріѣздѣ Бори. Онѣ знали его еще мальчикомъ, когда-то вмѣстѣ играли, шалили, и потому разспросамъ не было конца. Всѣ эти дѣвицы настоятельно потребовали отъ Дмитрія Иваныча, чтобы онъ завтра-же привезъ Бориса, и не шутя надули губки, когда Дмитрій Иванычъ объявилъ, что врядъ-ли будетъ онъ въ состояніи исполнить такъ скоро ихъ желаніе, такъ какъ у Бориса, именно въ настоящую минуту, много такихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства. Тѣмъ не менѣе, однако, старикъ былъ такъ польщенъ вниманіемъ барышень, что чуть не со слезами на глазахъ благодарилъ ихъ. По поводу судейства, онъ только сдѣлалъ легкій намекъ Бурьянову и генералу Севастополеву; но какъ ни былъ намекъ этотъ тонокъ и политиченъ, а все-таки и Бурьяновъ, и генералъ Севастополевъ поняли его и тоже стороной намекнули,

что для нихъ было-бы весьма пріятно, еслибы мѣсто судьи было занято человѣкомъ молодымъ и образованнымъ. Такъ какъ Бурьяновъ и Севастополевъ считались въ уѣздѣ вліятельными людьми, и, сверхъ того, оба были земскими гласными, то изъ высказанныхъ ими намековъ Дмитрій Иванычъ понялъ, что дѣло о судействѣ сына почти рѣшено и подписано. Словомъ, старикъ возвратился домой счастливымъ и довольнымъ и не мало былъ удивленъ, что, несмотря на двѣнадцать часовъ ночи, сынъ все еще не возвратился. Какъ ни былъ старикъ утомленъ, однако, онъ все-таки рѣшился подождать сына, позвалъ успѣвшаго уже разоспаться «крѣпостнаго» человѣка и, усадивъ его рядомъ съ собой, принялся передавать ему впечатлѣнія дня. Архипъ сначала ворчалъ, обозвалъ Дмитрія Иваныча «полуночникомъ», заподозрилъ даже, что онъ выпилъ, но когда Дмитрій Иванычъ изобразилъ ему въ лицахъ, какъ дочери генерала Севастополева разспрашивали о Борисѣ, «крѣпостной человѣкъ» проснулся, вскочилъ съ мѣста, подбоченился, подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и, оскаливъ зубы, почти вскрикнулъ:

— Вотъ это ловко!

И съ этой минуты разсказъ своего господина онъ принялся слушать съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Дмитрій Иванычъ до того разговорился, до того размечтался, что даже и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нимъ Борисъ. Не снимая шляпы, онъ стоялъ возлѣ стариковъ, и съ доброй улыбкой прислушиваясь къ ихъ толкамъ о его судействѣ, вдругъ крикнулъ:

— А вотъ и самъ праведный судья передъ вами! Ну, отецъ, — проговорилъ Борисъ, снимая шляпу и передавая ее Архипу: — поздравь, я дѣло покончилъ.

— Продалъ?

— Продалъ. Теперь мы съ тобой богачи... На-дняхъ совершимъ купчую, получимъ деньги и примемся за дѣло. а къ осени у насъ пойдетъ заводъ, польется водка, мельница завертитъ жерновами...

— Поздравь и ты меня, — перебилъ его Дмитрій Иванычъ.

— Поздравляю охотно... Но съ чѣмъ?

— А съ тѣмъ, что и я, въ свою очередь, не зря прожилъ день...

— А именно?

— Да-съ. И мы тоже кое-что сдѣлали,— замѣтилъ Архипъ.

— Что-же такое?

— А то, другъ любезный, что какъ только ты ушелъ, такъ я поѣхалъ къ сосѣдямъ. Былъ у Бурьянова, у генерала Севастополева, говорилъ объ отъѣздѣ Бутенки, о ваканціи судьи, и они намекнули мнѣ, что желали-бы имѣть судью молодаго и образованнаго...

— Про барышенъ-то, про барышень-то разскажите! — перебилъ его Архипъ.

— Про какихъ это? — спросилъ Борисъ. Про Севастополевыхъ? Помню, помню ихъ...

За ужиномъ Борисъ Дмитричъ ничего не ѣлъ; ѣлъ мало и Дмитрій Иванычъ. Зато наговорились они до-сыта; и только тогда, когда на востокѣ заалѣла узкая полоса зари, когда соловьи еще пуще стали надрываться опьяняющими пѣснями, когда цвѣтки, раскрывъ свои чашечки, наполнили воздухъ ароматомъ, собесѣдники наши, довольные и счастливые, разбрелись по своимъ угламъ. Дмитрій Иванычъ и Архипъ, какъ только уткнулись въ свои подушки, такъ въ ту-же минуту и заснули, но Борисъ Дмитричъ

уснулъ не скоро. Онъ хоть и уткнулся въ подушку, но распаляющій образъ Агаѳьи Петровны, съ разсыпавшейся косой, съ глазами, полными огня и влаги, съ шутливой и ласкающей рѣчью, долго не давалъ ему покоя. Образъ этотъ раздражалъ его, раздражалъ пуще чѣмъ пѣснь соловьиная, пуще чѣмъ цвѣтовъ дыханіе, пуще чѣмъ доводящая до нервной дрожи сырая прохлада зари. Но ему было и жутко, и хорошо...

На слѣдующее утро, на мельницѣ, лошади для становаго Панталонова были поданы чуть не съ разсвѣтомъ. Тихо побрякивая бубенчиками и глухарями, онѣ стояли возлѣ конюшни, развѣсивъ уши и понуря головы. Ямщикъ, которому надоѣло уже сидѣть на козлахъ, завалился въ тележку и спалъ безмятежнымъ сномъ. Возлѣ тележки, а также на крылечкѣ флигеля толпилось нѣсколько мужиковъ и бабъ; это были больные, прибывшіе на мельницу по случаю пріѣзда доктора; тутъ-же возлѣ мельницы бродилъ и сотникъ, разъѣзжавшій со становымъ вмѣсто лакея. Всѣ эти люди, а равно и заморенныя земскія лошади ждали пробужденія становаго и ле-

каря и, въ ожиданіи пробужденія этого, видимо томились. Наконецъ, часовъ въ девять, становой проснулся и, посмотрѣвъ на часы, вскочилъ съ постели и въ одномъ бѣльѣ принялся будить врача Белярминова, спавшаго въ той-же комнатѣ на перинѣ, постланной на полу.

— Ну, вставай! — кричалъ онъ. — Пора ѣхать.

Но поднять Белярминова было не легко. Голова его трещала, сердце билось ускоренно; истощающій потъ обильно покрывалъ все тѣло. Какимъ-то особенно жалкимъ голосомъ умолялъ онъ становаго оставить его въ покоѣ и дать ему выспаться, говорилъ, что ему нездоровится; но когда становой принялся стаскивать съ него одѣяло, врачъ пришелъ въ озлобленіе, принялся лягать ногами, замахиваться подушками, кричалъ: «убью, отойди!» Но такъ какъ становой не отходилъ, и такъ какъ на помощь къ нему пришелъ еще Обертышевъ, умытый и одѣтый, съ «поднималовкой» въ рукахъ, то Белярминову и пришлось покориться судьбѣ.

— Вставайте, вставайте! — кричалъ въ свою очередь и Обертышевъ, держа въ од-

ной рукѣ рюмку, а въ другой бутылку съ «поднималовкой». — Вставайте, я вамъ и лекарствица принесъ. Я ужь одну пропустилъ: ловко дѣйствуетъ!

— Отстаньте, не хочу! — кричалъ лекарь.

— Вставай, вставай! — кричалъ становой и, ухватившись за перину, скатилъ съ нея Белярминова на полъ.

— Вставайте,—продолжалъ Обертышевъ. Ужь мы соскучились объ васъ...

— Да, понимаете-ли вы, что я боленъ, что мнѣ мочи нѣтъ...

— А вотъ потому-то я и принесъ вамъ лекарствица.

Белярминовъ снова взгромоздился было на перину, но Панталоновъ снова скатилъ его на полъ, и, очутившись на голомъ полу, врачъ разразился бранью. Такъ прошло съ полчаса, и врачъ долженъ былъ уступить

Немного погодя, вся компанія сидѣла въ залѣ и въ глубокомъ молчаніи пила чай. Видно было по всему, что господа эти переживали самыя тяжелыя минуты. Растворивъ окна настежь и жадно вдыхая въ себя гулявшій по комнатѣ сквозной вѣтеръ, они только хриплымъ кашлемъ и плевками на-

рушали царившую тишину. Руки ихъ тряслись, опухшіе и налитые кровью глаза не знали на чемъ остановиться, а мокрые тщательно причесанные волосы ясно доказывали, что не мало было вылито холодной воды на головы становаго и земскаго врача. Послѣдній былъ пасмурнѣе всѣхъ и, дѣйствительно, боленъ не на-шутку.

— Ну его къ чорту! — вскрикнулъ онъ наконецъ, поставивъ на столъ недопитый стаканъ чаю.

Всѣ захохотали.

— Что, аль не лѣзетъ?—спросилъ Обертышевъ.

— Съ него еще хуже, съ чаю съ этого.

И врачъ, вскочивъ со стула, принялся шагать по комнатѣ.

— А я такъ, напротивъ, только однимъ чаемъ и избавляюсь...

— Да вы что! — подхватилъ врачъ: — вы — быкъ въ сравненіи со мной. Вонъ и онъ тоже, — прибавилъ врачъ, кивнувъ головой по направленію становаго: — ему все нипочемъ! Напьется получше меня еще, а выспится — и весь хмѣль какъ съ гуся вода. Досадно смотрѣть даже... Что-же! онъ меньше меня пьетъ, что-ли?

— Извѣстно, меньше. Ты вѣдь какъ дорвешься, такъ тебя не оттащишь!...

— Капустки-бы теперь съ кваскомъ, да съ хрѣнкомъ! — проговорилъ врачъ. — Или рѣдечки-бы...

— А водочки? — похватилъ Обертышевъ и даже подмигнулъ.

— Ну ее къ чорту!...

— А можетъ, и подѣйствуетъ!

— Конечно, подѣйствуетъ, — вмѣшался Панталоновъ. — Чего его слушать-то!

— Такъ это мы сейчасъ скомандуемъ! — вскрикнулъ Обертышевъ и побѣжалъ сдѣлать надлежащія по этому поводу распоряженія.

— Мы какъ вчера... поздно что-ли разошлись-то? — спросилъ врачъ, когда Обертышевъ вышелъ изъ комнаты.

— Поздно. А что?

— Такъ.

— Иль не помнишь ничего?

— Конечно, не помню.

И, потомъ снова заходивъ по комнатѣ, онъ проговорилъ:

— Чортъ знаетъ что такое!... Въ этой проклятой провинціи сопьешься, какъ сапожникъ. Куда ни пріѣдешь, вездѣ пьянство...

— А ты не пей...

— Развѣ возможно! — проговорилъ докторъ и, подойдя къ окну, принялся отхаркиваться отъ душившей его мокроты.

— Грудная, — проговорилъ онъ, вытирая платкомъ усы и бороду.

Становой захохоталъ.

— А носовая когда? — спросилъ онъ.

— Носовая потомъ, — подхватилъ Белярминовъ. — Сначала грудная, затѣмъ носовая, а потомъ уже пойдетъ сопряженная.

И оба захохотали.

— Чортъ знаетъ, что за гадость! — заворчалъ лекарь, снова принимаясь шагать по комнатѣ. — Съ этими подлецами подохнешь какъ разъ...

— Ну, а ты не очень ругайся-то!

— Еще-бы — подхватилъ врачъ: — по головкѣ гладить васъ!... Все себѣ нутро испортилъ... И желудокъ, и кишки, и печень, и сердце... Все, все какъ есть... Я вѣдь это очень хорошо понимаю.

— А коли понимаешь, такъ не пей! — повторилъ опять становой.

— Съ вами-то? — спросилъ врачъ и даже захохоталъ. — Нѣтъ, братъ, ты не хитри... вѣдь я тебя насквозь вижу! Ну, что-жь,

такъ и быть, пусть будетъ по вашему! Что-же дѣлать? Свихнулся, значитъ, туда мнѣ и дорога!... Только невесело и вамъ будетъ, а тебѣ, другу-то, въ особенности... Эхъ, другъ, другъ! не хорошую ты со мною штуку сыгралъ... Ну, что-жь? Смѣйтесь надо мною! Я смѣшонъ, слѣдовательно и смѣяться надо... Безъ Белярминова вамъ и посмѣяться не надъ кѣмъ будетъ. Попадись, хоть-бы и мнѣ, такой-же, я тоже въ шуты-бы нарядилъ его... не пожалѣлъ-бы, чего тутъ жалѣть! вона! была нужда!... Только я со своимъ шутомъ поступилъ-бы не такъ... Я извелъ-бы его скорѣе вашего... Я бы ему прямо въ сердце вцѣпился, вырвалъ-бы его, да ногами-бы въ грязь втопталъ...

И, подбѣжавъ къ окну, онъ снова закашлялся.

— Носовая? — спросилъ становой какъ ни въ чемъ не бывало. И захохоталъ какимъ-то непріятнымъ, недобрымъ хохотомъ.

— Отстань!

— Распорядился-съ! — крикнулъ вдругъ Обертышевъ, вбѣгая въ комнату и потирая руками. — Сейчасъ подадутъ и рѣдечки, и капустки, и кваску. Все-съ, все-съ...

И потомъ, обратясь къ Белярминову, прибавилъ:

— Докторъ! Тамъ больные къ вамъ пришли...

— Больные! — подхватилъ врачъ. — А чѣмъ я ихъ лечить буду? Гоните ихъ въ шею; пусть къ фельдшеру идутъ!

Обертышевъ засмѣялся.

— А фельдшеръ къ вамъ послалъ.

— Ну, вотъ и отлично! — замѣтилъ становой и, обратясь къ Белярминову, прибавилъ: — Слушай ты, чучело! Ты хоть выдь къ нимъ.

— Выдь, выдь! — передразнилъ его врачъ. А съ чѣмъ я выйду? Чѣмъ я ихъ лечить буду, когда лекарства нѣтъ ни у фельдшера, ни у меня въ аптекѣ? Что-же! они рецепты, что-ли, мои глотать будутъ?

— Все-таки выдь, поговори... покрайности хоть форму соблюдешь!

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Ради одной формы я людей морочить не намѣренъ. У меня совѣсть-то еще не совсѣмъ подохла!...

— Дуракъ!

— Такъ и не выйдете? — спросилъ Обертышевъ.

— Нѣтъ, не выйду. А имъ такъ и скажите, что лекарь не выходитъ къ нимъ, во-первыхъ, потому, что самъ боленъ, а, во-вторыхъ, и потому, что лечить нечѣмъ. Пусть идутъ въ земскую управу, да принесутъ мнѣ лекарства, тогда я къ нимъ выйду.

— Такъ я ихъ прогоню-съ?

— Прогоните!

Немного погодя, толпа больныхъ провалила мимо оконъ мельничнаго домика, а компанія принялась за принесенную водку и капусту.

Закуска не замедлила оказать свое благодѣтельное дѣйствіе, такъ что немного спустя врачъ Белярминовъ, чувствовавшій себя хуже всѣхъ, былъ уже совершенно здоровымъ и невредимымъ. Разговоры мрачнаго настроенія замѣнились игривыми и «скоромными», и о загадочномъ шутѣ Белярминовъ больше не упоминалъ. Подошла красивая Агаѳья Петровна, поздоровалась съ гостями, поглядѣла на капусту съ рѣдькой, покачала головой и, обругавъ мужа «срамникомъ», предложила «пожарить рыбки въ сметанкѣ». Получивъ по этому поводу одобреніе, какъ со стороны срамника-мужа, такъ и со стороны гостей, она пошла въ

кухню, объявивъ, что, кромѣ рыбки, угоститъ, еще и «кисленькой селяночкой изъ почекъ». Извѣстіе это было встрѣчено съ восторгомъ, а докторъ Белярминовъ, успѣвшій уже совершенно поправиться, даже проводилъ Агаѳью Петровну громкими аплодисментами и назвалъ ее «божественной дамочкой!»

Вскорѣ подошли и шутникъ «батюшка», и судебный приставъ, и мрачный учитель Любомудровъ. Всѣ они, повидимому, тоже страдали; но такъ какъ и водка, и капуста, и рѣдька все еще красовались на столѣ, то доктору стоило немногихъ трудовъ оказать имъ надлежащее медицинское пособіе. Появилась опять Агаѳья Петровна и появленіемъ своимъ окончательно уже оживила общество. Въ ожиданіи завтрака подали колбасу, сыръ, маринованныхъ грибковъ, смѣнили выпитый графинъ водки новымъ, поставили нѣсколько бутылокъ съ наливками, и кончилось тѣмъ, что врачъ Белярминовъ до завтрака не дотянулъ и снова заснулъ, сидя на диванѣ.

Наконецъ, послѣ завтрака, становой приказалъ подавать лошадей, и такъ какъ разбудить врача не было никакой возможности,

то онъ и былъ торжественно вынесенъ на рукахъ и столь-же торжественно уложенъ въ тележку.

— Вотъ тебѣ и лекарь! — острилъ Обертышевъ.

И только одна Агаѳья Петровна съ какою-то грустью смотрѣла на несчастнаго Белярминова.

— Бѣдненькій! — говорила она.

И потомъ спросила Панталонова:

— Вы куда-же теперь повезете его?

— Извѣстно, къ женѣ.

— Ахъ, что вы, что вы! Развѣ это возможно! — заговорила она.

— Вотъ это прекрасно! — подхватилъ становой. — Куда-же?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не дѣлайте... Это грѣшно даже! Ужь коли такое дѣло, лучше здѣсь оставьте его... пусть его отдохнетъ, а такъ не годится! И ему непріятно, и женѣ...

— Ну, не въ первый разъ! — перебилъ ее становой. — Такъ и сдамъ его съ рукъ на руки: «нате, молъ, любуйтесь!»

Проговоривъ это, становой вскочилъ въ тележку, усѣлся рядомъ съ головой Белярминова и, сдѣлавъ подъ козырекъ, крик-

нулъ: пошелъ! Тройка рванулась, бубенчики загрохотали, колокольчики зазвенѣли, и вскорѣ тележка, завернувъ за мельницу, скрылась изъ виду.

IX

ВЪ назначенный день Борисъ Дмитричъ явился къ Обертышеву. Нечего говорить, что дня этого онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, во-первыхъ потому, что ему хотѣлось совершить поскорѣе купчую и получить деньги, а во-вторыхъ и потому, что онъ «горѣлъ нетерпѣніемъ» увидать поскорѣе Агаѳью Петровну. Обертышевъ встрѣтилъ его на крыльцѣ и, къ удивленію Бориса Дмитрича, какъ-то сухо раскланявшись съ нимъ, проговорилъ:

— Пожалуйте-съ. Я тоже готовъ-съ. Документики захватили?

— Захватилъ.

Они вошли въ домъ. Борисъ Дмитричъ оглянулъ комнату, бросилъ взоръ въ сосѣднюю, но Агаѳьи Петровны не было ни здѣсь, ни тамъ.

— Прошу садиться; а я пойду, прикажу чемоданъ уложить.

И, проговоривъ это, Обертышевъ вышелъ изъ комнаты.

Борисъ Дмитричъ сѣлъ на диванъ и закурилъ папиросу. Все было тихо, только стѣнные часы чикали, покачивая длиннымъ маятникомъ, да мельница стонала и грохотала колесами. «Чтó за притча! — думалъ Борисъ Дмитричъ. — Обертышевъ положительно обошелся со мною сухо. Ужь не произошло-ли чего, не разболталъ-ли учитель?» И Борисъ Дмитричъ чувствовалъ себя въ какомъ-то не то тревожномъ, не то неловкомъ положеніи. Онъ всталъ съ дивана, началъ ходить по комнатѣ, смотрѣлъ въ окна, заглянулъ въ сосѣднюю комнату, сходилъ въ сѣни, посмотрѣлъ черезъ отворенную дверь въ кухню, но Агаѳьи Петровны не было нигдѣ. Онъ снова вернулся въ залу и усѣлся на диванъ. Вдругъ черезъ комнату отъ той, въ которой онъ сидѣлъ, чей-то знакомый голосъ проговорилъ громко:

«Въ словахъ нужно различать корень, основу, окончаніе и соединительную гласную!»

«Учитель урокъ даетъ», — подумалъ Борисъ Дмитричъ и пошелъ въ ту комнату.

— Лекцію читаете? — спросилъ онъ, войдя въ классную комнату и подавая Любомудрову руку.

— Да-съ. Витаемъ въ области познаній.

— Хорошее дѣло.

— Великолѣпное-съ. Жаль только, что вотъ эти паршивцы, по легкомыслію своему, холодно относятся къ этому важному дѣлу. Не сознаютъ, что человѣкъ безъ познаній все одно, что сосудъ безъ вина или офицеръ безъ шпаги Хоть бы они смотрѣли на науку съ точки зрѣнія «харча» — и то было бы лучше.

— Постарались-бы внушить, — замѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

— Внушаю-съ, даже собственную свою особу въ примѣръ привожу, какъ человѣка недоучившагося и потому неимѣющаго «харча»; но пользы вижу мало.

— А почему вы сами не докончили ученья?

— По непріятностямъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Корнеліемъ Непотомъ, Саллюстіемъ и другими. Мы другъ друга не поняли, и я былъ изверженъ...

— Перешли-бы въ реальное училище!

— Оказался и тамъ неудобнымъ, ибо не изучалъ многое такое, что въ глазахъ этихъ реальныхъ людей считается необходимымъ. Такъ и остался лишеннымъ «харча».

— А здѣсь какое получаете вы жалованье?

— Восемь рублей.

И, важно запрокинувшись на спинку стула, онъ прибавилъ:

— Но у меня имѣются еще рессурсы.

— Да?

— Да. Я сотрудничаю въ мѣстной газетѣ «Листокъ». Сообщаю «Листку» о всѣхъ дракахъ, градобитіяхъ, скандалахъ... а иногда просто возьму да и ошельмую кого-нибудь... какую-нибудь сочиню исторію.

— Развѣ это допускается?

— Ради подписки-съ.

И они замолчали.

— А что́ Агаѳья Петровна, — проговорилъ немного погодя Борисъ Дмитричъ: — здорова она?

Учитель взглянулъ на Бориса Дмитрича,

и едва замѣтная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Почему же вы думаете, что она больна? — спросилъ онъ.

— Потому, что не видно...

— Ей тятька выходить не приказалъ! — вдругъ чуть не вскрикнулъ Ванятка, но учитель поспѣшилъ остановить его и снова заговорилъ:

— Итàкъ, въ словахъ нужно различать корень, основу, окончаніе и соединительную гласную.

Борисъ Дмитричъ всталъ съ мѣста; вошелъ Обертышевъ.

— Любопытствуете? — спросилъ онъ.

— Да, зашелъ послушать.

— Тяжелыя времена-съ! А все больше ради солдатчины... Кабы не эта солдатчина, ни за какія деньги свое дитё уродовать не сталъ-бы!

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, спросилъ сухо:

— На вашихъ лошадяхъ поѣдемъ?

— Пожалуй, на моихъ. Лошади у меня порядочныя, тарантасъ покойный...

— Такъ времени терять нечего-съ, потому мнѣ недосужно.

— Поѣдемте.

Обертышевъ молчалъ всю дорогу, а у Бориса Дмитрича не выходили изъ ума слова, сказанныя Ваняткой, и стихъ Некрасова:

Онъ то ноги ея цѣловалъ,
То хлесталъ ее плетью казацкой...

И многое, многое создавалось въ его воображеніи.

До города было верстъ сорокъ, такъ что путешественники наши, выѣхавшіе часа въ два, только къ шести часамъ доѣхали до мѣста. Въ церквахъ звонили ко всенощной, и гулъ колоколовъ далеко разносился по воздуху. Одинъ колоколъ былъ лучше другаго, одна колокольня выше другой. Городъ былъ, какъ и слѣдуетъ быть городу: стоялъ на нагорномъ берегу значительной рѣки и издали былъ красивѣе, чѣмъ вблизи. Издали можно было засмотрѣться на него. Изъ-за массы бѣлыхъ каменныхъ домовъ возвышались церкви и колокольни съ позолоченными главами; кое-гдѣ зеленѣли сады. Были видны правильные квадраты кварталовъ, прямыя улицы и обширныя площади.

Но, въѣхавъ въ городъ, все это словно сливалось, терялось и превращалось въ нѣчто весьма грязное, неприглядное, некрасивое. Роскошные издали дома оказывались самой нелѣпой и тяжелой архитектуры, построенными на купеческій ладъ съ тесовыми галлереями и съ стеклянными шарами на воротахъ (шары эти въ глазахъ жителей города были верхомъ изящества). Одинъ домъ на базарной площади, по которой бродили свиньи и коровы, имѣлъ даже позолоченные оконные наличники. Домъ этотъ принадлежалъ купцу Лаптеву, одному изъ самыхъ богатѣйшихъ и именитѣйшихъ гражданъ города, бывшему городскому головѣ, и одновременно съ этимъ и знаменитому кулачному бойцу. Въ городѣ былъ громадный соборъ, стоившій сотни тысячъ, женскій монастырь, коммерческій клубъ и ни одного фонаря, ни одного общественнаго садика или бульвара, ни одной прогимназіи. Гостиный дворъ, помѣщавшійся среди базарной площади, пестрѣлъ золочеными вывѣсками, и по гостиному двору ходили люди въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами.

Борисъ Дмитричъ такъ заинтересовался городомъ, что, пока нотаріусъ совершалъ

купчую, онъ осмотрѣлъ его съ полнѣйшею подробностью. Оказалось, что въ городѣ все обстоитъ благополучно. Борисъ Дмитричъ обошелъ всѣ улицы, всѣ площади, всѣ церкви и побывалъ чуть-ли не во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Онъ началъ съ земской управы и не безъ удовольствія убѣдился, что люди, посвятившіе себя земской службѣ, дѣйствительно трудились надъ земскимъ дѣломъ. Громаднѣйшая комната была заставлена столами и шкафами, и за столами этими сидѣли десятки людей. Всѣ эти люди, съ десяти часовъ утра и до трехъ пополудни, а затѣмъ съ шести часовъ и до десяти вечера, занимались графленіемъ, писаніемъ и щелканьемъ по щетамъ. Изогнувшись надъ бумагой и чуть не касаясь до нея лѣвыми скулами, они строчили предписанія, отношенія, сообщенія, предложенія, и скрипъ перьевъ наполнялъ комнату. Люди исписались до того; что ни на одномъ изъ нихъ не было живаго лица. Изъ управы Борисъ Дмитричъ зашелъ въ полицейское управленіе. Тамъ тоже всѣ находились при отправленіи обязанностей. Круглый, какъ бомба, исправникъ, съ краснымъ улыбающимся лицомъ и жирнымъ подбородкомъ,

сидѣлъ за столомъ, разставивши ноги и руки, и тоже писалъ. Рядомъ съ нимъ писалъ его помощникъ, и скрипъ начальственныхъ перьевъ, долетавшій до канцеляріи, раззадоривалъ писцовъ, какъ раззадориваетъ чижей скрипъ столовыхъ ножей, и писцы, словно чижи, другъ передъ другомъ и чуть не взапуски скрипѣли перьями. Входили околодочные, квартальные, становые, урядники; гремѣли шпорами, шашками и, почтительно окончивши доклады, подсаживались къ столамъ, вынимали изъ портфелей какія-то рваныя бумаги и тоже начинали скрипѣть перьями. Выходя изъ управленія, Борисъ Дмитричъ заглянулъ въ реестръ исходящихъ бумагъ и, увидавъ нумеръ 125,637, невольно почувствовалъ въ въ душѣ отрадное спокойствіе.

Завернулъ Борисъ Дмитричъ и на съѣздъ мировыхъ судей, какъ-разъ имѣвшій въ тотъ день засѣданіе. Тамъ уже никто не скрипѣлъ, и тишина была величавая. На возвышеніи, обитомъ зеленымъ сукномъ, помѣщался длинный судейскій столъ съ роскошнымъ зерцаломъ, роскошной чернильницей и роскошными канделябрами. За столомъ, на креслахъ съ высокими спинками,

сидѣли чинно судьи въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ. Бутенки на съѣздѣ не оказалось. На лѣвой сторонѣ помѣщался секретарь, а на правой — прокурорскій надзоръ. Судъ шелъ живописно; даже судьи изъ лабазниковъ и тархановъ и тѣ притворялись безупречными. Судьи помоложе играли бакенбардами, смотрѣли на дамъ и рисовались; а судьи, убѣленные сѣдинами, протирали глаза и вникали. Борисъ Дмитричъ сѣлъ въ публикѣ и прослушалъ одно дѣло. Судомъ остался онъ очень доволенъ: скоро и хорошо. Ему особенно понравилась та вѣжливость въ обращеніи, которая практиковалась судомъ не только со свидѣтелями, но даже и съ подсудимыми. Прокуроръ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, воротничками и рукавчиками, съ длиннымъ-предлиннымъ ногтемъ на мизинцѣ и въ щегольскомъ новенькомъ мундирѣ, въ особенности отличался вѣжливостью. Такъ, напримѣръ, допрашивая свидѣтеля, онъ называлъ его господиномъ, хотя-бы свидѣтель этотъ былъ изъ крестьянъ. «Господинъ свидѣтель, — говорилъ онъ самымъ мягкимъ, ласкающимъ и ободряющимъ голосомъ, — будьте такъ любезны, скажите: не замѣчали-ли

вы въ подсудимомъ пагубной страсти къ воровству и не можете-ли припомнить такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ?» И когда обласканный свидѣтель говорилъ, что ничего этого не помнитъ, прокуроръ вздыхалъ, улыбался, запрокидывался на спинку кресла и, подозрѣвая свидѣтеля въ укрывательствѣ преступленія, говорилъ предсѣдателю: «Больше я ничего не имѣю!» и, взявъ карандашъ, начиналъ рисовать профили женскихъ головокъ и острожныя кандалы съ эшафотомъ. Дѣло, которое прослушалъ Борисъ Дмитричъ, заключалось въ томъ, что какой-то мужичишко укралъ у какого-то купца сѣдло, стоющее пять рублей, за что и былъ приговоренъ къ пятимѣсячному тюремному заключенію «Что-же? и по дѣломъ!» подумалъ Борисъ Дмитричъ и направился къ двери зала. Но какъ тихо и осторожно ни совершалъ онъ свой выходъ, однако судебный приставъ все-таки привсталъ съ своего мѣста и, обратясь къ Борису Дмитричу, погрозилъ карандашемъ и проговорилъ вслѣдъ ему: «Тсъ! тише!»

По выходѣ изъ суда, Борисъ Дмитричъ побывалъ въ общественномъ банкѣ, въ уѣздномъ казначействѣ, въ городской думѣ.

Вездѣ, куда-бы онъ только ни заглянулъ, онъ видѣлъ, что люди находились при отправленіи своихъ обязанностей и скрипѣли перьями. Въ банкѣ дѣятельно переучитывались цѣлыя кипы «дутыхъ векселей», въ казначействѣ вѣжливо отказывали въ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, а въ думѣ думали горькую думу по поводу встрѣчи губернатора и сказали нѣсколько теплыхъ словъ по поводу дороговизны муки и голодающей «гольтепы». Словомъ, все обстояло благополучно; и только въ присуствіи по крестьянскимъ дѣламъ, кромѣ сторожа, отпаивавшаго въ прихожей теленка для г. исправника, онъ не нашелъ никого.

— Есть кто-нибудь въ присутствіи? — спросилъ Борисъ Дмитричъ сторожа.

— Никого нѣтъ.

— И секретаря нѣтъ?

— Нѣтъ. Рыбу поѣхалъ ловить; неводъ вчера купилъ, ну и поѣхалъ...

— А гдѣ-же писцы?

— А съ нимъ-же отправились — неводъ тянуть; вишь, лещи икру метать начали!

— Когда-же они воротятся?

—Съ недѣльку, мотри, проохотятся,

потому присутствіе у насъ разъ въ мѣсяцъ. Дѣловъ нѣтъ совсѣмъ, потому мужикъ теперь весь въ поле уткнулся...

— Уткнулся развѣ?

— Извѣстно. Кто гречу сѣетъ, кто пары мечетъ.

Часамъ къ четыремъ у нотаріуса все уже было готово. Нотаріусъ, практика котораго состояла лишь въ протестѣ векселей и засвидѣтельствованіи довѣренностей, до того обрадовался совершенію купчей крѣпости, что два раза протанцовалъ польку подъ звуки собственнаго напѣва. Онъ самъ составилъ проектъ, самъ переписалъ купчую, самъ внесъ ее въ книгу, самъ прикладывалъ печати, суетился, тормошился и даже предложилъ своимъ кліентамъ легонькую закусочку, состоявшую изъ бутылки водки подъ названіемъ «седьмое небо», коробочки сардинокъ и голландскаго сыра, оставшагося еще отъ Пасхи. Всѣ хлопоты по утвержденію купчей старшимъ нотаріусомъ онъ принялъ на себя и далъ слово, что черезъ недѣлю все будетъ готово. Обертышевъ выдалъ Борису Дмитричу въ видѣ задатка шестьсотъ рублей серебромъ, и они разспростились съ счастливымъ нота-

ріусомъ, проводившимъ ихъ вплоть до воротъ съ низкими поклонами.

Такъ какъ Обертышеву необходимо было по какимъ-то дѣламъ переночевать въ городѣ, то Борисъ Дмитричъ, пообѣдавъ въ трактирѣ «Утренняя Заря», пошелъ снова ходить по городу. Проходя по одной улицѣ, онъ увидалъ небольшой домикъ, только-что выкрашенный сѣренькой красочкой, съ надписью на воротахъ: «Домъ титулярнаго совѣтника Панталонова».

— А! вотъ онъ гдѣ! — подумалъ Борисъ Дмитричъ и сталъ осматривать домикъ.

— Для ценза пріобрѣтенъ, — проговорилъ какой-то господинъ съ рыжей бородой и краснымъ носомъ, вѣжливо раскланиваясь съ Борисомъ Дмитричемъ. — Всего сто рублей заплаченъ; мы въ судьи намѣрены баллотироваться, ну и пріобрѣли сей домъ.

— Это г. Панталонова?

— Его-съ.

— Но вѣдь этого дома, кажется, недостаточно для ценза?

— Ничего, сойдетъ! — проговорилъ красноносый господинъ съ какой-то злобой. —

Въ нашемъ городѣ и не такія еще дѣла творятся... ничего!

И, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ:

— Все это описалъ я подробно, такъ сказать, вывелъ на чистую воду и вчера отправилъ статью въ «Листокъ». Пускай-ка почитаютъ!... Домъ въ два гроша, а оцѣненъ въ 2,500 рублей... ловко?

Вечеромъ, Борисъ Дмитричъ отправился въ коммерческій клубъ. Тамъ, за карточными столами, шелъ шумъ и гамъ, но, несмотря на это, въ ушахъ Бориса Дмитрича все еще раздавался скрипъ перьевъ; даже самые картежники казались ему не картежниками, а чиновниками, находившимися при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей. Иллюзія эта была тѣмъ более натуральна, что за столами сидѣли тѣ же самые люди, которыхъ онъ видѣлъ утромъ и которые даже и за картами продолжали говорить о службѣ. Тутъ были: предсѣдатель управы, исправникъ, его помощникъ, судьи, прокуроръ, счастливый нотаріусъ, пара становыхъ приставовъ и даже тотъ судебный приставъ, который крикнулъ ему: «Тсъ, тише!»

О прибытіи въ городъ Бориса Дмитрича

всѣ уже знали, а его прогулка по улицамъ и по присутственнымъ мѣстамъ навела даже подозрительныхъ людей на нѣкоторыя размышленія. На первыхъ порахъ, когда еще г. исправникъ не узналъ фамиліи любопытствующаго туриста, онъ принялъ его почему-то за газетнаго корреспондента, хотѣлъ его, по примѣру царицынскаго исправника, въ 24 часа выпроводить вонъ изъ города, но узнавъ, что то былъ Борисъ Дмитричъ Кургановъ, успокоился. Тѣмъ не менѣе, толки были, и когда Борисъ Дмитричъ пришелъ въ клубъ, то исправникъ прямо подошелъ къ нему и, отрекомендовавшись, принялся разспрашивать про Дмитрія Иваныча и даже попенялъ старику, что, забившись въ свою Ольшанку, совершенно забылъ про городъ и городскихъ знакомыхъ. Минуть черезъ десять послѣ этого, весь клубъ уже зналъ, кто именно былъ Борисъ Дмитричъ, а Борисъ Дмитричъ узналъ, въ свою очередь, всѣхъ бывшихъ въ клубѣ; словомъ, онъ сдѣлался въ клубѣ своимъ человѣкомъ и даже, по предложенію дежурнаго старшины, записался въ члены клуба, внеся за это пятнадцать рублей. Онъ познакомился съ предсѣдателемъ зем-

ской управы, съ помощникомъ исправника, съ нѣсколькими судьями и даже съ вѣжливымъ товарищемъ прокурора. Всѣ эти господа были рады новому знакомству, разспрашивали про Дмитрія Иваныча, просили передать ему поклоны и тоже выговаривали, что старикъ никого изъ нихъ не хочетъ знать и совершенно забылъ о существованіи города. Проведя вечеръ въ средѣ новыхъ знакомыхъ, Борисъ Дмитричъ вынесъ о нихъ самое пріятное впечатлѣніе. Всѣ они оказались самыми прелестнѣйшими людьми, съ прямыми честными натурами, и добродушнѣйшими весельчаками. Всѣ наперерывъ предлагали ему съиграть пулечку и вмѣстѣ выпить водки; но такъ какъ Борисъ Дмитричъ въ карты не игралъ и водки не пилъ, то волей-неволей ему пришлось отказаться отъ предлагаемаго. Послѣднее обстоятельство, а именно то, что Борисъ Дмитричъ не пилъ водки, крайне смутило всѣхъ. Долго не хотѣли этому вѣрить; но, наконецъ, убѣдившись, что молодой человѣкъ водки не пьетъ, всѣ утѣшали себя тѣмъ, что современемъ, поживя съ ними, онъ «попривыкнетъ».

Когда Борисъ Дмитричъ, поужинавъ,

сталъ прощаться, то всѣ опять крѣпко пожимали ему руку, просили поклониться Дмитрію Иванычу, почаще навѣщать ихъ и смотрѣть на нихъ не какъ на чужихъ людей, а какъ на своихъ родныхъ, душевно любящихъ и уважающихъ какъ Дмитрія Иваныча, такъ и его самого. Словомъ, Борисъ Дмитричъ о людяхъ, заправлявшихъ дѣлами уѣзда, вынесъ самое пріятное впечатлѣніе.

На слѣдующій день, часовъ въ пять утра, Борисъ Дмитричъ и Обертышевъ выѣзжали уже изъ гостиницы. Гулъ колоколовъ снова потрясалъ воздухъ, призывая богомольцевъ къ заутрени; городъ пробуждался. Кабаки первые открыли свои гостепріимныя двери, и набожные кабатчики, стоя на порогѣ, усердно крестились, призывая на помощь милосердіе Господне; тоже самое дѣлали и трактирщики. Пока тарантасъ продолжалъ катиться по городу, съ одной улицы на другую, заворачивая въ переулки то направо, то налѣво, запахъ водки, калачей и рогожъ преслѣдовалъ ихъ. Наконецъ, тарантасъ спустился съ горы, прокатился по плашкотному мосту, перекинутому черезъ рѣку, и, вылетѣвъ на другой

берегъ, очутился уже внѣ города. Возлѣ будки, въ которой жилъ сторожъ, собиравшій мостовыя деньги, Борисъ Дмитричъ увидалъ слѣдующую сцену. Сборщикъ держалъ за шиворотъ двоихъ мужиковъ и, ругаясь площадными словами, требовалъ съ нихъ какихъ-то два семика, между тѣмъ какъ другой, повидимому, помощникъ сборщика, нещадно колотилъ по мордѣ лошадь, силясь ее заворотить назадъ. Нѣсколько мѣщанъ окружали ихъ и громко смѣялись.

— Пусти! — кричали мужики.

— Давай два семика, — кричалъ сборщикъ.

— Мы по такціи отдали, чего-жь тебѣ еще!

— Мало.

— Аль тѣ на водку спонадобилось?

— Спонадобилось.

Чѣмъ все это кончилось, неизвѣстно, ибо, миновавъ мостъ, путешественники поѣхали дальше. Утро было превосходное, прохладное, дорога извивалась по низменному берегу рѣки, поросшему кудрявою порослью дуба и прямыми, стройными осинками. Недавно еще на этомъ мѣстѣ шумѣлъ строевой лѣсъ, наполненный звѣремъ и пти-

цей, богатый грибами, ягодами и хмѣлемъ, но ничего не щадящая рука дикаго эксплоататора лѣсъ этотъ повырубила до-тла и свезла на линію желѣзной дороги. Туманъ разстилался надъ рѣкой, а выше тумана, словно на облакахъ, рисовался городъ со своими церквами. Гулъ колоколовъ еще доносился до слуха нашихъ путешественниковъ и долго провожалъ ихъ, сливаясь съ громомъ тарантаса и топотомъ лошадей. Навстрѣчу то-и-дѣло попадались мужики, цѣлыми обозами тянувшіеся на базаръ въ городъ. Мужики, а въ особенности бабы, были разряжены и имѣли праздничный видъ. Встрѣчались и крестьянскія дѣвки. Онѣ шли цѣлыми толпами, босикомъ, неся въ рукахъ башмаки и чулки. Всѣ шли съ кузовками, наполненными земляникой, и, поравнявшись съ тарантасомъ, прикрывались фартуками, улыбались и хихикали. Встрѣтился и становой приставъ Панталоновъ. Сидя рядомъ съ какой-то дамой, онъ мчался въ своемъ новомъ тарантасѣ на лежачихъ рессорахъ. Покрытый лакомъ тарантасъ горѣлъ огнями, а быстро вращавшіяся колеса блестѣли, словно четыре маленькихъ солнца.

— Стой, стой! — закричалъ Панталоновъ ямщику пря видѣ нашихъ путешественниковъ. — Стой!

И, когда лошади были остановлены, онъ выскочилъ изъ тарантаса и, подбѣжавъ къ встрѣтившимся, проговорилъ весело:

— Откуда? Куда? Здравствуйте! Очень радъ! Въ городѣ были?

— Да, въ городѣ.

— Экая досада; я-то не засталъ васъ...

— Вы съ кѣмъ? — спросилъ Обертышевъ.

— Съ докторшей, съ Белярминовой... Да чтó это вы отъ праздника-то уѣхали? Ахъ, какъ жалко, право жалко!... Мы бы весело провели время. Я познакомилъ-бы васъ, Борисъ Дмитричъ, съ нашими красавицами; вѣдь сегодня въ клубѣ танцовальный вечеръ. Домишко-бы вамъ свой показалъ.

— Я видѣлъ, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ.

Становой даже рукой махнулъ.

— И не радъ, что связался! — проговорилъ онъ. — Эти плотники да печники просто одолѣли... То гвоздей, то тесу давай... А ужь эти шпингалеты да вьюшки

разныя... просто житья нѣтъ. Деньги такъ и ползутъ.

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ Бориса Дмитрича:

— Ну, что, нравится вамъ мой тарантасъ?

— Отличный.

— А какой покойный-то! Сидишь и не чувствуешь, какъ ѣдешь.

— Тарантасикъ добренькій, — проговорилъ Обертышевъ, оглядывая экипажъ. — А дорого дали?

Но становой Панталоновъ только вздохнулъ.

— Охъ, и не спрашивайте! Даже выговорить страшно. Однако, прощайте; барыня-то моя, пожалуй, и разгнѣвается.

И потомъ, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— А скоро вы и самого барина встрѣтите.

— Доктора? — спросилъ Обертышевъ.

— Да, везутъ на тележкѣ.

— Везутъ?

— Везутъ раба Божьяго... Однако, прощайте, прощайте! — засуетился Панталоновъ. — До свиданья... На-дняхъ буду въ вашихъ палестинахъ, такъ заѣду.

Проговоривъ это, Панталоновъ пожалъ имъ руки, вскочилъ въ тарантасъ, крикнулъ: «пошелъ!» и полетѣлъ по направленію къ городу.

Немного погодя, встрѣтили они и самого доктора Белярминова. Онъ лежалъ навзничь на тележкѣ, ноги на козлахъ, голова на подушкѣ, и храпѣлъ во всю мочь. На немъ было лѣтнее парусинное пальто, такіе же панталоны, а на головѣ что-то въ родѣ шляпы, изъ-подъ которой выбивались волосы, падавшіе прямо на лицо. Тройка трусила легонькой рысцой, тележка подпрыгивала на кочкахъ, но даже и эти толчки не могли разбудить успокоившагося доктора.

— Совсѣмъ слабъ сталъ! — замѣтилъ Обертышевъ и замолчалъ.

Немного погодя, путешественники выѣхали изъ лѣса, выбрались изъ низменностей, поднялись на песчаную возвышенность и, миновавъ большое пригородное село, очутились среди необозримыхъ полей. По мѣрѣ удаленія отъ города, народъ сталъ встрѣчаться рѣже и рѣже. Картина измѣнилась. Однообразіе полей утомляло взоръ. Все было гладко, ровно, и только вдали на горизонтѣ, тянулась цѣпь горъ, покрытыхъ

мѣстами лѣсомъ; это былъ нагорный берегъ рѣки. Здѣсь и тамъ, по возвышенностямъ, виднѣлись села, помѣщичьи усадьбы, неприглядныя деревушки и затѣмъ снова—темносиняя масса лѣса. На десятой верстѣ путешественникамъ пришлось спускаться съ крутой горы. Гора представляла собою не мало опасностей, такъ какъ по обѣ стороны дороги зіяли отвѣсные овраги. Приходилось спускаться по узкому, косогористому хребту, саженъ въ пять шириною, и затѣмъ потрафить на мостикъ, кое изъ чего собранный и покрытый соломой. У Бориса Дмитрича, глядя на все это, даже сердце замерло, и, приказавъ кучеру остановить лошадей, онъ поспѣшилъ выйти изъ тарантаса.

— Что, аль до головоломки доѣхали? — спросилъ вздремнувшій было Обертышевъ.

— Доѣхали, — отвѣтилъ кучеръ.

Обертышевъ тоже вышелъ, а кучеръ, подтормозивъ колеса и зайдя напередъ лошадей, сталъ въ поводу спускать ихъ подъ гору.

— Сколько тутъ на горѣ этой народу погибло—кажется, сосчитать невозможно!— говорилъ Обертышевъ, идя рядомъ съ Бо-

рисомъ Дмитричемъ.—Недѣли три тому назадъ одинъ мужичекъ вотъ въ этотъ самый оврагъ сорвался, совсѣмъ съ лошадью и съ телегой, не дыхнулъ даже... А исправникъ чуть не каждый день ѣздитъ по этой горѣ — чего-бы стоило огородить? Плевое дѣло, два гроша цѣна. Огородили бы да валикъ изъ назьму бы сдѣлали, и распрекрасная была-бы ѣзда! А посмотрите, мостишко-то какой!... Года два тому назадъ, иноходецъ у меня на этомъ самомъ мосту ногу пополамъ сломалъ, провалился, значитъ... трехсотъ рублей не взялъ-бы! Такъ тутъ, на этомъ мосту, и пристрѣлилъ его; года полтора возлѣ моста кости валялись.

Спустившись съ горы и переѣхавъ живо-трепещущій мостикъ, путешественники снова сѣли въ тарантасъ и поѣхали дальше.

Часовъ въ девять утра, они подъѣзжали уже къ мельницѣ Обертышева. Борисъ Дмитричъ еще издали оглядѣлъ всѣ окна дома, думая увидать Агаѳью Петровну, но ея не видно было нигдѣ. Ему страшно захотѣлось войти въ домъ, но такъ какъ Обертышевъ на этотъ разъ не пригласилъ его къ себѣ, то волей-неволей, ссадивъ мельника и простившись съ нимъ у кры-

лечка, Борису Дмитричу пришлось ѣхать домой, не повидавшись съ Агаѳьей Петровной. Поведеніе Обертышева показалось Борису Дмитричу еще болѣе страннымъ; но онъ только путался въ догадкахъ. Отъѣхавъ немного отъ мельницы, онъ увидалъ учителя съ цѣлой кипой удочекъ и съ небольшимъ сачкомъ, наполненнымъ рыбой. «Ужь не онъ-ли наболталъ!» мелькнуло въ головѣ Бориса Дмитрича, и снова вспомнилъ онъ Ванятку и его слова, что «папка не приказалъ мамкѣ выходить!»

Борисъ Дмитричъ остановилъ лошадей и подошелъ къ учителю.

— Что́, рыбу удили? — спросилъ онъ.

— Да, какъ видите...

— И, кажется, довольно удачно?

— Не совсѣмъ, если принять въ соображеніе то время, которое я просидѣлъ надъ рѣкой. Я еще до зари началъ... Ну, что́, хорошо-ли въ городъ съѣздили?

— Ничего, хорошо.

И, немного помолчавъ, Борисъ Дмитричъ спросилъ:

— Послушайте. Я замѣчаю, что въ домикѣ этомъ происходитъ что-то недоброе... Ужь вы не разболтали-ли?

— За кого вы меня принимаете! — почти вскрикнулъ Любомудровъ. — Какъ вамъ не совѣстно!...

— Ничего не говорили?

— Конечно!

— Почему же въ Обертышевѣ произошла какая-то перемѣна?

— А можетъ быть потому, что онъ слишкомъ ревнивъ...

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, учитель добавилъ:

— Однако, Агаѳья Петровна васъ интересуетъ-таки!

— Меня интересуетъ поведеніе Обертышева, и вотъ почему мнѣ думается, что вы не сдержали своего слова.

— Но какіе-же мотивы... почему? — спросилъ учитель.

— Не знаю. Но я хочу вамъ вѣрить и вѣрю, что вы были скромны.

И, раскланявшись съ учителемъ, Борисъ Дмитричъ поѣхалъ домой; но не успѣлъ онъ завернуть за уголъ мельницы и поравняться съ плетнемъ огорода, какъ изъ-за плетня высунулась какая-то женщина и жестами руки принялась подзывать Курганова. Въ одинъ прыжокъ онъ былъ возлѣ

плетня и въ женщинѣ узналъ кухарку Обертышевыхъ.

— На-ка! — шепнула она и, сунувъ въ руку Бориса Дмитрича какую-то записку, мгновенно скрылась.

Борисъ Дмитричъ поспѣшно развернулъ записку и прочелъ слѣдующее:

«Учитель разсказалъ все, погоди приходить; когда все улажу, тогда напишу.»

X

КАКЪ только Борисъ Дмитричъ возвратился домой, такъ немедленно же принялся за дѣло, и недѣли черезъ двѣ ольшанскую усадьбу нельзя было узнать. Возлѣ обгорѣлаго завода возвышались цѣлые ярусы брусьевъ, бревенъ, кирпича, досокъ, тесу, и работа кипѣла. Явились плотники, каменьщики, столяры, бондари, и весело было смотрѣть на оживленную дѣятельность всего этого люда. Борисъ Дмитричъ не отходилъ отъ работъ. Онъ зналъ уже по имени каждаго работника и съ каждымъ сошелся чуть не по-пріятельски. Вставалъ Борисъ Дмитричъ одновре-

менно съ рабочими, одновременно съ ними завтракалъ, обѣдалъ, ужиналъ и одновременно же ложился спать. Онъ даже костюмъ себѣ сшилъ такой же, въ какой одѣвались рабочіе, то есть рубашку съ косымъ воротомъ, шаровары и сапоги, и въ этомъ костюмѣ ходилъ цѣлый день. Не надѣясь на свои силы и познанія, онъ успѣлъ съѣздить въ губернскій городъ и, разыскавъ тамъ опытнаго техника-англичанина, привезъ его въ Ольшанку. Въ городѣ онъ успѣлъ обдѣлать и еще одно весьма важное дѣло, а именно, познакомившись съ членами банка, выхлопоталъ страховую премію за обгорѣвшій заводъ. Съ полученіемъ этихъ денегъ Борисъ Дмитричъ раскинулся еще шире. По совѣту техника, къ заводу были примѣнены новѣйшія приспособленія; выписаны нѣкоторые аппараты, а старые проданы. То-же самое дѣлалось и на мельницѣ. Весь деревянный механизмъ было порѣшено замѣнить чугуннымъ; старую плотину уничтожили до основанія и, перехвативъ воду, принялись возводить новую. Сотни землекоповъ работали надъ этимъ дѣломъ, и работа подвигалась не по днямъ, а по часамъ. Сравнительно съ прежней, плотину насыпали вдвое

выше и вдвое же были увеличены и водяныя колеса. Съ увеличеніемъ размѣра колесъ, должна была измѣниться къ лучшему и быстрота движенія остальнаго механизма. Борисъ Дмитричъ былъ счастливъ вполнѣ; онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ дѣло, и энергія его, при этомъ сознаніи, крѣпла съ каждымъ днемъ. Нечего говорить, что Дмитрій Иванычъ отступился совершенно отъ всего; но нельзя сказать, чтобы и онъ бездѣйствовалъ совершенно. Онъ побывалъ въ уѣздномъ гоородѣ, побывалъ у многихъ помѣщиковъ и, возобновивъ знакомства, намекалъ косвенно о желаніи сына быть мировымъ судьей.

Ольшанскій домикъ оживился. Стали наѣзжать сосѣди, пошли завтраки, обѣды, и всѣ пріѣзжавшіе спѣшили на заводъ и на мельницу. О Борисѣ Дмитричѣ заговорили въ уѣздѣ, заговорили помѣщики, заговорили купцы, заговорили крестьяне, а учитель Любомудровъ по поводу его напечаталъ даже въ газетѣ небольшую корреспонденцію самаго хвалебнаго свойства. Многіе изъ купцовъ пріѣзжали въ Ольшанку нарочно, чтобы посмотрѣть, какъ молодой ольшанскій баринъ, въ русской рубахѣ и

личныхъ сапогахъ, повелъ дѣло, и, осмотрѣвши все въ подробности, возвращались домой.

Все это не мѣшало, однако, Борису Дмитричу въ свободное время бродить по окрестностямъ и знакомиться съ населеніемъ. Водворившись въ деревнѣ, онъ счелъ необходимымъ поближе познакомиться съ ея житьемъ-бытьемъ; ему хотѣлось провѣрить все прочитанное имъ про деревню. Въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли ему былъ уже знакомъ весь околодокъ. Онъ узналъ всѣхъ кабатчиковъ, лавочниковъ и трактирщиковъ и невольно изумился при видѣ хищнической суетливости этихъ людей. Онъ положительно не узнавалъ той деревни, каковую видѣлъ въ лѣта своего дѣтства. Новые люди, словно грибы послѣ дождя, повыскакали наружу и, пустивъ корни, засѣли на твердой почвѣ. Въ рѣдкой деревнѣ не развивалось кабацкое знамя, въ рѣдкой деревнѣ не было лавочки, въ рѣдкомъ селѣ не было базара и трактира. Народъ пилъ, гулялъ, а новые люди, новые грибы заводились и укоренялись. Въ рѣдкомъ селѣ не встрѣчался онъ съ «кулакомъ», вышедшимъ изъ той же крестьянской среды. Кулакъ этотъ не пахалъ, не

сѣялъ, не работалъ, а только пилъ чай и, присосавшись къ своей же братьѣ, давилъ и истощалъ ее. Мужикъ метался во всѣ стороны и, куда-бы ни метнулся, повсюду встрѣчалъ или лавочника, или кабатчика, или кулака. Не безъ изумленія замѣтилъ Борисъ Дмитричъ, что деревню заполонили и другіе люди. Люди эти называли себя адвокатами, учителями, фельдшерами, попами, и каждый по-своему залѣзалъ въ карманъ къ мужику. Встрѣчались даже люди ни на что негодные, ничего не дѣлавшіе, но тѣмъ не менѣе все-таки ухитрявшіеся благодушествовать на счетъ того-же мужика. Ознакомившись съ этими мелкими паразитами, Борисъ Дмитричъ перешелъ и къ крупнымъ. Его особенно занялъ нѣкто Лаптевъ, тотъ самый, у котораго былъ въ городѣ домъ съ позолочеными наличниками. У Лаптева было въ настоящее время тысячъ двѣнадцать десятинъ земли; разбогатѣлъ онъ быстро съ помощью фальшивыхъ денегъ, добытыхъ имъ гдѣ-то на югѣ Россіи. Было время, когда онъ ѣздилъ на югъ чуть-ли не каждый годъ; ѣздилъ на своихъ лошадяхъ, въ кибиткѣ, обложенный подушками. Останавливаясь на постоялыхъ дворахъ, онъ

немедленно приказывалъ затапливать печи и возлѣ этихъ печей складывалъ свои подушки. Послѣ уже, спустя долгое время, Лаптевъ подъ веселую руку разсказывалъ, что печи эти затоплялись только для подушекъ, чтобы было куда сунуть ихъ «на случай какого-либо грѣха». Теперь Лаптевъ на югъ уже не ѣздитъ и живетъ въ своемъ имѣніи «горѣлой Латышевкѣ». Узналъ Борисъ Дмитричъ почему и Латышевка называется «горѣлой», хотя въ сущности она никогда и не горѣла. Лѣтъ двадцать тому назадъ, во время самой эмансипаціи, Лаптевъ купилъ эту Латышевку у перепугавшейся барыни Латышевой и расплатился съ нею «подушечными деньгами». Барыня тотчасъ же уѣхала въ Питеръ; но каково было ея изумленіе, когда деньги, до послѣдняго рубля, оказались фальшивыми! Барыня даже обмерла со страху, затопила каминъ и сожгла всѣ деньги. Такъ съ тѣхъ поръ народъ и прозвалъ Латышевку «горѣлой». Въ этой-то Латышевкѣ и проводитъ лѣто Лаптевъ, занимаясь посѣвами, гуртами, хлѣбной торговлей и кабаками. Когда-то былъ онъ городскимъ головою и, занимая эту должность, подружился со всѣми властями,

какъ уѣздными, такъ и губернскими. Не безъ горечи узналъ Борисъ Дмитричъ, что и въ средѣ уцѣлѣвшихъ дворянъ завелись такіе же Лаптевы.

Вскорѣ Ольшанскій молодой баринъ сдѣлался въ народѣ популярнымъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ народъ положительно осаждалъ его. Можно было подумать, что въ ольшанскомъ домикѣ живетъ не частное лицо, а оффиціальное.

Сядетъ, бывало, Борисъ Дмитричъ на крылечко, а народъ окружитъ его и начнетъ по-очереди разсказывать свои нужды. Съ нимъ совѣтовались обо всемъ: и по «судейской части», и, разсказавъ про свои болѣсти, просили помощи. Ему приносили въ даръ яицъ, куръ, баранокъ, и, какъ ни старался Борисъ Дмитричъ отдѣлаться отъ этихъ приношеній, дѣло все-таки кончалось тѣмъ, что подарки приходилось принять. Борисъ Дмитричъ не замедлилъ убѣдиться, что скрипъ перьевъ, слышанный имъ въ городѣ, такъ и оставался однимъ только скрипомъ, монотонной музыкой неспособныхъ музыкантовъ. Онъ убѣдился, что добродушные музыканты эти—плохіе знатоки музыки и въ сущности тѣ-же дармоѣды,

какими наполнена была и деревня. Куда-бы онъ ни заглянулъ, повсюду встрѣчался только одинъ сумбуръ. Онъ убѣдился, что, благодаря этому сумбуру, народныя школы никуда не годны, что народные учителя по бо́льшей части сами невѣжды; что подобныя школы могутъ только оболванить, но не развить человѣка; что земскіе врачи и фельдшера не помогаютъ мужику; что дороги непроѣздны, что хлѣбные магазины пусты, что волостные суды негодны, что должностныя лица прежде всего радѣютъ о самихъ себѣ, что кабатчики и кулаки ползутъ и ползутъ впередъ, охватывая народъ... И Борисъ Дмитричъ словно растерялся.

Нѣсколько разъ онъ объяснялъ приходившему къ нему народу, что онъ никогда не бралъ въ руки ни одного лечебника, ни одной медицинской книги; что о крестьянскихъ нуждахъ не имѣетъ никакого понятія; что судебное разбирательство не подлежитъ его вѣдѣнію; что въ земскія дѣла онъ вмѣшиваться не имѣетъ права; что въ школьномъ дѣлѣ онъ тоже ничего не значитъ; однако, народъ все-таки къ нему шелъ и просилъ совѣтовъ.

— Ты что? — спроситъ, бывало, Борисъ Дмитричъ, увидавъ какого нибудь мужика.

— Да вотъ... поговорить пришелъ...

— Что случилось?

— Да вотъ, братецъ ты мой, у купца землю я снималъ, такъ онъ съ меня теперича, за самую за эту землю, вторыя деньги норовитъ содрать...

И, подавъ какой-то замасленный лоскутокъ бумаги, прибавлялъ:

— На-ка вотъ, почитай.

Борисъ Дмитричъ читалъ и узнавалъ, что то была повѣстка отъ мироваго.

— Ну, что-жь? это — повѣстка.

— Она самая; вечоръ получилъ.

— Надо въ камеру ѣхать, къ судьѣ.

— А нешто есть такой законъ, чтобы вторыя деньги взыскивать?

— Такого закона нѣтъ. А ты какъ землю-то... по условію снималъ?

— Знамо, по условію,—въ волостной свидѣтельствовали. У насъ это все, какъ слѣдуетъ, написано: за сколько, значитъ, я снялъ, когда деньги платить; все какъ слѣдуетъ, акуратно, и нигдѣ не написано, чтобы мнѣ, то есть, вторыя деньги платить...

— А у кого это условіе?

— Знамо, у купца! У меня земля, а у него условіе.

— А у тебя-то есть что-нибудь, граматка какая-нибудь?

— Зачѣмъ мнѣ?—удивляется мужикъ.— Мнѣ не нужно... я снялъ землю, денежки заплатилъ, хлѣбъ убралъ и продалъ... мнѣ никакой граматки не требуется.

— И росписки нѣтъ, что всѣ деньги уплатилъ?

— Была и росписка.

— Гдѣ-же она?.,. Давай ее сюда.

— Да, поди-ко-сь! Я изъ нея папироску свернулъ.

— Зачѣмъ же ты это сдѣлалъ? Берегъ-бы...

— Да вѣдь это когда было-то! — вскрикнулъ мужикъ, махнувъ рукою. — Вѣдь этому дѣлу-то года три будетъ, коли не больше. Что-же мнѣ теперича и беречь всѣ эти росписки?

— Коли пошли такіе порядки, такъ беречь надо... А то бы условіе взялъ назадъ.

— Вѣдь этого никогда не было.

— Впередъ умнѣе будешь. А много денегъ-то?

— Мало-ли денегъ!... Десять рублей...

И потомъ, вдругъ разсмѣявшись, мужикъ прибавилъ:

— Нѣтъ, ты вотъ что подумай, каковъ я дуракъ-атъ... Вѣдь самъ же купецъ и научилъ-то меня изъ этой росписки папироску свернуть. Дѣло-то въ полѣ было. Пахалъ я ему землю, а онъ и подъѣхалъ ко мнѣ въ самый, значитъ, въ обѣдъ. Я только-что пообѣдалъ и смерть какъ покурить захотѣлось; попросилъ у него бумажки, а у него не было... я сталъ это въ кисетѣ-то шарить, да и вынулъ, значитъ, самую росписку. — Да вѣдь вотъ имѣется! — говоритъ купецъ. — «Это, говорю, росписка твоя». — Ну-ка, говоритъ, покажи. — Я ему подалъ, онъ почиталъ, да и говоритъ: — Росписка эта теперь не нужна, потому что она еще въ 1876 году писана. «А какъ ты, говорю, другія деньги сдерешь?» — Вотъ тѣ здравствуй, говоритъ: чтó на мнѣ креста, что-ли, нѣтъ? Поди, я не татаринъ! — Я и скрутилъ папироску. Да чего, и купецъ-то раза три затянулся; а черезъ недѣлю, смотрю и повѣстка пришла. Вѣдь вотъ какой народъ озорной сталъ!

— И когда вы только поумнѣете, чортъ

васъ знаетъ! — горячился Борисъ Дмитричъ.

— Мотри, что не скоро...

Борисъ Дмитричъ съѣздилъ къ Бутенко и разсказалъ ему это дѣло; но чѣмъ оно кончилось, неизвѣстно.

Разъ пришла къ Борису Дмитричу какая-то баба. Рука у бабы была вся обмотана тряпицами; баба чуть не въ голосъ выла.

— Что съ тобой?

— Смертынька моя, моченьки нѣтъ... помоги!

— Рука болитъ, что-ли?

— Рука, родимый; хошь отрѣзать впору.

И отъ боли слезы градомъ лились изъ глазъ ея.

— Покажи-ка!

Баба сбросила накинутый на плеча тулупъ и принялась разматывать тряпки. Ужь она разматывала, разматывала, тряпокъ шесть побросала на полъ, наконецъ, добралась до послѣдней и принялась разматывать ее съ бо́льшею осторожностію. Борисъ Дмитричъ пододвинулся ближе, какъ вдругъ что-то выпрыгнуло изъ-подъ тряпки и шлепнулось на полъ. Борисъ Дмитричъ даже вскрикнулъ отъ испуга.

— Что это?

— Лягушка, родимый, лягушка! — простонала баба.

Борисъ Дмитричъ взглянулъ на полъ и дѣйствительно увидалъ громаднѣйшую лягушку. Рука у бабы оказалась страшно распухшею, воспаленною и совершенно темно-синяго цвѣта.

— Ты бы къ лекарю съѣздила.

— Была ужь.

— Ну, что-же?

— Дома не застала, въ гости уѣхалъ.

— Ну, къ фельдшеру сходила бы.

— Была и у него. «Некогда, говоритъ, имянинникъ я».

— Кто-же тебѣ лягушку-то приложилъ?

— Старушка у насъ есть такая. Покуда холодитъ лягушка-то, мнѣ и полегче, а какъ нагрѣется, такъ опять не знаю, куда съ рукой дѣваться! И на печку-то полѣзешь и на лавку-то сядешь, и въ поле-то уйдешь. Вотъ ужь пять ночей кряду глазъ не смыкаю... Руки впору наложить на себя, душу загубить!

Борисъ Дмитричъ посовѣтывалъ прикладывать творогъ, но и творогъ не помогъ. У

бабы оказалась «сибирка», и недѣли черезъ двѣ она умерла безъ всякой помощи.

Разъ приходили къ Борису Дмитричу мужики и съ слѣдующей просьбой:

— Чтó, ребятъ въ обученье не берешь?

— Не беру.

— Такъ...

— Развѣ у васъ нѣтъ школы?

— Какъ не быть, — есть!

— Чтó же, учителя, что-ли, нѣтъ?

— Есть и учитель.

— Кто такой?

— Священникъ, «батюшка». Онъ, значитъ, учить взялся, договорился съ нами по четвертному билету въ мѣсяцъ, только самъ-атъ не ходитъ, а, значитъ, нанялъ замѣсто себя солдата за трешницу въ мѣсяцъ, его и посылаетъ въ школу-то.

— А самъ не ходитъ?

— Когда-жь ему самому?. У него и хозяйство большое, и пчельникъ, и посѣвы... когда-жь ему воловодиться!

— Зачѣмъ же нанимали его?

— Божился вѣдь; буду, говоритъ, о дѣтяхъ вашихъ, какъ о своихъ кровныхъ, радѣть.

— Жаловались-бы.

— Да жаловались, только толкóвъ-то никакихъ не вышло.

— Дураки! — разсердился Борисъ Дмитричъ.

— Знамо, что дураки!

Приходили къ Борису Дмитричу и такіе люди, которые жаловались ему на собственное волостное начальство, жаловались на притѣсненія міра, на растраты, совершаемыя сборщиками податей, на опиваніе ихъ стариками и сходами. Приходили и такіе, которыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ трепала лихорадка и которые, не добившись никакой помощи, начинали бродить зря, разыскивая запрещенныхъ знахарей и знахарокъ. Приходили такіе, которымъ нечего было ѣсть, и Борисъ Дмитричъ узналъ многое такое, о существованіи чего онъ даже и не подозрѣвалъ.

Между тѣмъ въ уѣздѣ стали поговаривать о Борисѣ Дмитричѣ не на шутку. Становой Панталоновъ сообщилъ исправнику, что въ Ольшанку сталъ ходить зачѣмъ-то народъ и что молодой Кургановъ все объ чемъ-то толкуетъ съ народомъ. Исправникъ счелъ нужнымъ съѣздить въ Ольшанку, и дѣйствительно пріѣзжалъ, подъ

предлогомъ отдать Дмитрію Иванычу визитъ. Въ Ольшанкѣ онъ пробылъ почти весь день: завтракалъ, обѣдалъ и только послѣ ужина отправился въ городъ. Онъ осмотрѣлъ мельницу, заводъ, хвалилъ энергію Бориса Дмитрича; много говорилъ съ нимъ про хозяйство, про народный бытъ, про школы, но не найдя ничего предосудительнаго (кромѣ русскаго костюма), уѣхалъ, наговоривъ и сыну, и отцу тысячу любезностей. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ останавливался въ нѣсколькихъ сосѣднихъ съ Ольшанкой деревняхъ и косвенно старался разузнать отъ народа образъ мыслей молодаго Ольшанскаго барина. Онъ даже намекнулъ уряднику посматривать за ольшанскими сходками и, въ случаѣ надобности, донести ему о результатахъ наблюденія. Нѣкоторымъ изъ господъ помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ къ старику, Борисъ Дмитричъ понравился, а нѣкоторые, напротивъ, находили его «черезчуръ уже умнымъ и ученымъ». Русская рубаха положительно возмущала всѣхъ. Не нравилось также многимъ и то обстоятельство, что Борисъ Дмитричъ не употреблялъ водки, и даже видѣли въ этомъ какую-то «странную и дикую фа-

наберію», какое-то желаніе порисоваться и сдѣлаться непохожимъ на другихъ. Нѣкоторые дошли въ своемъ негодованіи до того, что принялись увѣрять, будто Борисъ Дмитричъ пьетъ въ-одиночку, «по-фельдбельски», по ночамъ, вмѣстѣ съ англичаниномъ-техникомъ и напиваются оба до положенія ризъ. Мѣстные доктора, а глядя на нихъ и фельдшера, вознегодовали на Бориса Дмитрича за то, что онъ, «не смысля въ медицинѣ ни уха, ни рыла», лечитъ больныхъ, и даже одно время собирались было просить кого слѣдуетъ о воспрещеніи ему практики. Обо всемъ этомъ, конечно, не подозрѣвали ни Борисъ Дмитричъ, ни Дмитрій Иванычъ и, вѣроятно, долго бы оставались въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о всемъ происходившемъ, еслибы однажды пріѣхавшій къ нимъ Бутенко не раскрылъ имъ истины.

— Послушай-ка ты, молодой человѣкъ,— проговорилъ онъ: — ты что̀ это тутъ творить вздумалъ?

— А вотъ, какъ видите, дѣломъ занимаюсь! — чуть не вскрикнулъ Борисъ Дмитричъ: — работаю, хлопочу, и, по смотрите-ка, дѣло-то какъ двинулось! Че-

резъ недѣльку, думаю, мельницу въ ходъ пустить...

— Смотри, — перебилъ его Бутенко, — какъ бы мельница эта не намолола тебѣ такой муки, изъ которой пироги не показались бы горькими.

Борисъ Дмитричъ даже расхохотался.

— Чтó, иль не хорошо дѣлаю? — спросилъ онъ.

— Не совсѣмъ-то...

— А именно?

— Къ тебѣ зачѣмъ это со всѣхъ сторонъ народъ собирается?... Ты чтó такое?... Судья, что-ли, адвокатъ, докторъ, акушеръ?... Попъ, что-ли, наконецъ?

— Нѣтъ.

— Такъ какія же могутъ быть у тебя дѣла со всѣми этими мужиками и бабами?

— А про это вы ихъ спросите...

— Даже надоѣли! — вмѣшался Дмитрій Иванычъ. — Изъ комнаты выйти нельзя: только-что выйдешь, такъ и наткнешься либо на больнаго, либо на просителя.

— Гмъ! просителя! — перебилъ его Бутенко. — Сынъ-то твой губернаторъ развѣ, что къ нему съ прошеніями ходятъ?

И потомъ вдругъ, обратясь къ Борису Дмитричу, добавилъ:

— Зачѣмъ, братецъ, ты все это дѣлаешь? Чортъ съ ними!... Пускай идутъ куда слѣдуетъ... Пускай больные идутъ къ лекарю и фельдшеру; пускай нуждающіеся въ юридическомъ совѣтѣ идутъ къ «брехуну»; умирающіе съ голоду — къ попу; незнающіе граматѣ — въ школу... Какое тебѣ до нихъ дѣло? Гони ты ихъ въ шею! Что тебѣ за дѣло до мужика, до кабатчика, до кулака? Приставь ты къ своему крыльцу солдата съ палкой, и пускай онъ отгоняетъ отъ тебя весь этотъ народъ... какое тебѣ до него дѣло? Ну, чтó ты такое? У тебя нѣтъ пока ни треуголки, ни шпаги... слѣдовательно, ни письменныхъ прошеній, ни словесныхъ заявленій принимать ты не можешь...

— Я васъ не понимаю, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ.

— Такъ вотъ я и пріѣхалъ съ разъясненіемъ. Вѣдь дѣло-то скверно, вѣдь про тебя, молодой человѣкъ, недоброжелательные толки пошли! Болтаютъ много всякаго вздору, что ты такой и сякой, что въ русской рубахѣ ходишь, и народъ лечишь, и

водки не пьешь... Такъ, братецъ, дѣлать не годится. Коли хочешь съ волками жить, такъ умѣй по-волчьи и выть.

Дмитрій Иванычъ даже перепугался.

— Какіе слухи? — спросилъ онъ, блѣднѣя, и вдругъ вспомнилъ почему-то трактирщика на желѣзной дорогѣ и произнесенный имъ глаголъ «пошаливаютъ».

— А такіе, что твоего сына считаютъ подозрительнымъ.

Борисъ Дмитричъ захохоталъ, но Дмитрій Иванычъ, совершенно растерявшійся, обратился къ сыну.

— Послушай, Боря, — спросилъ онъ: — ужь и въ самомъ дѣлѣ не болталъ-ли ты чего-нибудь такого, что могло бы поселить подозрѣніе? Книгъ какихъ-нибудь не давалъ-ли читать?

— Да ты развѣ не знаешь, зачѣмъ ко мнѣ народъ ходитъ? — спросилъ въ свою очередь Борисъ Дмитричъ отца. — Ходитъ онъ ко мнѣ затѣмъ, что я его въ зубы не бью, и что у меня нѣтъ солдата, который отгонялъ бы его палкой. Полюбился я ему, вотъ онъ и пошелъ ко мнѣ. Все это вздоръ и пустяки!

— Нѣтъ-съ, позвольте, —вмѣшался «крѣ-

постной человѣкъ», слышавшій весь этотъ разговоръ: — это не пустяки. Я самъ не мало дивился, глядя на васъ... умный вы господинъ, а поступаете какъ есть по-дурацки...

Борисъ Дмитричъ разразился хохотомъ.

— Нечего хохотать-то, — продолжалъ Архипъ: — я правду докладываю. Съ мужиками и съ бабами вы толкуете по цѣлымъ часамъ, а своего, брата, дворянина, знать не хотите. Дворянинъ обидчивъ, и вотъ, по этому по самому, какой же дворянинъ не будетъ на васъ въ претензіи? Люди вы молодые, дворяне, а сами надѣли какую-то хохлацкую рубаху и, окромѣ плотниковъ да мужиковъ, ни съ кѣмъ компаніи не водите. Нѣтъ-съ, это не такъ дѣлается, а вотъ какъ. Попросили бы вы папашу тарантасикъ заложить, да и объѣхали бы съ ними господъ всѣхъ. Познакомились бы съ господами, съ барышнями, съ барынями; съ нѣкоторыми, которые къ водкѣ пристрастіе имѣютъ, выкушали бы рюмочки по двѣ, а то и по три — вотъ тогда про васъ никто на единаго дурнаго слова не сказалъ бы, и всѣ бы васъ полюбили. А теперь за что же любить-то

васъ? Ужь не за то-ли, что вы со всякой сволочью болтаете? Гмъ! была нужда!

Все это кончилось тѣмъ, что Борису Дмитричу волей-неволей пришлось дать отцу слово объѣхать вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Однако, разсказанное Бутенкой все-таки сильно растревожило Дмитрія Иваныча, и онъ, не забывая глагола «пошаливаютъ», невольно сталъ поглядывать за сыномъ. Иногда, ночью, подкрадывался тихонько къ окну Бориса Дмитрича, смотрѣлъ чѣмъ именно сынъ занимался, и если видѣлъ его читавшимъ, то старался замѣтить обертку и форматъ книги, а утромъ, когда сынъ уходилъ, спѣшилъ къ нему въ кабинетъ, находилъ книгу и внимательно ее просматривалъ. То же самое продѣлывалъ онъ и тогда, когда замѣчалъ, что сынъ писалъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Дмитрій Иванычъ убѣждался, что ничего подозрительнаго сынъ по ночамъ не дѣлалъ. Книга оказывалась всегда какою-нибудь научною, а рукопись— листомъ, исписаннымъ либо цифрами, либо чертежами. Разъ даже, когда Борисъ Дмитричъ забылъ захватить съ собою ключи отъ стола, Дмитрій Иванычъ отперъ и осмотрѣлъ

всѣ ящики, но и въ ящикахъ ничего подозрительнаго опять-таки не нашелъ. Сталъ Дмитрій Иванычъ наблюдать и за приходившимъ къ сыну народомъ, сталъ каждаго разспрашивать: зачѣмъ именно и по какому дѣлу пришелъ? но ничего особеннаго не узналъ. Одинъ говорилъ, что пришелъ землицы снять; другой — за разсчетомъ, третій, жалуясь на присаженную «килу», просилъ о лекарствѣ; словомъ, Дмитрій Иванычъ не узналъ ничего новаго и ничего такого, что носило-бы на себѣ характеръ «пошаливанья». Однако, старикъ все-таки не успокоился. Произведя въ комнатѣ сына подробный обыскъ, а равно покончивъ «повальный обыскъ» о поведеніи сына внѣ дома, онъ перенесъ свои наблюденія на техника-англичанина. Ему показалось подозрительнымъ, что англичанинъ этотъ, цѣлый день проводившій въ работѣ, почти вовсе не спалъ по ночамъ, и что почти до самаго разсвѣта въ комнатѣ его не переставала горѣть лампа. Ему показалось подозрительнымъ, что англичанинъ, какъ только наступали сумерки, что-то проносилъ тайкомъ къ себѣ во флигель и, войдя въ комнату, запиралъ за собою дверь на ключъ, а разъ

какъ-будто даже провелъ съ собой кого-то, тщательно прикрывая плащомъ. Дмитрій Иванычъ видѣлъ это очень хорошо и обомлѣлъ отъ страха. Въ ту-же ночь, проводивъ сына, онъ въ туфляхъ и въ халатѣ подкрался къ флигелю, занимаемому англичаниномъ, и сквозь щель притворенной ставни заглянулъ въ комнату; но каково же было восхищеніе Дмитрія Иваныча, когда онъ увидалъ, что англичанинъ просто-напросто привелъ къ себѣ бабу и съ бабой этой пилъ водку изъ четвертной бутыли! Послѣ этого Дмитрій Иванычъ сталъ несравненно покойнѣе, хотя все-таки продолжалъ каждаго приходившаго разспрашивать о причинѣ прихода.

Разъ какъ-то встрѣтилась ему женщина, довольно опрятно одѣтая.

— Здравствуйте, — проговорила она.

— Здравствуй, что тебѣ?

— Молодаго барина повидать надоть... гдѣ они будутъ?

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

— Нужно поговорить.

— О чемъ?

— Нужно.

— Скажи мнѣ, а я ему передамъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо самой.

— Что же, секретъ что-ли какой?

— Съ нимъ самимъ поговорить надо.

Дмитрій Иванычъ указалъ женщинѣ сына, а немного погодя увидалъ, что она передала Борису Дмитричу какую-то записку, которую, прочтя, онъ и сунулъ въ карманъ шароваръ. Далѣе онъ не видалъ ничего, но тѣмъ не менѣе достаточно было и этого, чтобы спокойствіе старика оказалось нарушеннымъ. Весь вечеръ провелъ онъ въ какой-то тревогѣ, въ какомъ-то страхѣ, и страхъ этотъ мучилъ его тѣмъ болѣе, что Борисъ Дмитричъ, какъ нарочно, весь этотъ вечеръ былъ словно чѣмъ-то обрадованъ. Старикъ не спалъ всю ночь, а утромъ, какъ только сынъ ушелъ на заводъ, онъ тотчасъ же пробрался въ его комнату, думая найти полученную сыномъ записку; но записки этой не нашелъ ни на столѣ, ни на комодѣ. Онъ готовъ уже былъ оставить комнату, какъ вдругъ увидалъ на стулѣ тѣ самые шаровары, въ которыхъ былъ вчера Борисъ Дмитричъ и въ карманъ которыхъ сунулъ записку. Записка была тамъ; онъ взялъ ее дрожавшими отъ волненія руками; но вдругъ ему сдѣлалось такъ стыдно,

что въ ту же минуту онъ снова положилъ записку на прежнее мѣсто и вышелъ вонъ изъ комнаты.—«Не хорошо, не хорошо, шепталъ онъ.—Лучше я прямо спрошу Борю, и онъ, конечно, не скроетъ отъ меня ничего!»

Съ этой цѣлью старикъ пошелъ на заводъ, но на заводѣ ему сказали, что Борисъ Дмитричъ отправился на мельницу. Дмитрій Иванычъ пошелъ на мельницу, но и на мельницѣ не засталъ сына. Старикъ вернулся на заводъ, прошелъ по всѣмъ этажамъ, но нигдѣ не найдя сына, отправился домой, думая встрѣтить его тамъ. Однако, Бориса Дмитрича не было и въ домѣ. Дмитрій Иванычъ обошелъ садъ, заглянулъ въ купальню и, нигдѣ не найдя сына, прошелъ опять въ его комнату и на этотъ разъ, не будучи въ состояніи сдержать любопытства, прочелъ записку. Въ ней значилась только слѣдующая фраза: — «Ровно въ 12 часовъ приходи въ рощу, я буду ждать тебя». Дмитрій Иванычъ поспѣшно положилъ записку на прежнее мѣсто и вышелъ въ залу. Въ залѣ часы били 12 часовъ, и обѣденный столъ былъ уже накрытъ.

— Почему же ты только одинъ приборъ поставилъ? — спросилъ онъ Архипа.

— А потому, что такъ надо.

— А Боря-то? подъ столомъ будетъ обѣдать, что-ли?

— Вы бы спросили прежде, будетъ-ли онъ дома-то обѣдать?

— Гдѣ-же?

— А я почемъ знаю!... Это надо его спросить.

Дмитрій Иванычъ тоже не сталъ обѣдать и поспѣшно вышелъ изъ дома.

XI

Между тѣмъ, въ ольшанской рощѣ, именно въ той, которая возвышалась неподалеку отъ винокуреннаго завода, подъ тѣнью одного роскошнѣйшаго дуба, сидѣли Борисъ Дмитричъ и Агаѳья Петровна.

— Я такъ объ тебѣ соскучилась, — говорила она, — такъ хотѣлось мнѣ повидать тебя, что не вытерпѣла, взяла да и накарябала тебѣ записочку. Мужъ, думаю, уѣхалъ, а безъ мужа жена вольная птица, лети себѣ куда хочешь, лишь бы люди не видали, да крыльевъ не обрѣзали.

— Такъ мужъ узналъ, какъ ты обнимала меня? — спросилъ Борисъ Дмитричъ, выпуская изо рта струйку сигарнаго дыма.

— Узналъ.

— Не билъ?

— Нѣтъ, не билъ! «Теперь, говоритъ, покуда еще не за что, а вотъ ежели, говоритъ, дальше пойдетъ, тогда не прогнѣвайся. Бить, говоритъ, тебя не стану, а ужь натѣшусь вволю, да и милому-то твоему не сдобровать!» Охъ, и сердитъ онъ только на тебя! слышать объ тебѣ не можетъ! «Счастье, говоритъ, его, что я въ тѣ поры пьяный заснулъ, что ничего этого не видалъ!...» А я думаю себѣ, кабы ты не спалъ-то, такъ и не было-бы ничего! Боялась я за тебя, особливо когда ты съ нимъ въ городъ поѣхалъ... Ну, думаю, быть бѣдѣ; да нѣтъ, видно кучера твоего побоялся! Вѣдь онъ какой у меня? вѣдь звѣрь онъ дикій! Вѣдь только за одну за его красоту и пошла за него... А кабы не красота, такъ и не видать-бы ему меня, какъ ушей своихъ...

И, посмотрѣвъ на Бориса Дмитрича, она вдругъ захохотала.

— Что, испугался! — почти вскрикнула

она. — Ага, небось! Блудливъ, какъ кошка, а труслив, какъ заяцъ. Вотъ оно какъ за чужими-то женами ухаживать...

И потомъ вдругъ, ласкаясь и перемѣнивъ тонъ, прибавила:

— Не бойся! Вѣдь я тоже не плохенькая, не дѣвочка какая... Всё это быльемъ поросло. Ходи смѣло. Теперь опять по-старому пошло, потому въ ногахъ валялся, прощенья просилъ...

— Кто?

— Извѣстно кто. Кто обидѣлъ, тотъ и въ ногахъ валяться долженъ. Правому человѣку нечего прощенья просить.

— Я все-таки не понимаю. Кто валялся-то? Мужъ или учитель?

Агаѳья Петровна опять захохотала.

— Учитель! — подхватила она. — Нѣтъ, ужь учителя-то я проучила... шабашъ, будетъ! Я вѣдь тоже грамоту эту смыслю. Ужь нѣтъ его у насъ, учителя-то.

— Какъ такъ?

— Да такъ и нѣтъ. Коли хозяинъ не захочетъ кого въ домѣ держать, такъ извѣстно уходить надо. Не захотѣлъ мой Коська, чтобы жилъ у него въ домѣ учитель, взялъ да и спустилъ его съ лѣст-

ницы! Извѣстное дѣло, какому же мужу пріятно, коли живущіе въ домѣ къ его женѣ приставать начнутъ, да въ любви объясняться, на колѣна падать, да женины руки и ноги цѣловать? Всякій мужъ обидится!

— Ужь не ты-ли подвела все это?

— Какже я подведу!...

— Небось сама же обошла человѣка, заставила его руки, ноги цѣловать да и мужа предупредила. Приходи-ка, молъ, посмотрѣть, какому человѣку ты вѣру даешь! Ну, говори: такъ, что-ли?

Но Агаѳья Петровна только хохотомъ заливалась.

— Ахъ, бѣдненькій! — проговорила она наконецъ. — И жалко только было смотрѣть на него. Только-было разошелся человѣкъ, анъ вдругъ мужъ... да мужъ-то какой? Высокій, плечистый, сильный, съ стиснутыми кулаками!... Такъ онъ, бѣдненькій, и скукóжился! Вотъ этакъ-то, говорятъ, съ круговой уточкой селезней стрѣляютъ. Привяжутъ уточку на ниточку, неподалеку отъ шалашика, уточка и покрякиваетъ, да селезней подманиваетъ. Налетитъ какой побойчѣе, затрепещетъ перуш-

ками, начнетъ на уточку-то падать, а изъ шалашика «бацъ!» и нѣтъ селезня голоднаго! Такъ-то и тутъ. Только было затрепеталъ перушками, а тутъ вдругъ двери распахнулись, а въ дверяхъ-то мужъ... Онъ, бѣдненькій, только ножками задрыгалъ!...

И потомъ вдругъ, ударивъ по плечу Бориса Дмитрича, она прибавила:

— Такъ-то, желанный мой! А все изъ-за тебя...

— Напрасно.

— Нѣтъ, не напрасно! Теперь смѣло ходи, все обдѣлано...

— Какъ же ты изъ дома-то ушла?

— Такъ и ушла, какъ люди ходятъ! Взяла кузовокъ, позвала съ собой стряпуху, что вчера къ тебѣ съ запиской приходила, и маршъ по грибы. Тоже вѣдь и безъ грибовъ нельзя... Мужъ такой до нихъ охотникъ, что надо же для него постараться, да и я-то готова за ними по цѣлымъ днямъ шататься.

— А гдѣ-же стряпуха-то? — спросилъ Борисъ Дмитричъ

— Тамъ на опушкѣ, на солнышкѣ грѣется... здѣсь въ лѣсу-то сыро, холодно.

— А если она разболтаетъ?

— Что за грибами-то ходили?

— Ты все шутишь, Агаша, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ, взявъ ее за руку. — А мнѣ, право, не до шутокъ.

— Такъ что-жь? Коли не до шутокъ, ну, плакать давай...

— И плакать некогда.

— Извѣстно некогда. Дѣловъ много очень.

— Именно много. Когда тутъ шутить или плакать, когда я на тебя гляжу и не нагляжуся! Вѣдь я тоже тосковалъ о тебѣ, мучился...

— Охъ, ужь! — перебила его Агаѳья Петровна: — мученикъ! по всему видно!

— Что-жь, не вѣришь?

— Еще-бы не повѣрить! нѣтъ, которые мучаются-то, тѣ по-иному дѣлаютъ.

— Какъ-же, по-иному?

— Мало-ли какъ! Вотъ какъ-то книжку я читала, — забыла ужь какъ называлась она, — вотъ тамъ, такъ ужь точно, что человѣкъ мучался. Пропала тоже у него милая, такъ онъ ради нея весь свѣтъ объѣздилъ, въ аду побывалъ, съ чертями дрался и, наконецъ, разыскалъ-таки на какомъ-то океанѣ, на островѣ на буянѣ... Вотъ это такъ любилъ человѣкъ!

— Эхъ, Агаша! это только въ сказкахъ говорится, а любить можно и по-другому.

— А знаешь, что мнѣ въ голову пришло?— перебила его Агаѳья Петровна: — хочешь, я мужа брошу, да къ тебѣ въ Ольшанку жить переѣду?...

— Что ты, Господь съ тобой!...

— Эхъ, какъ отлично было-бы! Зажили бы мы съ тобой, завели-бы тройку хорошую, да на тройкѣ-то этой съ бубенцами да съ колокольцами мимо мужнинаго дома катались. Я бы правила, а ты-бы сидѣлъ, обнявшись со мной! А мужъ-то-бы у окна стоялъ, да терзался-бы, глядя на насъ. Мы бы его извели, онъ недолго-бы натерпѣлъ! Высохъ-бы... въ недѣлю-бы высохъ... Вотъ это такъ житье!...

— Нѣтъ, ужь этому не бывать!

— А ты думалъ, я и въ самомъ дѣлѣ правду говорю!

— Тебя развѣ разберешь?

— Я только тебя попытать хотѣла... А вотъ учитель... онъ бы на это пошелъ... Онъ бы радъ-радешенекъ былъ. Онъ бы вотъ какъ счастливъ былъ, что, ради одного только дня такого, всю-бы мнѣ жизнь свою отдалъ! Ахъ, и сдѣлала-бы я это, да

ужь очень онъ замухрышка, шаршавый, да черный, не то, что ты...

И, проговоривъ это, Агаѳья Петровна незамѣтно обняла Бориса Дмитрича и, положивъ его голову къ себѣ на грудь, начала играть его волосами. Водворилось молчанiе. Минутъ чрезъ десять, однако, оба были уже на ногахъ. Борисъ Дмитричъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, и, все еще держа въ своихъ рукахъ руку Агаѳьи Петровны, онъ какъ-то сурово смотрѣлъ на нее.

— Нечего смотрѣть-то!—говорила она.— Не умѣлъ брать, когда сама въ руки давалась, испугался, что народъ взбулгачу, что караулъ кричать начну... Ну, а теперь простись, не поймаешь! Выпустилъ птичку изъ западбчка, такъ ужь искать негдѣ... поминай, какъ звали!

— Зачѣмъ-же ты пришла сюда?

Агаѳья Петровна захохотала.

— Извѣстно зачѣмъ въ лѣсъ съ кузовками ходятъ? Либо за грибами, либо за ягодами.

— А меня зачѣмъ вызвала?

— Думала, что помогать будешь; а у тебя, замѣсто того, вонъ что въ головѣ-то!

— Слушай, Агаша! — почти вскрикнулъ

Борисъ Дмитричъ: — ты лжешь! Ты все прибаутничаешь! Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ нужна только такая любовь, чтобы мужа бросить, да въ глазахъ его съ любовникомъ на тройкахъ кататься?

— Что-жь, развѣ плохо? Любить, такъ любить... а такъ-то любить, какъ ты-то хочешь, тайкомъ да обманомъ... ныньче въ лѣсу, завтра въ конопляхъ, а потомъ къ мужу въ гости завернуть, чайку съ нимъ попить, поужинать, да на прощанье, крадучись въ темныхъ сѣняхъ, жену расцѣловать... Нѣтъ, я такъ любить не хочу! Коли любить, такъ ужь любить! чтобы всѣ знали, всѣ видѣли, чтобы всѣ ругали да всѣ завидовали, чтобы мужъ ночей не спалъ, покоя себѣ не имѣлъ, чтобы сохъ отъ тоски, чтобы руки наложилъ на себя... Вотъ какъ!

— Откуда это ты вышла такая?

— Такая ужь на свѣтъ зародилась.

— Ужь не баринъ-ли тотъ...

— Ты мнѣ про барина не говори! — вскричала вдругъ Агаѳья Петровна и, откинувъ назадъ волосы, прибавила: — я бы съ нимъ теперь совладала, я бы теперь показала ему когти. Молода я тогда была, ребенокъ

совсѣмъ, ну а теперь-бы онъ не бросилъ меня... Нѣтъ, шалишь!

И потомъ, вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросила:

— А ты и повѣрилъ?

— Да, теперь я вѣрю... учитель говорилъ правду, что «ты только цѣпи налагаешь, а сама цѣпей не носишь!»

Агаѳья Петровна засмѣялась даже.

— Что я, арестантка, что-ли, въ цѣпяхъ-то ходить! — проговорила она. — Я еще никого не задушила, не зарѣзала... къ тебѣ сюда не изъ острога убѣжала, а изъ собственнаго дома пришла!

— Перестань, ради Бога...

— Ахъ ты, мой милый!—говорила Агаѳья Петровна, положивъ красивыя руки свои на плечи Бориса Дмитрича и смотря ему прямо въ глаза большущими карими глазами своими. — Красивый ты, заглядѣться на тебя можно... а любить не умѣешь!

И, притянувъ къ себѣ Бориса, она обняла его и поцѣловала.

— Нѣтъ, это невозможно! — вскрикнулъ Борисъ Дмитричъ и схватилъ было Агаѳью Петровну, но она мгновенно высвободилась изъ рукъ его.

— Что-жь, — вскрикнула она: — силой что-ли хочешь? Стыдно... Вѣдь ты съ людьми, а не со звѣрьми живешь!...

У Бориса Дмитрича даже руки опустились.

— Лучше простимся, — проговорила Агаѳья Петровна.

— Прощай.

— Что-же ты такъ прощаешься-то? Нешто такъ прощаются?

И она снова обняла Бориса и снова, крѣпко прижавъ его къ себѣ, осыпала поцѣлуями.

— Смотри, приходи!

— Зачѣмъ, къ чему? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Извѣстно зачѣмъ! въ гости.

— Не знаю, врядъ-ли.

— Придешь, небось!

— Ты думаешь?

— Чего тутъ думать-то! дѣло извѣстное...

— А если неизвѣстное? Если не приду?

— Нѣтъ, ужь пьяница мимо кабака не пройдетъ! Завернетъ да завернетъ! А коли не придешь, такъ тебѣ же хуже будетъ.

И, проговоривъ это, она еще разъ по-

цѣловала Бориса Дмитрича и, отбѣжавъ отъ него, принялась кричать:

— Ау, ау, Матреша, ау!

Только сучья затрещали подъ ногами бросившейся Агаѳьи Петровны, да поднялась стая грачей, испуганная ея бѣгомъ. Наконецъ, крики «ау!» стали отдаляться все дальше и дальше, а немного погодя и совсѣмъ замолкли.

Борисъ Дмитричъ возвратился домой въ четвертомъ часу. Дмитрій Иванычъ, почему-то довольный и счастливый, пилъ чай.

— Ты не обѣдалъ? — спросилъ онъ сына.

— Нѣтъ, я ѣсть не хочу.

— Такъ не хочешь-ли чаю?

— Чаю выпью.

Они вмѣстѣ напились чаю, а потомъ, когда Борисъ Дмитричъ ушелъ на заводъ, старикъ Кургановъ проговорилъ, потирая руки:

— Ну, на подобныя шалости не стóитъ обращать и вниманія!...

И, совершенно успокоившись относительно благонадежности сына, онъ забылъ и трактирщика, и его выраженіе

«пошаливаютъ», и ни слова не сказалъ сыну, что, лежа подъ кустомъ орѣшника, былъ свидѣтелемъ всего происходившаго въ лѣсу.

XII

СВИДАНЬЕМЪ съ Агаѳьей Петровной Борисъ Дмитричъ остался недоволенъ, хотя и сознавалъ, что женщина эта была отчасти и права. Тѣмъ не менѣе, онъ словно дулся на нее, называлъ ее мужичкой и всячески старался объ ней не думать. Старанія эти оставались, однако, тщетными, и Борисъ Дмитричъ, хотя и съ досадой, а все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и вспоминалъ объ ней. Онъ словно былъ опьяненъ ея образомъ, ея рѣчью, ея страстными поцѣлуями, и, подъ вліяніемъ этого опьяненія, какая-то невидимая сила влекла его къ ней. Вотъ почему Борисъ

Дмитричъ даже обрадовался, когда черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго свиданія сошлось нѣсколько праздниковъ, во время которыхъ онъ могъ свободно совершить предположенное путешествіе по сосѣдямъ. Онъ думалъ, что путешествіе это разсѣетъ его, что поможетъ ему забыть это ненавистное для него свиданіе. Еще наканунѣ наступленія этихъ праздниковъ, онъ объявилъ отцу, что не худо бы завтра пуститься въ путь и объѣхать всѣхъ тѣхъ, кого слѣдовало. Старикъ былъ въ восторгѣ, и на другой же день, часовъ въ шесть утра, они отправились въ путь. Утро было превосходное, и Борисъ Дмитричъ съ юношескимъ восторгомъ восхищался и этимъ утромъ, и тѣми мѣстностями, по которымъ пришлось имъ проѣзжать.

Мѣста эти были почти всѣ знакомы Борису Дмитричу. Еще ребенкомъ, онъ исколесилъ ихъ вдоль и поперекъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, благодаря наплыву воспоминаній, онъ смотрѣлъ на все съ какою-то особенною любовію. Ему были знакомы и эти волнообразныя синія горы, тянувшіяся по горизонту, и эти небольшія рощицы, здѣсь и тамъ возвышавшіяся по

зеленымъ коврамъ заливныхъ луговъ, и эти жалкія вѣтрянки съ поломанными крыльями и скрипящими снастями, и эти курганы съ ихъ кровавыми легендами о разбойничьихъ подвигахъ, о Зеленцовыхъ, Буданахъ, Пугачевѣ и Разинѣ, и эти необозримыя поля, словно слившіяся съ лазурью неба. Вотъ эта деревушка — Дубовая; вотъ эта церковь, сіяющая своимъ крестомъ изъ-за зелени ветелъ, — церковь села Крутца; вонъ та мельница, которая торопливо вертитъ своими крыльями,—Грачевская. Вотъ здѣсь, на этомъ хуторѣ, онъ съ покойной матерью своею лечилъ какую-то старуху, и старуха впослѣдствіи подарила ему цѣлую чашку яицъ; вонъ на томъ озерѣ онъ убилъ когда-то кулика. Глядя на все это, Борисъ Дмитричъ едва поспѣвалъ припоминать минувшее. Дмитрій Иванычъ, убаюканный качкою тарантаса, не замедлилъ заснуть. Опустивъ голову на грудь и тыкаясь носомъ въ бархатный воротникъ шинели, онъ тихо похрапывалъ, между тѣмъ какъ Борисъ Дмитричъ не сводилъ глазъ съ пробѣгавшихъ мимо его окрестностей. Тарантасъ то поднимался на горы, то спускался въ лощины, то скрипѣлъ и трещалъ по лѣснымъ

дорогамъ, изрытымъ колеями и выбоинами, то, выбравшись въ степь, катился по степнымъ дорогамъ, словно по паркету. Какой-то гулъ шелъ отъ колесъ, и гулъ этотъ, сливаясь съ топотомъ лошадей, далеко разносился по степи. Взбираясь на горы, Борисъ Дмитричъ видѣлъ вокругъ еще болѣе роскошныя картины. Онъ разомъ охватывалъ взоромъ громадное пространство, и на пространствѣ этомъ здѣсь и тамъ виднѣлись села съ бѣлѣвшими церквами, деревни, опушенныя сѣроватой зеленью ветелъ, красныя крыши крупчатокъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ аспидамъ и паукамъ. Здѣсь и тамъ бѣжали дорожки, соединяя эти села, деревни и крупчатки; дорожки эти то терялись въ волновавшихся хлѣбомъ поляхъ, то снова выбѣгали на луга и выгоны. Тамъ горѣло зеркало рѣки, здѣсь желтѣлъ песчаный обрывъ ея берега. Издали села казались невѣсть какими роскошными; все въ нихъ было: и церковь, и нѣсколько крышъ желѣзныхъ, и десятки вѣтряныхъ мельницъ, но едва тарантасъ въѣзжалъ въ улицу села, какъ картина словно измѣнялась, и Борисъ Дмитричъ видѣлъ, что церковь стоитъ съ избитой штукатуркой, съ обва-

лившейся оградой; что желѣзныя крыши покрываютъ лишь кабакъ, лавку да домъ лавочника, а вѣтряныя мельницы врядъ-ли и молоть-то могли. Тяжелое чувство овладѣвало тогда Борисомъ Дмитричемъ. Раззоренье такъ и било ему въ глаза. Избы гнилыя. перекошенныя, съ крохотными грязными окнами, съ полураскрытыми соломенными кровлями; дворъ неогороженный, весь на виду, а на дворѣ этомъ хоть шаромъ покати. Улицы грязныя, скучныя, зловонныя; только площади, на которыхъ возвышались облупленныя церкви, имѣли нѣсколько опрятный видъ. Онъ видѣлъ на площадяхъ этихъ домà причта, съ полисадничками передъ окнами, видѣлъ кабакъ съ вѣчно-растрепаннымъ флагомъ, видѣлъ лавочку, трактиръ, сарай съ недѣйствующими пожарными насосами и разсохшимися бочками и рѣдко, очень рѣдко встрѣчалъ школу. Переѣзжая по мостамъ и гатямъ, онъ успѣлъ замѣтить, что мосты эти — съ подгнившими сваями, безъ перилъ и съ дырами, въ которыя могъ провалиться человѣкъ; а гати и дамбы — истинное бѣдствіе окрестнаго населенія: и ѣздить-то по нимъ невозможно, и содержать-то надо. Бываетъ

время, что сотни людей и лошадей на этихъ гатяхъ работаютъ, хворостъ и навозъ валятъ горами, а пройдетъ недѣля, и опять нѣтъ ни прохода, ни проѣзда.

Видѣлъ Борисъ Дмитричъ, какъ русскія деревни горятъ. Деревня пылала и трещала соломенными кровлями и сухими плетнями; пламя ревѣло, черный дымъ заслонялъ солнце, и ревъ пожара сливался съ ревомъ населенія. Бабы, съ иконами въ рукахъ, съ крикомъ и воплемъ спѣшили обѣгать свои гнѣзда; прискакалъ «батюшка» со святой водой, но традиціонный красный пѣтухъ хлопалъ своими огненными крыльями и бѣжалъ съ одной крыши на другую. Спасенья не было. Ни урядникъ, колотившій народъ нагайкой, ни сотникъ, колотившій народъ бадикомъ, ни старшина со своею площадною бранью, ничто не помогало. Пѣтухъ пожиралъ одну избу за другою, одинъ дворъ за другимъ. Онъ не пожалѣлъ даже старика безногаго, двухъ-трехъ ребятъ малыхъ, собаки цѣпной и все слопалъ. «Воды! воды!» раздавалось повсюду, но вода сквозь разсохшіяся бочки текла какъ въ рѣшето, а пожарные насосы не дѣйствовали. Ни щитовъ, ни багровъ, ни

лѣстницъ, ни топоровъ — ничего не было! И, прислушиваясь къ треску пламени, Борису Дмитричу вдругъ почему-то словно почудился скрипъ перьевъ, слышанный имъ въ городѣ. Словно сотни циркуляровъ писались сотнями писцовъ.

При видѣ этого пожара Борисъ Дмитричъ даже отца разбудилъ.

— Смотри, адъ какой! — вскрикнулъ онъ.

Дмитрій Иванычъ только ахнулъ и руками всплеснулъ.

А недѣли черезъ двѣ въ мѣстной газетѣ было напечатано: «Такого-то числа, при сильномъ вѣтрѣ, сгорѣла до тла деревня Деруновка; въ томъ числѣ старикъ и трое дѣтей. Причина пожара — лопнувшій боровъ.» Корреспонденцію эту авторъ закончилъ слѣдующей остротой: «Столько *свиней*, и не могли усмотрѣть за однимъ *боровомъ!*»

Видѣлъ Борисъ Дмитричъ и нѣсколько барскихъ усадебъ. Усадьбы эти или имѣли видъ дворцовъ съ террасами, балконами, башнями и парками, или же представляли собою швейцарскія шалэ. Но, увы! усадьбы были пусты и замѣтно приходили въ разрушеніе. Владѣльцы, даже и на лѣтнее

время, не заглядывали въ эти поэтическія гнѣзда и, поручивъ имѣнія свои управляющимъ, служили украшеніемъ гвардіи. «Все тамъ, все тамъ, думалъ Борисъ Дмитричъ:— а здѣсь никого!» Проѣхалъ онъ и мимо двухъ-трехъ купеческихъ имѣній. Тамъ картина была иная: дворцовъ, парковъ и шалэ не замѣчалось, за то все словно было сбито изъ чугуна и камня. Молотильные сараи съ паровыми машинами, хлѣбные магазины, овчарни, крупчатки, крупорушки, все это было построено прочно и основательно. Все было крыто желѣзомъ, выкрашено прочной краской, и самъ хозяинъ, въ поддевкѣ и длинныхъ сапогахъ, неутомимо наблюдалъ за всѣмъ. Хозяинъ этотъ когда-то самъ былъ мужикомъ, а теперь ворочалъ милліонами. Ему дѣла не было ни до земства, ни до народа, ни до политики; онъ слѣдилъ только за колебаніемъ валюты и валюту эту понималъ до тонкости. Онъ и посѣвы громадные дѣлалъ, и гуртами торговалъ. Онъ и сукно ставилъ для гвардіи, и продовольствовалъ могущественную и побѣдоносную армію.

А между тѣмъ, лошади все трусили и трусили. Много селъ, деревень, луговъ и

полей проѣхали наши путешественники, а Борисъ Дмитричъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Все встрѣчавшееся словно не нравилось ему. Поля были плохо воздѣланы, какъ-то наскоро, кое-какъ, плохо распаханы, плохо заборонованы, плохо засѣяны. Удобренія онъ не видалъ нигдѣ, за то видѣлъ повсюду, что изъ навоза дѣлаютъ кизяки. Цѣлыя улицы кизяковъ окружали села и деревни, и все это сожигалось зимой. Проѣзжая по лугамъ, онъ видѣлъ, что луга эти покрывались сорными, негодными травами: то хрѣнъ на нихъ росъ, то конскій щавель. Иногда луга на цѣлыя версты заполонялись кустарниками «божьяго дерева», либо кустами жимолости и тальника, либо зловонными болотами и трясиной. Проѣзжая по вырубленнымъ лѣсамъ, онъ видѣлъ, какъ высокіе пни, словно улья пчелиные, торчали и гнили безплодно. Точно не было рукъ человѣческихъ, которыя выворотили-бы ихъ, употребили въ дѣло и затѣмъ разработали-бы почву. Неумѣлость «темнаго, безграмотнаго человѣка» проглядывала повсюду. Темному люду этому не помогла ни эмансипація, ни даже импульсъ войны. И вспомнилась ему тогда

иная страна, иныя поля, иные луга и лѣса, иныя села и деревни, иной народъ, «грамотный», живущій не въ землянкахъ и курныхъ избахъ, а въ чистыхъ, опрятныхъ домикахъ, питающійся мясомъ, а не рѣдькой...

Вдругъ подъ тарантасомъ что-то хрустнуло, затрещало, загремѣло, тарантасъ кувырнулся, поднялось облако пыли, полетѣли бревна, подушки, лошади, и путешественники наши очутились на днѣ болота...

— Ой! — раздался голосъ Дмитрія Иваныча.

— Ой! — стоналъ кучеръ.

Борисъ Дмитричъ опомнился первый и, сбросивъ кучу навалившейся на него соломы, вскочилъ на ноги. Онъ поднялъ отца и въ ту же минуту услыхалъ сверху чей-то громкій, хриплый голосъ.

— Что?—кричалъ кто-то. – Мостъ пррровалился!

Борисъ Дмитричъ оглянулся по направленію голоса и не безъ радости увидалъ на самомъ краю крутаго берега какого-то верховаго, съ длинными усами, краснымъ носомъ, одѣтаго въ венгерку, съ кинжаломъ

у пояса и окруженнаго цѣлой стаей борзыхъ собакъ.

— Помогите! — крикнулъ Борисъ Дмитричъ.

— Могу-съ! Мммогу-съ! — прогремѣлъ всадникъ.

И вдругъ, обернувшись назадъ, свиснулъ и закричалъ:

— Пррррошка! Грррришка! сюда, живо!.. Всѣ сюда!...

Въ одну минуту на крикъ слетѣлось нѣсколько верховыхъ, всѣ соскочили съ лошадей и посыпались на дно оврага.

Господинъ въ венгеркѣ былъ никто иной, какъ Бурьяновъ, тотъ самый помѣщикъ, съ котораго должны были начаться визиты нашихъ путешественниковъ, и возлѣ усадьбы котораго случилась описанная катастрофа. Катастрофа эта не имѣла, однако, никакихъ важныхъ послѣдствій. Какъ ни было страшно крушеніе, однако дѣло ограничилось только незначительными ушибами, царапинами, порчей сбруи и поломкой тарантаса. Увидавъ Дмитрія Иваныча и узнавъ въ молодомъ человѣкѣ Бориса Дмирича, Бурьяновъ принялся за дѣло съ такой энергіей, что минутъ черезъ десять

и люди, и лошади, и тарантасъ, и подушки и чемоданы, — все было уже вытащено на берегъ.

— Ррррракаліи! — гремѣлъ Бурьяновъ на всю окрестность: — и это «обчество» называется! моста не могутъ порядочнаго сдѣлать! Вотъ я имъ задамъ! Я имъ задамъ!...

Такъ какъ тарантасъ къ дальнѣйшему слѣдованію оказался негоднымъ, ибо ось была переломана пополамъ, то Бурьяновъ въ ту же минуту приказалъ своимъ охотникамъ скакать въ усадьбу, прислать тарантасъ и объявить барынѣ, чтобы она приготовилась встрѣчать дорогихъ гостей. Охотники вскочили на лошадей, вскрикнули, взвизгнули и, какъ пули, полетѣли по направленію къ виднѣвшейся усадьбѣ Бурьянова.

Но тутъ произошла еще одна, совершенно неожиданная сцена. Подъѣхалъ какой-то мужикъ въ тележенкѣ и, увидавъ, что мостъ сломанъ, объѣхалъ его въ бродъ; но только-что выбрался онъ на берегъ, какъ Бурьяновъ въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ нему, стащилъ его съ телеги и, ухвативъ одной рукой за шиворотъ, принялся другою лупить его нагайкой.

— Гдѣ мостъ! Что мостъ! — кричалъ онъ неистово: — гдѣ онъ? говори, гдѣ онъ?...

Мужикъ взвылъ о помощи, и только тогда, когда разъяснилось, что проѣзжавшій мужикъ совершенно не принадлежитъ къ тому обществу, на обязанности котораго лежала эта «натуральная повинность», Бурьяновъ отшвырнулъ его отъ себя и приказалъ ему ѣхать «съ Богомъ!».

Немного погодя, примчался тарантасъ. Бурьяновъ вскочилъ на козлы, забралъ возжи и, пригласивъ гостей садиться, помчалъ ихъ въ усадьбу.

Борисъ Дмитричъ былъ не въ духѣ; но тяжелое расположеніе это не замедлило исчезнуть, когда онъ узналъ въ женѣ Бурьянова прежнюю свою «пассію», Марью Семеновну Канищеву. Для него это было совершеннымъ сюрпризомъ, такъ какъ онъ и не подозрѣвалъ, что Машенька Канищева вышла замужъ за Бурьянова. Машенька вспыхнула при видѣ Бориса Дмитрича; но смущеніе это, никѣмъ не замѣченное, не замедлило перейти въ веселую болтовню и въ цѣлый рядъ воспоминаній прожитаго прошлаго... Самъ Бурьяновъ разсыпался въ любезностяхъ. Передавъ женѣ со всѣми

подробностями приключеніе на мосту или, скорѣе, подъ мостомъ, онъ принялся изливать передъ Борисомъ Дмитричемъ свои чувства и ту радость, которую онъ ощущаетъ при видѣ его окончившимъ, наконецъ, «длинный путь умственнаго и нравственнаго развитія». Онъ вспомнилъ при этомъ тотъ корпусъ, въ которомъ когда-то обучался самъ, провелъ параллель между прежнимъ и настоящимъ методомъ образованія и воспитанія, слегка слиберальничалъ и, словно изъ кадушки, высыпалъ цѣлый рядъ умозаключеній. Онъ высказалъ свой восторгъ, что Борисъ Дмитричъ порѣшилъ заняться хозяйствомъ, поселиться въ деревнѣ и сдѣлаться, такъ сказать, членомъ ихъ семьи. Онъ жаловался на малочисленность этой семьи, высказалъ сожалѣніе, что большинство землевладѣльцевъ, а главное, землевладѣльцевъ образованныхъ, не живетъ въ деревнѣ, относится къ ней съ пренебреженіемъ и тѣмъ самымъ наноситъ вредъ не только собственному своему благосостоянію, но и благосостоянію всего края. Онъ прямо высказалъ, что, вслѣдствіе такого ложнаго взгляда на вещи у нихъ нѣтъ ни хозяевъ, ни земскихъ дѣятелей,

ни общественныхъ, которые были-бы въ состоянiи «двинуть» впередъ дѣло и поставить его на ту почву, на которой оно должно было бы стоять. Высыпавъ передъ Борисомъ Дмитричемъ весь этотъ запасъ, онъ пригласилъ выпить и закусить, выпилъ самъ чуть не весь графинъ водки, прихватилъ при этомъ, нѣсколько сортовъ наливки и, подкрѣпившись, принялся уже за Дмитрiя Иваныча, предоставивъ молодаго человѣка въ полное распоряженiе жены. Бурьяновъ былъ страстный псовый охотникъ и мелкiй коннозаводчикъ, и потому тотчасъ-же послѣ закуски сдѣлалъ Дмитрiю Иванычу генеральную выводку лошадей, объяснялъ родословную каждой лошади, высокое качество кровей, цѣнность или скорѣе неоцѣненность лошади, а покончивъ съ лошадьми, напустилъ въ комнаты цѣлую стаю собакъ, борзыхъ и гончихъ, такъ что въ комнатѣ нельзя было повернуться, не наступивъ на собачiй хвостъ или на ногу. Воспользовавшись этимъ случаемъ, госпожа Бурьянова пригласила Бориса Дмитрича въ садъ; и тамъ, гуляя по тѣнистымъ липовымъ аллеямъ, они шутили и смѣялись надъ прошлымъ. Бурьяновъ былъ въ восторгѣ, что

гости волей-неволей должны были провести у него не только цѣлый день, но даже и ночь. Онъ угостилъ ихъ прекраснымъ обѣдомъ, послѣ обѣда приказалъ подать коньяку и кончилъ тѣмъ, что къ вечеру напился, ушелъ въ кабинетъ, упалъ на диванъ и проспалъ всю ночь. Въ другое время «Машенька» непремѣнно-бы сконфузилась, но на этотъ разъ она только посмѣялась надъ мужемъ, потеребила его соннаго слегка за ухо, назвала «шалуномъ» и пригрозила завтра-же «шалуна» этого поставить въ уголъ на колѣна. Затѣмъ «Машенька» послала за попомъ и, усадивъ «батюшку» и Дмитрія Иваныча за шашки, предложила Борису Дмитричу пройтись по саду.

Въ саду они пробыли-бы, вѣроятно, очень долго, если-бы часовъ въ одиннадцать вечера къ подъѣзду дома не подкатилъ чей-то экипажъ. Пріѣхавшимъ оказался становой Панталоновъ. Съ легкостію мотылька и съ улыбкою, выражающею полнѣйшее удовольствіе, онъ подлетѣлъ къ хозяйкѣ дома, брякнулъ шпорами, поцѣловалъ ручку, поднесъ коробку съ конфектами и, поздоровавшись съ остальными гостями, разсыпался въ любезностяхъ. Въ нѣсколько ми-

нутъ онъ передалъ госпожѣ Бурьяновой всѣ новости послѣднихъ дней, разсказалъ гдѣ былъ, что ѣлъ, пилъ и видѣлъ; разсказалъ про ревизію губернатора, назвалъ его «молодцомъ», выразилъ свое мнѣніе, что «человѣкъ этотъ пойдетъ далеко» и, извинившись передъ Борисомъ Дмитричемъ, что до сихъ поръ не былъ у него съ визитомъ, приписалъ эту невѣжливость единственно множеству дѣлъ и неимѣнію минуты свободнаго времени. Узнавъ, что хозяинъ дома захворалъ и спитъ въ кабинетѣ, Панталоновъ навѣстилъ больнаго, поцѣловалъ его въ лобъ, перекрестилъ и, накрывъ халатомъ, поспѣшилъ на приглашеніе хозяйки выпить водки. Выпить водки Панталоновъ былъ не-прочь и, подскочивъ къ Борису Дмитричу, съ нѣкоторой фамильярностью взялъ его подъ-руку, подвелъ къ столу, но весьма былъ удивленъ, что Борисъ Дмитричъ водки не пьетъ. «Не нашего поля ягода», проговорилъ онъ и весьма развязно выпилъ за себя, за Бориса Дмитрича и кстати за больнаго хозяина. Послѣ ужина гостямъ были указаны ихъ комнаты, и въ домѣ все вскорѣ успокоилось.

На другой день утромъ, не дождавшись

пробужденія больнаго, а равно и пробужденія становаго Панталонова, который имѣлъ обыкновеніе спать часовъ до двѣнадцати утра, путешественники наши отправились дальше.

Въ этотъ день они успѣли побывать въ двухъ помѣщичьихъ домахъ, въ одномъ купеческомъ и къ вечеру прибыли въ домъ отставнаго генералъ-маіора Севастополева. Такъ какъ въ домѣ этомъ было изобиліе дѣвицъ, начиная съ семи и кончая тридцати-лѣтнимъ возрастомъ, а именно всего десять дочерей, то Дмитрій Иванычъ и молодой человѣкъ были встрѣчены съ распростертыми объятіями. Обнимая Бориса Дмитрича, генеральша даже прослезилась и едва могла выговорить: «Боря, наконецъ-то!» Дѣвицы были тоже весьма обрадованы появленіемъ гостей и другъ передъ другомъ осыпали ихъ всевозможными вопросами. Онѣ разспрашивали Бориса Дмитрича о Петербургѣ, объ эмансипаціи женщинъ, о женскихъ курсахъ, о нарядахъ, модахъ и проч. Но болѣе всѣхъ приставала къ Борису Дмитричу старшая дочь генерала, Калерія. Калерія эта считалась умнѣйшею, обладающею сильнымъ магнетизмомъ и одною

изъ «красныхъ» въ уѣздѣ; по крайней мѣрѣ, таковою казалась она мѣстному исправнику. Однако, вся эта «краснота» состояла въ томъ только, что Калерія стригла волосы, причесывалась по-мужски съ проборомъ на боку, носила большіе синіе очки и не стѣснялась формальностями. Калерія состояла даже подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, но такъ какъ секретъ этотъ былъ извѣстенъ всему уѣзду, то она гордилась имъ, рисовалась своимъ положеніемъ, трактовала о политическихъ процессахъ и высказывала удивленіе, что до сихъ поръ еще живетъ на свободѣ. Эмансипація эта произошла не вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ взглядовъ и политическихъ убѣжденій, а лишь потому, что Калерія, будучи обманута какимъ-то медикомъ-магнетизеромъ, случайно попавшимъ въ уѣздъ, потеряла всякую надежду выйти замужъ. Завладѣвъ Борисомъ Дмитричемъ, Калерія тотчасъ-же завела съ нимъ разговоръ о назначеніи женщинны, о ея соціальномъ и общественномъ положеніи, выкуривая при этомъ одну папиросу за другою, бросая окурки куда попало, и такъ жестоко начадила въ комнатѣ, что пришлось открыть окна.

Однако, восторгъ и радость, съ которыми семейство Севастополевыхъ встрѣтило гостей, продолжались недолго. Неистощимые на первый взглядъ разговоры и разспросы не замедлили изсякнуть, и въ домѣ водворилась такая скука, что все общество рѣшительно не знало, какъ и чѣмъ убить время. Барышни сидѣли и молчали, генеральша вздыхала и не сводила плачущихъ глазъ съ Бориса Дмитрича, и только одинъ генералъ нарушалъ тишину, выбивая по столу какой-то маршъ. Борисъ Дмитричъ заикнулся было про предстоящую сенаторскую ревизію, но генералъ только махнулъ рукой и, проговоривъ: «знаемъ мы эти ревизіи!», снова принялся за маршъ. Пресѣчь тоску ужиномъ тоже оказывалось невозможнымъ, во-первыхъ потому, что часы показывали всего еще восемь часовъ, а во-вторыхъ и потому, что ужинъ, состоявшій обыкновенно только изъ яицъ въ смятку или яичницы, картофеля во всѣхъ видахъ и творога съ молокомъ, въ виду прибывшихъ гостей, необходимо было измѣнить на болѣе сытный и изящный. Надо сказать, что генеральша, происходившая изъ остзейскихъ нѣмокъ и не имѣвшая никакого со-

стоянія, кромѣ нравственной чистоты, какъ только вышла замужъ, такъ въ ту же минуту прибрала къ рукамъ не только мужа, но и его состояніе и, сдѣлавшись полновластной хозяйкой, хозяйство это повела на нѣмецкій ладъ, скопила порядочный капиталъ и морила семью чуть не голодомъ. Вслѣдствіе этого, ничего нѣтъ удивительнаго, что для изготовленія ужина требовалось немало времени и хлопотъ, такъ какъ на ледникѣ не было мяса, и ужинъ приходилось изготовить изъ домашней птицы, которую предстояло еще поймать и зарѣзать. Сидя у расвореннаго окна, Борисъ Дмитричъ видѣлъ, какъ двѣ-три бабы бѣгали за курами, махали на нихъ руками, фартуками, подолами своихъ сарафановъ, силясь загнать въ курятникъ; но куры кудахтали, взлетали на крыши, перелетали съ одной крыши на другую и въ курятникъ не шли. Силились было поймать утокъ, но утки съ крикомъ бросились на прудъ, такъ что и на утокъ пришлось махнуть рукой. Выпалилъ было изъ-за угла кухни поваръ въ стаю голубей, но, не убивъ ни одного, пришелъ въ гнѣвъ и ушелъ въ кухню. Между тѣмъ общество продолжало

сидѣть молча, словно переживало самыя тяжкія минуты жизни, и только одинъ генералъ, какъ-бы размышляя о чемъ-то, изрѣдка восклицалъ: «Да, это такъ! Это фактъ!», хотя въ сущности онъ ни о чемъ не размышлялъ и никакого факта, кромѣ томящей скуки, на лицо не оказывалось.

Богъ знаетъ, чѣмъ-бы все это кончилось, еслибы, ко всеобщему удовольствію публики, не послышался звонъ колокольчиковъ, а вслѣдъ затѣмъ и шумъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа. Всѣ встрепенулись. Барышни повыскакали въ залу, выбѣжали въ переднюю и испустили крикъ восторга при видѣ появившагося Панталонова. Съ пріѣздомъ Панталонова все измѣнилось. Онъ преподнесъ каждой барышнѣ по коробкѣ конфектъ, генеральшѣ десятокъ апельсиновъ, а самому генералу хорошую регалію, подаренную будто-бы, на «прощанье» губернаторомъ. Общество мгновенно оживилось. Принялись играть въ фанты, въ жмурки, въ свои сосѣди, пѣли подъ аккомпаниментъ хоровыя пѣсни и, наконецъ, кончили тѣмъ, что пустились въ танцы. Началось съ кадрили. Панталоновъ пригласилъ на визави Бориса Дмитрича, дамой себѣ избралъ Ка-

лерію, уговорилъ учавствовать въ кадрили генерала и Дмитрія Иваныча, и танцы начались. Генералъ развеселился и, «отчубучивъ», какъ выразился онъ, одну кадриль, предложилъ «отчубучить» и другую, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы кадриль непремѣнно была съиграна изъ «десяти невѣстъ», какъ-бы въ пику своимъ дочерямъ. За кадрилью послѣдовали легкіе танцы, и становой Панталоновъ былъ героемъ вечера. Онъ завертѣлъ всѣхъ барышень, а «отчубучивая» съ Калеріей, такъ плотно прижималъ ее къ себѣ и такъ круто повертывалъ, что при каждомъ поворотѣ платье ея раздувалось и представляло возможность видѣть ея панталоны, украшенные прошивками и городками. Калерія была въ восторгѣ. Она болтала безъ умолку, хохотала и почти не отходила отъ угодливаго становаго.

Наконецъ, потребное количество куръ было наловлено, порѣзано и ужинъ былъ готовъ. За ужиномъ генералъ и становой выпили цѣлый графинъ водки (безъ гостей генералу водки не полагалось), а затѣмъ всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

На этотъ разъ гостямъ пришлось спать

въ одной и той-же комнатѣ, что, повидимому, весьма не понравилось Панталонову. Онъ долго вертѣлся, жаловался на духоту, на клоповъ, которыхъ совсѣмъ не было, и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что забралъ подушку, одѣяло и коверъ и, объявивъ, что идетъ спать на балконъ, вышелъ изъ комнаты. Однако, выходя, онъ старался какъ можно тише отворить дверь и какъ можно тише опять притворить ее. Уходу станового весьма обрадовался Дмитрій Иванычъ; въ ту же минуту онъ зажегъ свѣчу и, присѣвъ на диванъ, на которомъ лежалъ Борисъ Дмитричъ, принялся сообщать ему свои опасенія по поводу Панталонова, какъ видно, тоже старавшагося заручиться бóльшимъ количествомъ избирательныхъ голосовъ. Но Борисъ Дмитричъ не долго слушалъ отца, и не прошло пяти минутъ, какъ, утомленный танцами и убаюканный однообразнымъ, монотоннымъ шепотомъ отца, онъ спалъ уже самымъ сладкимъ сномъ. Старикъ перекрестилъ сына и тихонько улегся въ свою постель.

На этотъ разъ Панталоновъ предупредилъ нашихъ путешественниковъ, и когда они, проснувшись часовъ въ девять утра, стали

собираться въ дальнѣйшій путь, то становаго давнымъ-давно уже не было. Оказалось, что онъ уѣхалъ часовъ въ шесть утра. Обстоятельство это крайне не понравилось Дмитрію Иванычу, и потому домъ генерала Севастополева онъ покинулъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа.

Въ этотъ послѣдній, третій день, путешественники, по заранѣе составленному маршруту, должны были побывать у четырехъ помѣщиковъ и одного купца. Помѣщики эти были: Подмазовъ, Подлазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ, а купецъ — нѣкто Свинорылинъ. Узнавъ, что въ одинъ и тотъ же день имъ предстояло побывать въ пяти домахъ, Борисъ Дмитричъ пришелъ было въ ужасъ, но Дмитрій Иванычъ успокоилъ его, объявивъ, что Подмазовъ, Подлазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ почти «сидятъ другъ на другѣ», то есть находятся въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи, всѣ поселены на одной и той-же «вершинѣ», всѣ холосты, и потому слишкомъ задерживаться у нихъ не предстоитъ надобности; что же касается до купца Свинорылина, то такъ какъ хуторъ его стоитъ какъ-разъ на дорогѣ въ Ольшанку, то и этотъ визитъ

не можетъ служить особенной задержкой; побывать же у Свинорылина было необходимо потому, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ вліятельныхъ и горластыхъ гласныхъ, ворочающихъ по своему желанію всѣмъ земскимъ собраніемъ.

Помѣщики Подлазовъ, Подмазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ оказались, во-первыхъ, людьми самыхъ смирнѣйшихъ нравовъ, какъ-будто даже забитыми, загнанными, а во-вторыхъ, такъ походили другъ на друга, что Борисъ Дмитричъ, прибывъ отъ Подлазова къ Подмазову и встрѣтивъ послѣдняго въ залѣ, вскрикнулъ: «Какъ! ужь вы здѣсь, г. Подлазовъ!» И только тогда, когда отецъ поспѣшилъ объяснить ему, что онъ говоритъ не съ Подлазовымъ, а съ другимъ помѣщикомъ, г. Подмазовымъ, Борисъ Дмитричъ сталъ всматриваться и, всмотрѣвшись, убѣдился, что передъ нимъ стоялъ не Подлазовъ, а кто-то другой, впрочемъ, весьма похожій на него. То же самое недоразумѣніе произошло и при встрѣчахъ съ Подрѣзовымъ и Подчищаевымъ. Всѣ эти дворяне «сидѣли» дѣйствительно на одной и той же вершинѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ другъ отъ друга, имѣли совер-

шенно одинакія усадьбы, одинаковые домики, съ одинаковымъ количествомъ оконъ и печей, и даже совершенно одинакіе садики, вся растительность которыхъ состояла изъ нѣсколькихъ ветелъ и ракитъ. Бориса Дмитрича даже напугало такое поразительное сходство этихъ совершенно чужихъ другъ другу людей; но потомъ, присмотрѣвшись, онъ свыкся съ этими странными людьми, хотя все-таки никакъ не могъ разобрать, съ кѣмъ именно изъ нихъ говоритъ и у кого именно въ домѣ находится. Ему казалось, что все эго одинъ и тотъ же Подлазовъ, но только перебѣгающій изъ одного домика въ другой и называющій себя то Подмазовымъ, то Подрѣзовымъ, то Подчищаевымъ. Всѣ они были одѣты въ одинаковыя парусинныя пары, запачканныя и засаленныя, всѣ были въ грязныхъ ночныхъ сорочкахъ, всѣ, небритые, немытые, съ пухомъ въ волосахъ, садились на кончикъ стула, передъ вступленіемъ въ разговоръ откашливались, заслоняя ротъ рукою, всѣ имѣли одинаково воспаленные глаза, красные носы, усѣянные прыщами, и носы эти поминутно отирали совершенно одинаковыми синими платками. У нихъ даже мебель была

совершенно одинаковая, съ совершенно одинаковыми неудобствами, и какъ колола Бориса Дмитрича пружина, когда онъ сидѣлъ на креслѣ у Подлазова, точно такъ же колола его пружина и тогда, когда сидѣлъ онъ на креслѣ у Подмазова, Подрѣзова и Подчищаева. Всѣ эти помѣщики были холосты, но у каждаго имѣлась любовница, и любовницы эти ежегодно надѣляли своихъ пашей дѣтьми. Дѣтей у нихъ у всѣхъ тоже было по равному количеству, а именно у каждаго по пяти дочерей и по шести сыновей. Дѣти, болѣе взрослыя, служили кучерами, приказчиками, кухарками; среднія— исполняли мелкія обязанности, какъ-то: смотрѣли за птицей, пасли гусенятъ; а совсѣмъ малыя—бѣгали на свободѣ. Подлазовъ, Подмазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ жили совершенно особнякомъ, никогда ни у кого не бывали, о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, не вѣдали, ничего никогда не читали и исключительно предавались пьянству и спанью. У каждаго изъ нихъ было по триста десятинъ земли, которую они сдавали сосѣднимъ крестьянамъ въ аренду. Земля эта была предметомъ ихъ постоянныхъ заботъ и самыхъ серьезныхъ комби-

націй. Опасаясь, какъ-бы она послѣ ихъ смерти не перешла въ руки законныхъ наслѣдниковъ, они чуть не каждый мѣсяцъ писали завѣщанія, завѣщая землю то любовницамъ, то дѣтямъ, и завѣщанія эти скрывали какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ. Для составленія завѣщаній этихъ они собирались вмѣстѣ въ одинъ домъ и, отправивъ семьи подальше, садились за столъ, ставили четверть ведра водки и принимались за дѣло. Содержаніе завѣщаній они строго скрывали отъ семей; тѣмъ не менѣе, какъ только любовницы возвращались, завѣщатели важно говорили имъ: «Наша воля оформлена и, въ случаѣ пресѣченія дней нашихъ смертію, волю эту вы найдете тамъ-то и тамъ-то!»

Въ описываемый день Подлазовъ, Подмазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ были по обыкновенію «выпивши», и, при видѣ подъѣхавшаго экипажа, каждый по-очереди приходилъ сначала въ испугъ, а затѣмъ въ уныніе. Тѣмъ не менѣе, узнавъ въ одномъ изъ пріѣхавшихъ благодушнѣйшаго Дмитрія Иваныча, они ободрились и весьма радушно приняли гостей. Пріемъ этотъ у всѣхъ вышелъ одинаковымъ. Гостей вводили въ ком-

нату, сажали на диванъ, говорили о погодѣ, «просили чаемъ» и, когда гости отъ чаю отказывались, на столъ ставилась водка и закуска. Въ водочномъ графинѣ у каждаго изъ этихъ господъ плавало по нѣскольку кусковъ совершенно уже побѣлѣвшей апельсинной корки, а закуска непремѣнно состояла изъ маринованныхъ грибовъ, вяленныхъ лещей и соленыхъ огурцовъ. Съ Борисомъ Дмитричемъ дворяне разговаривали немного и, разспросивъ его, — любитъ-ли онъ охоту и какую именно: псовую или ружейную, и не думаетъ-ли жениться?—заводили разговоръ съ Дмитріемъ Иванычемъ, а немного погодя, совсѣмъ умолкали и начинали вздыхать. За то, когда гости начинали прощаться, каждый мгновенно вздрагивалъ, корчилъ плаксивую физіономію и, вынимая изъ кармана бумагу, говорилъ:

— Дмитрій Иванычъ, Борисъ Дмитричъ! мнѣ совѣстно, но будьте такъ добры... не откажите! подпишитесь пожалуйста свидѣтелями подъ этимъ духовнымъ завѣщаніемъ. Прежде я думалъ было отказать свою землицу незаконнымъ своимъ дѣтямъ, но такъ какъ у меня таковыхъ одиннадцать душъ и есть между ними малолѣтнія, то, во избѣжаніе

междоусобія, я порѣшилъ все свое состояніе, и землю, и усадьбу, а равно и всю движимость передать, послѣ моей смерти, въ полное и потомственное владѣніе той женщинѣ, которая раздѣляла мои труды... Будьте такъ добры, не откажите!...

Затѣмъ подавалась чернильница, перо, и когда «духовная» была подписана, завѣщатели мгновенно ободрялись, выпивали водки, весело потирали руками и дѣлались развязными. Каждый изъ господъ этихъ провожалъ гостей до экипажа, а выйдя въ сѣни, хваталъ Бориса Дмитрича за руку и таинственно спрашивалъ:

— Скажите, правда-ли, что у насъ скоро конституція будетъ?...

— Вотъ тебѣ разъ! — думалъ Борисъ Дмитричъ и никакъ не могъ понять: къ чему людямъ этимъ нужна была конституція?

У всѣхъ этихъ господъ путешественники «задерживались», не по-долгу, и когда экипажъ откатился отъ крыльца послѣдняго изъ нихъ, а именно отъ крыльца Подчищаева, то Борисъ Дмитричъ даже перекрестился и проговорилъ:

— Наконецъ-то!

День этотъ нагналъ на него такую тоску, что онъ впалъ даже въ какое-то озлобленіе и, только не желая огорчить отца, тщательно скрывалъ это чувство. Его не восхищала даже величавая картина степи, по которой они ѣхали, степи съ волновавшимся, какъ море, серебристымъ ковылемъ, съ перебѣгающими здѣсь-и-тамъ сурками, съ дрофами, высоко поднимавшими головы. Его не поражала ни эта безпредѣльная даль, ни это блѣдно-голубое небо, ни это колебаніе воздуха, превращавшее бурьяны въ дремучіе лѣса, ни громадные гурты рогатаго скота, бродившіе по степи. Онъ не восхищался ни обиліемъ ароматнаго воздуха, ни сыпавшимися съ поднебесья трелями жаворонковъ, ни гордой осанкой отдыхавшихъ беркутовъ, ни величавыми полетами ястребовъ. Всѣ эти прелести степи какъ-бы заслонялись Бурьяновыми, Севастополевыми, Панталоновыми, а пуще всего этими четырьмя Подмазовыми. Онъ словно злился на себя за это «кругосвѣтное путешествіе», чувствуя, что оно оскорбляло его самолюбіе, его студенческую гордость, и дѣлало его похожимъ на трепавшагося повсюду Панталонова. Подъ предлогомъ утомленія, онъ даже просилъ

было отца не заѣзжать къ купцу Свинорылину, но, убѣдившись доводами Дмитрія Иваныча, что лошади, ничего не ѣвшія съ утра, и безъ того уже еле-еле передвигаютъ ноги, онъ рѣшился на принесеніе этой жертвы, тѣмъ болѣе, что жертва являлась последнею.

Насколько, однако, былъ недоволенъ собою Борисъ Дмитричъ, настолько, наоборотъ, чувствовалъ себя счастливымъ Дмитрій Иванычъ. Ласковый пріемъ, съ которымъ повсюду былъ встрѣченъ Борисъ Дмитричъ, укрѣплялъ въ старикѣ надежду, что сынъ его будетъ избранъ въ судьи, и подъ вліяніемъ этой надежды старикъ ѣхалъ и восхищался окружавшей его громадой, называемой степью. Полной грудью вдыхалъ онъ въ себя чистый воздухъ, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ обрывистому посвисту сурковъ, къ трелямъ жаворонковъ. Запрокинувъ назадъ голову, онъ слѣдилъ за полетомъ чуть замѣтныхъ облачковъ, словно паутина, здѣсь-и-тамъ разстилавшихся по голубому небу; смотрѣлъ за трепетавшими въ воздухѣ ястребками. То опускалъ онъ взоры на землю, и тогда серебристыя волны ковыля приводили его въ восторгъ. И, глядя на волны эти и на представлявшіеся миражи

степи, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, счастливымъ и словно помолодѣвшимъ. Но было бы несправедливо, если бы мы счастливое настроеніе это приписали единственно мощному обаянію степи. Нѣтъ, въ этомъ случаѣ степь была на второмъ планѣ, на первомъ же былъ опять-таки Панталоновъ.

— Отсталъ, — думалъ старикъ: — сообразилъ-таки, наконецъ!...

Часу въ седьмомъ вечера Борисъ Дмитричъ увидалъ на горизонтѣ не то нѣсколько почернѣвшихъ стоговъ сѣна, не то нѣсколько ометовъ старой соломы, вблизи которыхъ возвышалась небольшая группа чахлыхъ ветелъ. По мѣрѣ приближенія, ометы словно выростали изъ земли и, наконецъ, превратились въ кучу какихъ-то невзрачныхъ построекъ съ журавцомъ надъ колодцемъ. Это и былъ хуторъ купца Свинорылина. Неприглядно и безпріютно торчалъ этотъ хуторъ посреди солонцевъ, изъязвившихъ на этомъ мѣстѣ зеленую степь. Все было кругомъ пустынно и уныло. Съ десятокъ огромныхъ лохматыхъ собакъ, съ свалявшеюся комками шерстью, еще далеко въ степи встрѣтили тарантасъ неистовымъ лаемъ; одновременно съ появленіемъ собакъ

потянуло съ хутора и какою-то особенно зловредной вонью. Вонь эта, постепенно усиливавшаяся, съ пріѣздомъ тарантаса на хуторъ превратилась въ совершенное зловоніе. Несмотря на то, что погода все время стояла сухая, передъ крылечкомъ хутора, а равно и вокругъ остальнаго строенія, лужи зловонной грязи стояли болотами. Это было нѣчто въ родѣ той Авгіевой конюшни, для очистки которой потребовалась сила Геркулеса и цѣлая рѣка Алфей.

Оказалось, что самого хозяина дома не было; за то хозяйка, жена Свинорылина, толстая еле-передвигавшая ноги, дряблая, съ громадными отвислыми грудями, старуха, лѣтъ пятидесяти, какъ только увидала Дмитрія Иваныча, такъ въ ту же минуту всплеснула руками и чуть не насильно потащила его въ комнаты.

— Не пущу, не пущу! — трещала она какимъ-то рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ. — Не пущу безъ чая, не пущу!

Дмитрій Иванычъ поспѣшилъ отрекомендовать сына, при видѣ котораго старуха прослезилась. Въ комнатахъ вонь была еще сильнѣе, чѣмъ на дворѣ, такъ что несчастный Борисъ Дмитричъ, и безъ того уже

находившійся въ дурномъ расположеніи духа, положительно озлобился и на всѣ нѣжности и ласки слезливой старухи отвѣчалъ чуть не дерзостями. Милліоны докучливыхъ мухъ носились по комнатамъ и лѣзли въ ротъ, въ носъ и уши; къ довершенію всего этого, старуха не могла выносить табачнаго дыма, и Борису Дмитричу волей-неволей приходилось обходиться безъ куренія. Подали чай, но и чай пить было невозможно, потому что и отъ чая, и отъ хлѣба, и отъ сливокъ, и даже отъ сахара, несло тою же нестерпимою вонью, которая распространялась по всему хутору. Кое-какъ, однако, выпивъ стаканъ, Борисъ Дмитричъ поспѣшилъ на воздухъ и, выйдя на крылечко, закурилъ папиросу.

Оказалось, что весь флигель былъ окруженъ свиными тырлами; жидкій и мутный навозъ, превратившійся въ лужи, заливалъ собою весь хуторъ. Прямо передъ крылечкомъ виднѣлся прудъ, но и прудъ этотъ представлялъ собою ничто иное, какъ такую же грязную лужу, наполненную нѣсколькими десятками громадныхъ свиней. Свиньи валялись въ грязи, будоражили ее и тѣмъ самымъ еще болѣе распространяли

заразу. Борисъ Дмитричъ хотѣлъ было уйти въ степь, подальше отъ этого вонючаго хутора, но едва успѣлъ сойти съ крылечка, какъ собаки окружили его и грозили растерзать на части. Дѣлать было нечего, и, кое-какъ взобравшись опять на крылечко, онъ сѣлъ на скамейку и рѣшился терпѣливо ждать конца.

Тѣмъ временемъ, въ комнатѣ между стариками шелъ самый интимный разговоръ. Старуха жаловалась Дмитрію Иванычу на своего мужа. Оказалось, что Свинорылинъ, проживъ съ женою тридцать лѣтъ слишкомъ въ примѣрной любви и строгомъ благочестіи, вдругъ, мѣсяца два тому назадъ, спился съ круга и, разыскавъ въ сосѣднемъ селѣ какую-то солдатку, связался съ нею и началъ тащить все вонъ изъ дома.

— Какъ спился? — удивился Дмитрій Иванычъ.

— Такъ-таки и спился...

— Да вѣдь онъ всю жизнь свою ни капли въ ротъ не бралъ!

— Не бралъ... а теперь, посмотри-ка... Опухъ, трясется весь отъ этой водки, а все-таки пьетъ. Помнишь,—душа въ душу жили, а теперь даже драться началъ. Раз-

сердился, изволишь-ли видѣть, что я ему дѣтей не нарожала, некому имѣнія оставить... и пошелъ куралесить!... Намедни говорю ему:—«Савелій Кузьмичъ, брось, говорю, опомнись! вѣдь ты не младъ человѣкъ, шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ имѣешь, о смертномъ часѣ подумать пора! Коли, говорю, Господь дѣтьми не благословилъ, такъ можно пріемыша взять!» А онъ, замѣсто того, какъ размахнется, да какъ хляснетъ меня по уху, я и брыкъ на полъ.—«Вотъ тебѣ, говоритъ, и пріемышъ. Своего, говоритъ, кровнаго хочу имѣть, хошь и не законный будетъ, плевать, а все-таки кровь отъ крови и кость отъ костей!» Такъ и живетъ у солдатки у своей! Вотъ и сегодня ужь безпремѣнно тамъ... на грѣхъ-то еще становаго этого чуть свѣтъ принесло...

Дмитрій Иванычъ даже вздрогнулъ.

— Какого становаго? — спросилъ онъ.

— Извѣстно какого! — Поди у насъ съ тобой одинъ становой-атъ!...

— Панталонова?

— Ну да, Панталонова. Онъ вѣдь въ судьи норовитъ, ну, и ѣздитъ теперь по купцамъ да по помѣщикамъ голоса отбирать, и къ моему тоже пріѣхалъ: водки буты-

лочку привезъ въ подарокъ, «седьмое небо» прозывается... Прикатилъ чуть-свѣтъ. «Поѣдемъ, говоритъ, къ Овчинникову на мельницу!» Подхватилъ въ тарантасъ и повезъ. А ужь какая тамъ мельница! Можетъ, точно, и были у Овчинникова, только оттуда-то не миновать этой самой солдатки...

Дмитрій Иванычъ не слушалъ старухи.

— Зачѣмъ-же они къ Овчинникову-то поѣхали? — спросилъ онъ.

— Да вѣдь Овчинниковъ-то гласный, а старикъ-то мой, самъ знаешь, съ Овчинниковымъ другъ и пріятель; вмѣстѣ народъ-то грабили; ну, вотъ становой и просилъ ѣхать къ нему на мельницу.

— Однако, — проговорилъ Дмитрій Иванычъ: — ни у Подлазова, ни у Подмазова, ни у Подрѣзова, ни у Подчищаева, ни у кого изъ нихъ становой не былъ.

— Ну, зачѣмъ онъ къ нимъ поѣдетъ! Была нужда!

— Однако, все-таки! не мѣшало-бы и ихъ попросить...

— Чего ихъ просить-то! Кабы гласные они были...

— А развѣ они не гласными?

— Извѣстно, нѣтъ...

Дмитрій Иванычъ даже съ мѣста привскочилъ. Только теперь смѣтилъ онъ, что Панталоновъ перехитрилъ, и что день этотъ пропалъ у него безполезно.

Между тѣмъ старуха продолжала:

— Становой даже радъ будетъ завернуть къ этой потаскухѣ, прости Господи, потому что угождать для него теперь первое удовольствіе. Напьются тамъ, набезобразничаются вмѣстѣ — ну, и сдѣлаются друзьями. Повѣришь-ли, батюшка, даже до воровства дошелъ старикъ-атъ мой. Намедни у меня перстень да сережки бирюзовыя укралъ и самой этой солдаткѣ стащилъ. Какъ это тебѣ понравится? Весь вѣкъ прожили душа въ душу, грубаго слова другъ другу не сказали, а тутъ вдругъ на-поди! Завелъ эту гадость и пошелъ, и пошелъ! А ужь спился до такой степени, что рѣдькая недѣля проходитъ, чтобы его водой не отливали! Вода-то у насъ здѣсь вонючая, такъ нарочно на рѣку за пять верстъ посылаемъ. Такъ бочка и стоитъ завсегда полная, словно на дворѣ на пожарномъ. Намедни совсѣмъ мертваго привезли, ни единымъ суставчикомъ не колыхнетъ; думали,—помретъ; однако какъ начали изъ

бочки поливать, такъ очнулся. Только все черти стали мерещиться... дня три мерещились. Въ прудѣ свиньи лежатъ, а ему кажется, что черти въ грязи барахтаются. Стоитъ у пруда и оретъ: «Дави ихъ насмерть, подлецовъ, дави!... Какую они, говоритъ, имѣютъ праву на христіанскомъ хуторѣ заводиться!» Ей-богу! Ужь за попомъ посылала... Ну, ничего, отчиталъ. Все-то, все-то изъ дому тащитъ! И деньги, и посуду, и одёжу... Домъ купилъ самой этой мерзавкѣ — тысячу рублей далъ, — а теперь, вишь, весь участокъ этотъ на нее отписать хочетъ. Чтó я буду дѣлать, сирота горемычная! И такъ это вдругъ, вдругъ, вдругъ, ровно его обошелъ кто! Вдругъ такъ все и пошло, и пошло...

Въ это самое время къ крыльцу подкатилъ тарантасъ, и въ комнату вбѣжалъ блѣдный Панталоновъ.

— Манефа Петровна, — вскрикнулъ онъ. — Съ Савеліемъ Кузьмичемъ дурно что-то!

— Что такое?

— Не могу понять, но только онъ совсѣмъ безъ движенія.

— Водки налопался, вотъ и омертвѣлъ.

— Водки-то онъ почти не пилъ!

— Ну, какъ же, повѣрю!

Всѣ вышли на крыльцо. Борисъ Дмитричъ возился уже съ замертво лежавшимъ Свинорылинымъ; развязывалъ ему галстукъ, разстегивалъ сюртукъ и жилетъ и потребовалъ воды. Бочку подвезли немедленно и, положивъ Свинорылина на крыльцо, начали поливать его водой. Онъ былъ совершенно какъ мертвый и, не выказывая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, лежалъ пластъ-пластомъ. Увидавъ старика, старуха даже руками всплеснула.

— Ахъ вы безстыдники, право, безстыдники! — выла она, обращаясь къ становому.

— Я-то что-же,— бормоталъ тотъ.

— А еще благородными людьми называетесь! Ну, говорите, были у солдатки?

— Были, толко недолго.

— Ахъ, безстыдники, безстыдники!

Между тѣмъ, Борисъ Дмитричъ продолжалъ хлопотать надъ Свинорылинымъ. Добившись у старухи нашатырнаго спирта, онъ влилъ его нѣсколько капель въ рюмку съ водой, разжалъ зубы больнаго и смѣсь эту вылилъ ему въ ротъ. Затѣмъ принялся

тѣмъ же спиртомъ натирать виски и пульсъ Свинорылина; подносилъ ему спиртъ къ носу,—и минутъ черезъ двадцать Свинорылинъ началъ дышать. Немного погодя, открывъ глаза и дико озираясь на всѣхъ, онъ потребовалъ, чтобы его положили на кровать и накрыли тулупомъ.

Въ ту-же минуту Борисъ Дмитричъ взялъ отца за руку и, отведя его въ сторону, проговорилъ:

— Теперь лошади отдохнули, поѣдемте.

Вскорѣ тарантасъ былъ запряженъ и, сопровождаемый неистовымъ лаемъ собакъ, выбрался изъ вонючаго хутора и покатилъ по гладкой степной дорогѣ. Мало-по-малу, вонь стала пропадать, собаки начали отставать, пахнуло ароматомъ степи, и путешественники наши вздохнули свободнѣй. Долго ѣхали они молча; наконецъ, Дмитрій Иванычъ обратился къ сыну:

— Ну, что́, какъ? — спросилъ онъ робко.

— Ничего, — отвѣтилъ тотъ.

— Кажется, вѣдь люди все хорошіе?

— Конечно.

— Вотъ только этотъ Свинорылинъ испортилъ немного впечатлѣніе, а то вѣдь

всѣ, и Бурьяновъ, и Севастополевъ, и даже Подлазовъ... всѣ вѣдь были очень рады. Ну, да и то сказать! Намъ бы лишь въ судьи попасть, а тамъ, пожалуй, и чортъ съ ними, коли тебѣ не понравились. Некогда будетъ и по гостямъ разъѣзжать, потому что дѣла пропасть будетъ...

И Дмитрій Иванычъ искоса посмотрѣлъ на сына, желая хоть въ лицѣ его прочесть отвѣтъ, но отвѣта онъ никакого не прочелъ.

XIII

Хотя Борисъ Дмитричъ проѣздилъ всего трое сутокъ, но ему показалось, что онъ по крайней мѣрѣ недѣли двѣ не былъ дома. На слѣдующее же утро онъ обошелъ и мельницу, и заводъ; чуть не расцѣловался при встрѣчѣ съ англичаниномъ, а съ рабочими пустился въ такіе разспросы и разсказы, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ сколько времени не видался съ ними. Особенно долго пробылъ онъ на мельницѣ, такъ какъ тамъ работы подвигались къ концу и не далеко было время, когда мельницу можно будетъ пустить въ ходъ. И дѣйствительно, плотина

высокой насыпью возвышалась уже надъ уровнемъ воды и, укрѣпленная фашинникомъ, пластами дерна и пескомъ, имѣла видъ бруствера. Каузъ былъ тоже сдѣланъ. Построенный изъ толстыхъ и широкихъ сосновыхъ досокъ, проконопаченный и весь залитый смолой, онъ не пропускалъ ни одной капли воды. Громадныя водяныя колеса, окрашенныя масляной краской, тоже были готовы и только ждали времени, когда ихъ навѣсятъ на валы. Весь остальной механизмъ мельницы, отлитый изъ чугуна, былъ уже на своихъ мѣстахъ. Снаружи мельница представляла весьма привлекательный видъ. Покрытая желѣзомъ и окрашенная охрой, съ бѣлыми карнизами и наличниками, она такъ красиво рисовалась въ зелени растущихъ вокругъ ветелъ и ракитъ, что невольно привлекала на себя взоры любопытныхъ. Точно такъ же прочно и красиво построены были и остальныя сооруженія мельницы, какъ-то: магазинъ для ссыпки хлѣба и муки, изба для рабочихъ и мельника, кузница и проч. Словомъ, на мельницѣ все говорило о скоромъ концѣ работамъ и о приближеніи того времени, когда вода, выпущенная въ

каузъ, застонетъ и загремитъ, падая въ колеса.

Осмотрѣвъ все подробно, Борисъ Дмитричъ собрался уже идти домой, какъ увидалъ подходившаго къ мельницѣ Обертышева.

— Борису Дмитричу наше почтеніе, — проговорилъ онъ.

— Здравствуйте.

— Хлопочете-съ?

— Хлопочу.

— Доброе дѣло-съ. Я какъ-то на-дняхъ, когда вы въ гости ѣздили, былъ у васъ и, не заставши дома, нарочно ходилъ посмотрѣть на заводъ и на мельницу...

— Ну-съ, что-же?

— Въ заводскомъ дѣлѣ я смыслю мало; ну, а въ мельничномъ кое-что понимаемъ-съ...

— Одобряете?

— Да такъ одобряю-съ, что хочу этого самаго вашего англичанина и къ себѣ на мельницу пригласить. Хочу, чтобы онъ посмотрѣлъ и кое-что исправилъ. Очень хорошо-съ.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Вы чтó-же это къ намъ-то не пожа-

луете-съ? Жена совсѣмъ соскучилась объ васъ.

— Недосугъ все.

— Пожалуйте-съ. Теперь кстати и утокъ стрѣлять можно, молодякъ уже летать началъ-съ... У меня, на озерѣ, за мельницей, такая ихъ пропасть, что изъ годовъ вонъ. Ночью такой крикъ поднимаютъ, что даже спать мѣшаютъ.

— Какъ-нибудь приду.

— Пожалуйте-съ.

И они пошли по дорогѣ, ведущей въ усадьбу.

— Заводъ-то скоро покончите?

— Черезъ мѣсяцъ думаю покончить.

— Такъ-съ. Курить будете?

— Конечно.

— Я къ вамъ насчетъ этого самаго и пріѣхалъ-съ.

И немного подумавъ, спросилъ:

— При заводѣ своего кабака имѣть не будете-съ?

— Нѣтъ, не буду.

— Намъ не сдадите-ли мѣстечка-съ?

— Мнѣ не хочется, чтобы при заводѣ былъ кабакъ.

— Почему-съ?

— Пьянство пойдетъ...

— На заводѣ безъ этого не обойдетесь. Хоша кабака и не будетъ, а пьянства все-таки не минуете-съ.

— Пожалуй, я подумаю. Можетъ быть, и сдамъ вамъ мѣсто.

— А кабачокъ-то вы построите или ужь мы сами?

— Пожалуй, и я.

— То-то-съ. Вамъ-то удобнѣе, потому у васъ все прилажено. И плотники имѣются, и отрубочки разные, и обрѣзочки — все въ дѣло можетъ пойти-съ. Я, признаться, глядя на вашъ заводъ, большую операцію затѣялъ-съ.

— Именно?

— Да почитай по всей округѣ кабаки посняалъ. Теперь ужь кабаковъ до пятидесяти насчитываю и думаю еще распространиться. Хочу у васъ всю водку купить и въ кабакахъ торговать. Не худо-бы еще намъ съ вами насчетъ складовъ потолковать. Склады-то у васъ свои будутъ-съ?

— У насъ есть нѣсколько складовъ, только я еще ни на одномъ изъ нихъ не былъ.

— Есть, которые ремонта требуютъ-съ.

— Вы видѣли?

— Видѣлъ-съ.

И потомъ, опять помолчавъ, спросилъ:

— А складовъ вы мнѣ не сдадите-съ?

— Нѣтъ, складовъ не сдамъ.

— Почему-же-съ?

— Разсчета не нахожу.

— Это точно-съ. А то-бы сдали. Тогда-бы весь уѣздъ у меня у одного въ рукахъ и былъ-бы.

— Будто это возможно?

— Невозможнаго нѣтъ ничего-съ!

— Есть заводы помимо нашего.

— Это ничего не значитъ-съ. Въ нашемъ уѣздѣ, окромѣ вашего, завода нѣтъ-съ, а изъ другихъ уѣздовъ не зачѣмъ къ намъ водку возить. Пусть тамъ у себя и торгуютъ. Покрайности, я такъ полагаю, что я ихней водки сюда не пущу-съ.

— Какъ-же это?

— Очень просто-съ. Вотъ ужь я теперича имѣю кабаковъ пятьдесятъ, а когда я количество это съ Божьей помощью удвою, то имъ со мной даже очень трудно будетъ бороться. Они не только новыхъ кабаковъ не будутъ заводить, а даже и старые-то, какіе есть, позакроютъ, потому разсчетовъ

не сведутъ-съ. Однимъ словомъ, я такъ думаю устроиться, чтобы у насъ этого самаго зелья съ чужой стороны не было-съ.

— Это тотъ-же откупъ! — замѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

— Откупъ не откупъ-съ, а польза будетъ-съ.. Да вѣдь оно завсегда такъ и дѣлается. На видъ-то какъ-будто и нѣтъ откупа, а на самомъ дѣлѣ иной разъ даже лучше бываетъ-съ.

И, не докончивъ фразы, онъ спросилъ:

— Такъ складовъ не сдадите-съ?

— Нѣтъ, не сдамъ.

— Напрасно-съ. Оно бы для меня ловчѣе было. Такъ бы ужь я на всю вашу водку одинъ покупатель и былъ. Мнѣ теперича смерть какъ хочется, чтобы окромя меня никто этой вещью не торговалъ, и я такъ полагаю, что при моемъ усердіи къ этому дѣлу, я очень скоро достигну. Потому, я чувствую себя очень даже хорошо и такъ понимаю, что по кабацкой части у меня не только смѣлости, но даже этого самаго вдохновенія очень и очень достаточно. Стóитъ мнѣ только разъ по деревнѣ проѣхать, мало дѣло съ мужиками поговорить, и ужь я сейчасъ понимаю, чтó это такая

за деревня, и какъ на нее можно разсчитывать.

— Однако, вы большое дѣло затѣяли,— замѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

— Большое-съ, — подхватилъ Обертышевъ. — Да что! Признаться, надоѣло пустяками-то заниматься. Хочется орломъ полетѣть, подъ небеса взвиться, а то что тамъ куропаткой-то бѣгать?... вниманья не стоитъ! А силы я въ себѣ чувствую. Положимъ, что у меня всего одно дитё только, но хоша бы и ни одного не было, то я и тогда-бы не могъ, кажется, удержать своего стремленія. А стремленіе у меня такое, что годика черезъ два, черезъ три, я самъ себѣ могу очень большую славу пріобрѣсти.

И, отерѣвъ со лба струями катившійся потъ, онъ спросилъ:

— А много думаете вина курить?

— Тысячъ тридцать ведеръ.

— Мало-съ!

— Больше не выкуришь.

— Чтó-же, хлѣбцомъ, что-ли, не избавитесь?

— И хлѣбомъ, и деньгами...

— Я и насчетъ этого то-же соображеніе имѣлъ и предлагаю вамъ такую операцію.

Я вамъ буду хлѣбъ доставлять, даже буду доставлять не зерномъ, а мукой, а расплачиваться со мной вы будете опосля водкой. Ужь, конечно, мнѣ должна быть за это привиллегія. И могу вамъ поручиться, что хлѣба я вамъ не на 30, а на 60 тысячъ ведеръ наваляю. Только курить извольте, а ужь насчетъ хлѣба — мое дѣло-съ. Если вы на эти планы согласитесь, тогда ужь другимъ, прочимъ заводчикамъ въ нашемъ уѣздѣ не торговать-съ. Вы какъ насчетъ этого думаете?

— Дать вамъ на это отвѣтъ сразу, теперь-же, не могу... Надо сообразить.

— Сообразите-съ.

Разсуждая такимъ образомъ, они дошли до усадьбы, но въ домъ Обертышевъ не пошелъ, отговорившись недосугомъ. Онъ отвязалъ лошадь, привязанную къ коновязи, полюбовался еще разъ на заводъ и, сѣвъ на дрожки, поѣхалъ было домой, но вдругъ остановился:

— Такъ когда-же васъ ждать прикажете?— спросилъ онъ, не слѣзая съ дрожекъ.

— Какъ-нибудь на-дняхъ зайду.

— Пожалуйте-съ. Жена даже наказывала передать, что она собственно для васъ въ

лѣсъ за грибами ходила, да въ уксусѣ отварила, такъ пожалуйте кушать. Кстати новенькихъ лошадокъ посмотрите, троечку купилъ я... Сѣренькія, не велички, но съ огонькомъ-съ.

— Хорошо, хорошо; зайду.

— Будемъ ждать-съ, а покамѣстъ счастливо оставаться-съ.

Онъ ударилъ возжей лошадь и быстро помчался.

Возвратясь домой, Борисъ Дмитричъ увидалъ Бутенко. Старики сидѣли за шашечнымъ столомъ и играли въ шашки.

— Ну что, другъ любезный? — спросилъ Бутенко Бориса Дмитрича.

— Что такое?

— Ѣздилъ, кланялся?

— Кланялся, — отвѣтилъ весело Борисъ Дмитричъ.

— Отлично! — замѣтилъ Бутенко, подвигая шашку. — Отъ поклоновъ голова не отвалится. И Панталоновъ ѣздилъ?

— И Панталоновъ; съ тою только разницею, что тотъ ѣздилъ съ конфектами, апельсинами и водкой, а мы съ пустыми руками.

— Напрасно.

И потомъ, вдругъ обратясь къ Дмитрію Иванычу, Бутенко спросилъ:

— Какъ-же это ты-то опростоволосился?

— Что дѣлать, не догадался...

— Не хорошо. Ну, да ничего. Приглядишься, втянешься и уразумѣешь...

— Наука не хитрая, — вскрикнулъ Борисъ Дмитричъ.

— Не хитрая, но требующая соображенія.

— Празда, правда, — подхватилъ Дмитрій Иванычъ. — Что-же, дурнаго я тутъ ничего не вижу. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Да, ты правъ, дѣйствительно, немного не спохватились. Конечно, водку развозить не слѣдуетъ; ну, а конфекты не мѣшало-бы. Барышни любятъ.

— Любятъ, любятъ! — подхватилъ Бутенко: — сластницы извѣстныя! Впрочемъ; и мамаши съ папашами не лишены вкуса.

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ и обратясь къ Дмитрію Иванычу, прибавилъ:

— Нѣтъ, Панталоновъ, видно, умнѣе тебя. Онъ не только всѣхъ дворянъ и купцовъ объѣхалъ, но даже и у мужиковъ-гласныхъ побывалъ. Въ эти минуты вѣдь брезгливость пропадаетъ.

Бутенко просидѣлъ у Кургановыхъ цѣлый день и только вечеромъ, когда взошла луна, онъ отправился домой.

Обертышеву пришлось недолго ждать Бориса Дмитрича. Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ молодой Ольшанскій баринъ явился къ нему на мельницу. Явился онъ въ охотничьемъ костюмѣ, въ длинныхъ сапогахъ и съ ружьемъ на плечѣ. Сидѣвшая на крылечкѣ Агаѳья Петровна даже ахнула при видѣ его.

— Вотъ такъ охотникъ! во всей формѣ!— крикнула она. — Вы что-же это сколько времени глазъ не показывали? Некогда было, что-ли?

— Конечно, некогда.

— Слышала я про ваши разъѣзды-то! Никакъ весь свѣтъ кругомъ объѣхали.

— Вы почему знаете?

— Слухами земля полнится. Слышала все: какъ съ Бурьяновой по саду гуляли, какъ съ генеральскими барышнями выплясывали. Вишь, плясунъ какой!

— Отъ кого-же это ты слыхала?

— Мало-ли языковъ-то! Языковъ много, а ушей да глазъ вдвое больше. А небось вотъ сюда такъ не пришелъ. Извѣстное

дѣло, зачѣмъ съ мѣщанками знаться, коли генеральскія дочки на шею виснутъ! Ужь не жениться-ли задумалъ?

— А что-же, развѣ это дурно?

— Конечно, хорошо. Судьѣ и не годится быть холостымъ. Мало-ли что можетъ случиться? Придутъ хорошенькія судиться, такъ какой-же судъ будетъ, коли судья холостой. На мѣсто законовъ-то, все въ очи смотрѣть будетъ и до того засмотрится, пожалуй, что въ глазахъ зарябитъ, въ сердцѣ заноетъ. Видали мы этакихъ-то судей; у такихъ-то нашей сестрѣ очень сподручно судиться. Вотъ-бы тебя посадить, Панталонова, да еще этакихъ человѣка два-три подыскать, и пошелъ-бы судъ да расправа!

— Мужъ-то дома, что-ли? — перебилъ ее Борисъ Дмитричъ.

— Конечно, дома; ждетъ тебя, не дождется...

— Полюбился, значитъ?

— Еще-бы!

— Ну, а если мужъ дома, такъ веди меня къ нему.

— И самъ дойдешь!

Борисъ Дмитричъ вошелъ въ комнату и

увидалъ Обертышева сидящимъ за столомъ и что-то выкладывающимъ на счетахъ.

— А! Борисъ Дмитричъ! — вскрикнулъ онъ. — Милости просимъ! Поохотиться пришли?

— Да, поохотиться.

— Доброе дѣло, а я только-что на томъ самомъ озерѣ былъ, про которое вамъ намедни говорилъ. Утокъ видимо-невидимо; только надо умѣть взять ихъ. Вамъ придется переночевать здѣсь.

— Зачѣмъ-же?

— А затѣмъ, чтобы утреннюю зарю на озерѣ встрѣтить. Мы шалашикъ сдѣлаемъ, вы въ шалашикѣ себѣ сидите да и колотите утокъ... Онѣ сами будутъ подплывать къ вамъ...

— Такъ пойдемте пока шалашъ дѣлать...

— Вы только мѣстечко облюбуйте, а шалашъ-то работникъ сдѣлаетъ!

— Ну, и отлично.

Обертышевъ крикнулъ жену и, приказавъ ей приготовить самоваръ и позаботиться объ ужинѣ, пошелъ вмѣстѣ съ Борисомъ Дмитричемъ по направленію къ озеру. Для устройства шалаша они взяли съ собой работника. Черезъ полчаса они были

уже дома; самоваръ былъ уже готовъ, и Агаѳья Петровна, въ ожиданіи гостей, сидѣла за чайнымъ столомъ.

— Ну, Агаѳья Петровна, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ: — готовьтесь утокъ кушать. Завтра я вамъ столько наколочу ихъ, что вы не будете знать, куда съ ними дѣваться.

— Посмотримъ; я очень люблю утокъ.

— Вы не смѣйтесь, Борисъ Дмитричъ, — перебилъ ее Обертышевъ: — утокъ въ самомъ дѣлѣ очень много. Намедни кузнецъ также вотъ на озерѣ сидѣлъ, такъ штукъ съ двадцать принесъ. Я всѣхъ и купилъ, два рубля отдалъ. Что станете дѣлать? Пристала жена: купи да купи... Нечего дѣлать! пришлось деньги вынимать...

И, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ;

— Нѣтъ, Борисъ Дмитричъ, не женитесь.

— А что?

— Ужь очень жены эти раззоряютъ нашего брата.

Агаѳья Петровна даже захохотала.

— Охъ ужь, раззорился! — подхватила она: — на два рубля утокъ купивши...

— Утокъ? — спросилъ ее Обертышевъ.

— Извѣстно.

— А тройка-то?

Агаѳья Петровна снова засмѣялась.

— Что?... молчишь, видно!...

И вдругъ, обратясь къ Борису Дмитричу, прибавилъ:

— Вы посмотрите-ка, какую я ей тройку купилъ!

— Такъ нешто это для меня?

— Для кого-же?

— Извѣстно, для себя. Куда я ѣзжу-то? Въ церковь когда...

— А кто приставалъ, чтобы лошадей купить?

— Вѣдь для тебя-же все... Нешто можно тебѣ съ одной тройкой обойтись? Ѣзды-то у тебя, слава Богу! рѣдкую недѣльку дома посидишь.

Но Обертышевъ уже не слушалъ ея.

— Ну, и ужъ троечка только! — говорилъ онъ, обратясь къ Борису Дмитричу.— На охотника рублей триста стоитъ... Я ее у барина, у Салтанова, купилъ. Долженъ онъ мнѣ былъ двѣсти рублей, денегъ-то не было, онъ мнѣ и отдалъ ее. Эхъ, и лихіе только кони! Огневые такіе, что словно вихорь несутся. Послѣ чая я васъ прокачу, а покамѣстъ давайте про дѣло потолкуемъ.

— Давайте, потолкуемъ.

— Жена! — проговорилъ Обертышевъ, обратясь къ Агаѳьѣ Петровнѣ: — вотъ мы хотимъ съ Борисомъ Дмитричемъ вмѣстѣ дѣло дѣлать, деньгу наживать. Ты какъ? благословишь?

— Яйца курицу не учатъ, — проговорила она.

— Ай да жена! — вскрикнулъ Обертышевъ: — молодецъ! Вотъ за это люблю, что не въ свое дѣло не вмѣшиваешься, что выше лба не плюешь, что съ бабьимъ ухватомъ за волками не ходишь. Налей-ка мнѣ за это еще стаканчикъ.

И потомъ, обратясь къ Борису Дмитричу, спросилъ:

— Такъ какъ-же, надумали-съ, кабачекъ-то построите мнѣ?

— Построю.

— Отлично-съ. А какъ насчетъ того-съ... насчетъ хлѣбца-то? Прикажете поставлять вамъ-съ? Дѣло для васъ будетъ подходящее съ; потому вамъ, во-первыхъ, капитала не потребуется на покупку хлѣба, а во-вторыхъ, расплачиваться со мною будете не деньгами, а виномъ. Вы все-таки отъ каждаго ведра будете себѣ пользу имѣть.

— Думалъ и объ этомъ, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ.

— И что же-съ?

— Ничего, я согласенъ.

Обертышевъ даже съ мѣста привскочилъ.

— Вотъ это отлично!

— Только на все это мы заключимъ съ вами нотаріальный договоръ, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ.

— Это конечно-съ! Такъ, значитъ, по рукамъ?

— По рукамъ.

И, хлопнувъ руками, Обертышевъ отъ восторга бросился даже обнимать Бориса Дмитрича.

— Вотъ это я люблю, — кричалъ онъ: — это по моему; два слова — и готово. Ужь будьте покойны, Борисъ Дмитричъ, хлѣбомъ я васъ завалю, только курить поспѣвайте. Я даже сейчасъ, когда хлѣбъ еще на корню стоитъ, и то у многихъ помѣщиковъ могу закупить его за подходящую цѣну-съ. Съ покупкой надо безпремѣнно торопиться, потому хлѣбъ, особливо рожь, нынче въ цѣнѣ будетъ-съ. Слышно, у нѣмцевъ вовсе ничего не родилось, и даже эти самые нѣмцы передъ своимъ начальствомъ

хлопочутъ объ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ. У насъ, въ Россіи, тоже плохо-съ. За Волгой ничего нѣтъ-съ, даже заволжское населеніе къ намъ на работы идетъ. Во многихъ губерніяхъ жучекъ показался; въ Астраханской губерніи саранча-съ; градобитіе тоже; во многихъ мѣстахъ хлѣбъ съ грязью смѣшало. Агенты отъ хлѣбныхъ торговцевъ, словно гончія, разсыпались, вынюхиваютъ да расчухиваютъ. Тутъ дремать не приходится, а нужно прямо живьемъ брать. Земскія собранія хлопочутъ о выдачѣ ссудъ на покупку сѣмянъ, такъ выходитъ зѣвать нечего. Когда земство начнетъ покупать, тогда цѣны живо поднимутся. Я завтра-же утромъ накинусь на нѣкоторыхъ. Князь Хабебуловъ въ деньгахъ нуждается, контора Хорватовыхъ, контора Протасовыхъ... Графъ Сарматовъ заграницу собирается... Вотъ я на нихъ и налечу. Теперича, тысячи на три наличныхъ я тысячъ на тридцать нахватаю; раздамъ задатки, получу письменные документы, а когда документы у меня въ карманѣ будутъ, такъ въ банкахъ всѣ замки заскрипятъ. Эхъ, Борисъ Дмитричъ! Чувствую я, что даже очень скоро я изъ этого

самаго ничтожества, словно цыплакъ изъ скорлупы, выскочу...

И, пройдясь театральной поступью раза два по комнатѣ, онъ вдругъ спросилъ Бориса Дмитрича:

— Ну что-же, прокатить, что-ли, васъ на новой троечкѣ-то?

— Прокатите.

— Ладно, прокачу!

— Ты во что заложишь-то? — спросила Агаѳья Петровна.

— Извѣстно во что! Въ тележку.

— То-то! А ужь я думала въ тарантасъ; тарантасъ тяжелъ.

— Съ ума, что-ли, я спятилъ!

— Слушай! — крикнула вдругъ Агаѳья Петровна, вскакивая изъ-за стола. — Ты ступай самъ заложи лошадей, а прокатить-то Бориса Дмитрича мнѣ позволь.

— Ой-ли? — вскрикнулъ весело Обертышевъ.

— Ужь такъ-то прокачу, что вѣкъ помнить будетъ.

— Ну, ладно, посмотримъ.

— Да ужь увидишь!

— Вы согласны, Борисъ Дмитричъ? — спросилъ Обертышевъ.

— Согласенъ.

— Ну, ладно. Я побѣгу закладывать.

Обертышевъ схватилъ фуражку и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ комнаты, между тѣмъ какъ Агаѳья Петровна, упавъ на диванъ и закрывъ лицо руками, заливалась хохотомъ.

— Ты что-же хохочешь-то? — спросилъ Борисъ Дмитричъ, взявъ ее за руку.

— А ты забылъ? — спросила она.

— Нѣтъ, не забылъ.

— Коли не забылъ, такъ говори.

— Изволь. Ты хочешь сегодня продѣлать то, о чемъ говорила мнѣ въ лѣсу.

— Вѣрно! — вскрикнула Агаѳья Петровна, вскочивъ съ дивана.—Я буду править тройкой, а ты будешь сидѣть, обнявшись со мной. А мужъ-то будетъ смотрѣть на насъ да терзаться.

— Ну ужь, обнявшись съ тобой, сидѣть не буду! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ.

— Почемъ знать!

— Это вѣрно.

— Посмотримъ.

Немного погодя, мимо оконъ домика проѣхала тележка, запряженная тройкою лихихъ лошадей, убранныхъ лентами, бубен-

цами и упряжью съ мѣдными бляхами. На тележкѣ сидѣлъ самъ Обертышевъ и правилъ. Вытянувъ руки и упершись одной ногой въ передокъ, онъ въ этой позѣ выглядѣлъ такимъ молодцомъ, что любо было смотрѣть на него. Видно было по всему, что бѣшеныя лошади не вырвутся изъ рукъ его и что стóитъ только захотѣть ему, стóитъ только потянуть возжами, какъ лошади станутъ на мѣстѣ, какъ вкопанныя. Обертышевъ ѣхалъ шагомъ. Коренникъ выступалъ, гордо поднявъ голову, между тѣмъ какъ пристяжныя, согнувъ кольцомъ шеи, чуть не доставали мордами до земли. Бубенцы гремѣли и еще пуще раздражали коней. Миновавъ мельницу и выѣхавъ на широкую улицу, Обертышевъ пустилъ коней рысью и вскорѣ скрылся изъ вида. Однако, минутъ черезъ десять онъ снова былъ у крыльца. Агаѳья Петровна вскочила въ тележку, взяла изъ рукъ мужа возжи и крикнула Борису Дмитричу садиться. Обертышевъ слѣзъ съ тележки, а Борисъ Дмитричъ усѣлся на его мѣсто.

— А ты смотри, ротъ-то не больно разѣвай! — кричалъ Обертышевъ, стоя на

крылечкѣ и посматривая на лошадей, рывшихъ отъ нетерпѣнія копытами землю, — подхватятъ, такъ тогда поздно ужь держать-то!

— Небось, не вырвутся! — крикнула она и, намотавъ возжи на руки, шагомъ отъѣхала отъ крылечка.

— Ну, что? Какова троечка-то? — спросила она, миновавъ мельницу и выѣзжая на улицу.

— Троечка хороша, да и кучеръ-то лихой.

— Лихой, не лихой, а прокачу хорошо! Проѣзжая мимо домовъ причетниковъ, они увидали учителя. Онъ сидѣлъ на завалинкѣ рядомъ съ дьячкомъ.

— Здравствуйте! — крикнулъ онъ Борису Дмитричу.

— Здравствуйте.

— Что, аль кататься затѣяли?

— Да, катаемся

— Отлично! Дай Богъ совѣтъ да любовь... Только смотрите, держитесь крѣпче, — кричалъ онъ вслѣдъ. — Лошадей-то я знаю, бойки больно, какъ разъ разнесутъ!

— Небось, удержимъ!—крикнула Агаѳья

Петровна и, выѣхавъ на выгонъ, пустила тройку крупной рысью.

Дорога была прелестная, гладкая, ровная, а мѣстоположеніе было восхитительное. Направо широкой лентой извивалась рѣка, поросшая мѣстами тальникомъ и осокорью, а за рѣкой возвышались гряды горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Горы эти, громоздясь одна надъ другой и кончаясь иногда острыми, каменистыми вершинами, казалось, были увѣнчаны какими-то развалинами рыцарскихъ зàмковъ. Солнце садилось за эти горы и, обагряя закатъ огненнымъ моремъ, еще рельефнѣе обрисовывало силуэты и этихъ горъ, и этихъ мнимыхъ развàлинъ. Черные, словно высѣченные изъ угля, возвышались эти зàмки и молча царили надъ окрестностію. Но Борисъ Дмитричъ даже не замѣчалъ этой картины вечера. Онъ глазъ не сводилъ съ Агаѳьи Петровны и чувствовалъ, какъ кровь клокотала въ его сердцѣ; онъ смотрѣлъ ей прямо въ лицо и видѣлъ, что лицо это пылало, что большіе черные глаза ея искрились огнемъ. Онъ любовался ею, и ему казалось, что никогда еще онъ не видалъ ее столь красивою.

А тройка, между тѣмъ, мчалась все быстрѣе и быстрѣе; пристяжныя бѣжали уже не рысью, а летѣли въ карьеръ, и только одинъ коренникъ несся иноходью, переваливаясь съ боку на бокъ и широко перебирая задними ногами. Онъ то съеживался комкомъ, то поджималъ хвостъ, то навострялъ уши, иногда какъ будто путался ногами, словно недоумѣвалъ, что ему дѣлать, но ударъ возжей мгновенно выводилъ его изъ этого недоумѣнія. Онъ мигомъ подпрыгивалъ и снова летѣлъ иноходью, обдавая пылью сѣдоковъ. Времени прошло немного, а села Покровскаго давно уже не было видно. Тройка все мчалась и мчалась, но ни Агаѳья Петровна, ни Борисъ Дмитричъ во все время не проронили ни слова, и только рука послѣдняго, обхвативъ станъ Агаѳьи Петровны, судорожно сжимала его.

Такъ проѣхали они еще версты двѣ и, наконецъ, повернули назадъ.

— Довольно! — проговорила Агаѳья Петровна.

— А по мнѣ, ѣхать-бы дальше и дальше! — шепталъ Борисъ Дмитричъ.

— Ужь не на край-ли свѣта задумалъ?

— Съ тобой и на край свѣта готовъ!

— Не далеко-ли будетъ? Не усталъ-бы дорогой!

— Ты шутишь все...

— А ты?

— Я не шучу, потому что люблю тебя.

— Охъ ужь! Видали мы такихъ-то! Нѣтъ, ты любить не умѣешь. Я тебѣ говорила какъ любить надо... помнишь?

— Но вѣдь это невозможно...

— Когда человѣкъ полюбитъ, такъ ужь тутъ думать некогда, недосугъ... Тутъ каждый часъ дорогъ!

И потомъ она вдругъ спросила:

— Ну что-же, прокатить, что-ли, какъ слѣдуетъ?

— Прокати!

— Не испугаешься?

— Катай!

— Ну, такъ держись!

И Агаѳья Петровна вдругъ вскрикнула, ахнула и бросила возжи... Лошади подхватили и маршъ-маршемъ понеслись по гладкой дорогѣ.

— Держись! — кричала Агаѳья Петровна и, закрывъ лицо руками, упала въ объятія Бориса Дмитрича. Но Борису Дмитричу

было уже не до объятій. Пораженный этой неожиданной выходкой, онъ силился поймать брошенныя возжи, чтобы удержать бѣшено мчавшихся лошадей, но всѣ усилія его были напрасны. Агаѳья Петровна хохотала и всякій разъ, какъ только рука Бориса Дмитрича достигала возжей, она отталкивала ее, ловила и крѣпко сжимала въ своихъ рукахъ.

— Чтó ты дѣлаешь, сумашедшая!

— Не трогай! оставь!

— Но вѣдь лошади бьютъ!

— Пускай ихъ!

И дѣйствительно, лошади, почувствовавъ свободу, неслись какъ вихорь. Закусивъ удила, разметавъ по вѣтру гривы и хвосты, приподнявъ головы, фыркая широко-раздувавшимися ноздрями, онѣ своротили съ дороги и неслись прямо, цѣликомъ, по выгону, не разбирая ни кочекъ, ни рытвинъ. Тележка трещала, скрипѣла и, казалось, каждую минуту готова была разсыпаться въ дребезги. Пыль, словно вихорь, крутилась изъ-подъ копытъ и колесъ; раза два мимо уха растерявшагося Бориса Дмитрича провизжали камни, вылетавшіе изъ-подъ ногъ лошадей. Какой-то свистъ раздавался

въ ушахъ, словно буря свистѣла, силясь опрокинуть тележку. Вдругъ мелькнула изба, другая, третья, послышался неистовый лай собакъ, бросавшихся на лошадей, раздались чьи-то голоса. Кто-то крикнулъ громовымъ басомъ: «стой! держи!» Кто-то выбѣжалъ на середину улицы и, растопыривъ руки, всталъ, какъ вкопанный. При видѣ человѣка, тройка шарахнулась всторону и, уткнувшись въ плетень, вдругъ остановилась. Агаѳья Петровна лежала безъ чувствъ въ объятіяхъ Бориса Дмитрича.

— Я вамъ говорилъ! — гремѣлъ чей-то голосъ. — Я васъ предупреждалъ.

Борисъ Дмитричъ оглянулся и увидалъ учителя Любомудрова. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза его горѣли, синія губы словно перекосились. Цѣлая толпа мужиковъ окружала тележку; нѣсколько рукъ держало подъ уздцы лошадей, нѣсколько рукъ силилось распутать постромки, возжи и порванную упряжь. Лошади дрожали, фыркали, били копытами, поджимали хвосты и уши и испуганно озирались вокругъ.

Но Любомудровъ словно и не видалъ всей этой суеты.

— Воды! воды! — кричалъ онъ, глядя

на безъ чувствъ лежавшую Агаѳью Петровну, и, когда вода была принесена, принялся вспрыскивать ею красивую мельничиху.

Прибѣжалъ и Обертышевъ.

— Что это? — крикнулъ онъ.

Только тутъ очнулась Агаѳья Петровна.

— Ничего! — проговорила она: — лошади разбили.

Немного погодя, лошади были распутаны. Обертышевъ вскочилъ въ тележку, разобралъ возжи и шагомъ поѣхалъ по направленію къ мельницѣ. Борисъ Дмитричъ и Агаѳья Петровна пошли пѣшкомъ.

— Не ушиблись-ли? — спросилъ учитель.

— Ушиблась-ли, нѣтъ-ли, а ужь лечить меня не вамъ, — отвѣтила Агаѳья Петровна и, взявъ подъ руку Бориса Дмитрича, прибавила шагу.

— И за то спасибо! — проговорилъ учитель и захохоталъ на всю улицу.

XIV

СЪ наступленіемъ «страдной поры» занятія Бориса Дмитрича усложнились еще болѣе. Кромѣ наблюденія за постройками, пришлось еще смотрѣть и за уборкой хлѣба Въ поляхъ шла работа кипучая. Созрѣвшій хлѣбъ не ждетъ, пропустишь два-три дня — и половина зерна выточится на землю. Какъ на грѣхъ, время стояло жаркое, хлѣбъ поспѣвалъ быстро. Не зеленымъ, а золотымъ уже моремъ волновался онъ на необозримыхъ поляхъ. Рожь косили и жали, а вслѣдъ за рожью поспѣвали и яровые хлѣба. Все поле пестрѣло косарями и жницами. Тамъ, гдѣ рожь была

гуще и выше, ее жали серпами, а тамъ, гдѣ она была ниже и рѣже, ее косили косами. Въ однѣхъ рубахахъ, распоясавшись и разстегнувши воротъ, косари тянулись другъ за другомъ, выставляли впередъ лѣвую ногу, пріостанавливались, дѣлали взмахъ косой — и подкошенный хлѣбъ валился на землю и лентами тянулся вслѣдъ за косарями. Бабы вязали хлѣбъ въ снопы и клали ихъ на жнивье.

Цѣлые дни Борисъ Дмитричъ проводилъ въ полѣ; тѣмъ не менѣе, больные не переставали навѣщать его. Рѣдкое утро обходилось безъ нихъ. То лихорадка отнимала и руки, и ноги, то зубная боль не позволяла работать. Одинъ косой порѣзался, другаго змѣя ужалила, третьяго возомъ придавило, съ четвертымъ какой-то припадокъ сдѣлался: косилъ-косилъ и вдругъ грохнулся на землю и пѣна изо рта пошла. И всѣ эти страждущіе шли къ Борису Дмитричу, выстраивались возлѣ крылечка, стонали, ныли и передавали свои «бόлѣсти». И Борисъ Дмитричъ, сдѣлавшій запасъ коекакихъ медикаментовъ и травъ, лечилъ и оказывалъ пользу. Касторовое масло, арника, мелилотный пластырь, летучая мазь и

полынь дѣлали свое дѣло, и больные выздоравливали. Медицинская слава Бориса Дмитрича росла не по днямъ, а по часамъ. Въ деревнѣ стóитъ только вылечить одного, какъ сотни людей узнаютъ объ этомъ. Въ докторовъ народъ не вѣритъ потому, что доктора̀ народа не любятъ. Доктора̀ — тѣ-же чиновники, тѣ-же исправники, становые, тѣ-же земскіе слуги, служащіе не ради дѣла, а ради одного содержанія, наградъ, чиновъ и орденовъ. Народъ идетъ къ докторамъ только въ крайнихъ случаяхъ, и грубое, начальническое обращеніе окончательно отталкиваетъ его отъ этихъ людей. Докторамъ подражаютъ и подчиненные имъ фельдшера. Вотъ почему врачъ-благотворитель чуть не боготворится народомъ. Дѣло дошло до того, что больные, никогда даже не видавшіе Бориса Дмитрича, а только слыхавшіе объ немъ, начали видѣть его въ своихъ сновидѣніяхъ и, послушные этимъ указаніямъ свыше (такъ, по крайней мѣрѣ, думали они), съ полной вѣрой въ сверхъестественныя силы Бориса Дмитрича, спѣшили къ нему за помощью.

За то, съ наступленіемъ праздника, когда Борисъ Дмитричъ могъ вполнѣ распоря-

жаться своимъ временемъ, онъ съ ребяческою радостію предавался отдыху и, взявъ ружье, шелъ на охоту. По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ.

Въ одинъ изъ такихъ-то праздничныхъ дней, съѣхались въ Ольшанку Бурьяновъ, генералъ Севастополевъ и становой Панталоновъ. Первые трое пріѣхали отдать визитъ, а послѣдній — сдѣлать визитъ. Свинорылинъ, а равно Подлазовъ, Подмазовъ, Подрѣзовъ и Подчищаевъ не пріѣхали вовсе. Дмитрій Иванычъ былъ тѣмъ болѣе радъ гостямъ, что именно въ этотъ день на мельницѣ, по случаю ея окончанія, предположено было отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Такъ какъ Борисъ Дмитричъ ушелъ на мельницу съ утра и о пріѣздѣ гостей ничего не зналъ, то онъ не мало удивился, когда, часовъ въ двѣнадцать дня, вся эта компанія подъѣхала къ мельницѣ. Прибылъ и Обертышевъ и, какъ спеціалистъ по этой части, пустился въ подробный осмотръ механизма. Шутникъ-священникъ выразилъ свое удовольствіе по поводу окончанія мельницы и замѣтилъ при этомъ, что съ каждой лишней мельницы попу перепадетъ лишній мѣшокъ муки. Онъ обла-

чился и молебенъ начался. Дьяконъ и дьячки были тоже рады этому случаю и потому лѣзли вонъ изъ кожи, желая перекричать другъ друга, а когда, во время погруженія креста, жернова вдругъ завертѣлись и въ лари посыпалась мука, то они такъ громко запѣли «Спаси, Господи, люди твоя», что даже заглушили гулъ чугунныхъ снастей. Молебенъ кончился, священникъ поздравилъ съ окончаніемъ мельницы и опять-таки шуточками заявилъ, что первая мука должна поступить къ попамъ. Такъ и было сдѣлано. Послѣ молебна тутъ же на мельницѣ былъ устроенъ завтракъ, а послѣ завтрака вся компанія отправилась въ домъ.

Гости пробыли въ Ольшанкѣ цѣлый день. Они осмотрѣли заводъ, овчарни, только-что выписанную молотильную машину, раза два купались и вплоть до ночи пили и ѣли. Послѣ обѣда, всѣ гости отправились на сѣновалъ и проспали тамъ вплоть до ужина. За ужиномъ опять была выпивка, а затѣмъ подвыпившіе значительно гости отправились по домамъ. Становой поѣхалъ ночевать къ Обертышеву, и часамъ къ двѣнадцати ночи въ Ольшанскомъ домѣ все спало уже крѣпкимъ сномъ.

Насколько Дмитрій Иванычъ былъ доволенъ пріѣздомъ гостей (ибо въ этомъ онъ видѣлъ нѣкоторые шансы въ пользу сына), настолько Борисъ Дмитричъ былъ таковымъ недоволенъ. Окончаніе мельницы онъ думалъ отпраздновать иначе, а теперь день этотъ онъ считалъ какъ-бы пропавшимъ.

Прошло еще съ мѣсяцъ. Хлѣбъ съ полей былъ убранъ, свезенъ на гумно, и на гумнѣ шла усиленная молотьба. Обмолоченный и перевѣянный хлѣбъ везли на мельницу, а съ мельницы привозили мѣшки съ мукой и складывали ихъ ярусами въ амбары. Контрактъ съ Обертышевымъ на поставку муки и хлѣба былъ заключенъ, и совершенно иная дѣятельность закипѣла въ Ольшанской усадьбѣ. Теперь не раздавался тамъ ни стукъ топора, ни визгъ пилъ, ни желѣзный громъ кровельщиковъ, за то съ утра до ночи весь дворъ былъ уставленъ подводами съ хлѣбомъ. Въ настежь отворенныя двери амбаровъ ныряли мужики съ мѣшками и мѣрами, и, считая эти мѣры и мѣшки, пріемщики мѣтили мѣломъ количество принятаго хлѣба. Всѣ косяки, всѣ закормà, всѣ двери амбаровъ пестрѣли бѣлыми крестами, кружкàми и чертами. При-

шлось завести контору; ее помѣстили въ одномъ изъ флигелей, поставили два стола, завели книги, кассу, и трое конторщиковъ работали за этими столами по цѣлымъ днямъ. Обертышевъ пріѣзжалъ чуть-ли не каждый день; онъ получалъ квитанціи на доставленный хлѣбъ и квитанціи эти пряталъ въ большой кожаный бумажникъ. Дѣйствовалъ онъ на-славу. Въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли скупилъ весь хлѣбъ въ околоткѣ по дешевой цѣнѣ, часть этого хлѣба мололъ на своей мельницѣ и доставлялъ мукой, а другую часть сдавалъ зерномъ. Между тѣмъ, предположенія его начинали сбываться. Хлѣбъ въ цѣнѣ поднимался не по днямъ, а по часамъ, Самарской губерніи грозилъ голодъ, въ уѣздахъ Саратовской губерніи, а именно: Вольскомъ, Камышинскомъ, Царицынскомъ, Хвалынскомъ, Аткарскомъ и Петровскомъ, урожай ржи былъ настолько плохъ, что нечѣмъ было обсѣменять полей. Тамбовская губернія тоже страдала отъ неурожая. Начали собираться экстренныя земскія собранія; земство стало покупать рожь въ ссуду крестьянамъ, и цѣна на рожь поднялась до небывалыхъ размѣровъ. «Житница Россіи» обнищала,

голодный народъ цѣлыми толпами нищенствовалъ и питался хлѣбомъ съ разными примѣсями. Хлѣбные торговцы, имѣвшіе запасы, приперли свои магазины и, въ ожиданіи еще большаго возвышенія цѣнъ, не продавали ни зерна. Куколь и картофель перемалывались въ муку и служили суррогатами хлѣба. Голодная страна молила о помощи, а дешевый тарифъ къ Петербургу увлекалъ хлѣбъ туда. Десятки лѣтъ голодающая «житница» кормила Петербургъ, а теперь Петербургъ не хотѣлъ кормить житницу. Дешевый тарифъ къ сѣверу и дорогой къ юго-востоку не измѣнился даже въ виду голода. Валюта рубля усиливала еще болѣе бѣду. Земство и города брали ссуды, но ссуды эти были недостаточны. Несвоевременная выдача сѣмянъ оттянула посѣвы, а недостаточность сѣмянъ уменьшила размѣры посѣвовъ. Въ такой мутной водѣ хорошо было ловить рыбу. Явились благодѣтели народа. Какъ война родитъ героевъ, такъ и голодъ родитъ благодѣтелей, благодѣтели эти предлагали городамъ и свои деньги, и свой хлѣбъ, и пользовались случаемъ. Гнилой хлѣбъ сходилъ за хорошій; капиталы отдавались по шести процентовъ

на сроки, но за каждый просроченный мѣсяцъ полагалась неустойка. Благодѣтели знали очень хорошо, что въ срокъ заплатить будетъ нечѣмъ, и считали барыши. Мѣстныя газеты, органы мѣстныхъ нуждъ, пѣли гимны благодѣтелямъ, ибо порицать ихъ было нецензурно. Прорвутся, бывало, какихъ-нибудь двѣ-три строки, полныя и состраданія, а на другой день длинное опроверженіе, и правда замирала въ своемъ зародышѣ. Хлѣбъ дорожалъ, а заработная плата падала въ цѣнѣ. Борьба капитала съ трудомъ оказалась непосильною; пришлось покориться. Безграмотный, голодный мужикъ пріунылъ, обозлился и, не находя молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами, пустился воровать. Уѣздная и городская полиція то и дѣло составляла акты, ловила воровъ и преслѣдовала ихъ узаконеннымъ порядкомъ.

Обертышевъ торжествовалъ. Покупку ржи онъ началъ еще въ среднихъ числахъ іюля и, предвидя высокую цѣну на этотъ хлѣбъ, покупалъ его по 70 и 80 коп. за пудъ. Цѣна небывалая. Князь Хабебуловъ, контора Хорватовыхъ, контора Протасовыхъ и всѣ окрестные мелкіе землевладѣльцы по-

спѣшили запродать Обертышеву свою рожь и были въ восторгѣ отъ сдѣланнаго гешефта. Обертышевъ роздалъ имъ всѣмъ задатки, заключилъ солидные договоры и съ договорами этими полетѣлъ по разнымъ банкамъ. Какъ онъ говорилъ, такъ и случилось. При видѣ договоровъ, дѣйствительно, замки банковъ «заскрипѣли», и, съ помощью дутыхъ векселей, Обертышевъ заручился массою денегъ. Съ туго-набитымъ карманомъ онъ вернулся домой и засыпалъ край кредитными билетами.

Обертышевъ не дремалъ и насчетъ кабаковъ. Не было села, не было деревни, въ которой не развѣвался-бы побѣдоносный кабацкій флагъ Обертышева. Онъ спаивалъ стариковъ, спаивалъ волостныхъ старшинъ, волостныхъ писарей, сельскихъ старостъ и съумѣлъ подавить всѣхъ мелкихъ виноторговцевъ. Онъ щедро платилъ обществамъ за право торговать водкой и понималъ очень хорошо, что щедроты эти окупятся сторицей. Про Обертышева узнали и заводчики сосѣднихъ уѣздовъ. Другъ передъ другомъ засылали къ нему съ предложеніемъ доставлять вино, но Обертышевъ оставлялъ ихъ въ невѣдѣніи и въ тайнѣ сохранялъ свои планы.

Между тѣмъ, приближалось время и земскаго собранія, а слѣдовательно и выбора мировыхъ судей. По мѣрѣ приближенія времени этого, Дмитрій Иванычъ становился все тревожнѣе и тревожнѣе. Чуть не каждый день ѣздилъ онъ къ своему другу Бутенко, ѣздилъ къ Обертышеву, къ генералу Севастополеву, Бурьянову и всячески старался заручиться ихъ дружбой. Разъ какъ-то Дмитрій Иванычъ пропадалъ даже цѣлую недѣлю и уѣхалъ изъ дома, никому ничего не сказавши. Борисъ Дмитричъ даже началъ безпокоиться, и только впослѣдствіи оказалось, что Дмитрій Иванычъ, вмѣстѣ съ Бутенко, совершилъ объѣздъ дальнихъ помѣщиковъ. Онъ исколесилъ чуть-ли не весь уѣздъ, переваливался черезъ горы, переѣзжалъ лѣса и дебри, переправлялся черезъ рѣки на паромахъ, вбродъ и по гнилымъ мостамъ; раза два завязалъ въ трясинахъ, ломалъ тарантасъ, разъ даже, заблудившись, принужденъ былъ переночевать въ степи, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки успѣлъ побывать у всѣхъ, у кого побывать слѣдовало. Въ виду предстоящаго собранія, повсюду, куда-бы только ни пріѣхалъ Дмитрій Иванычъ, только и было разговоровъ, что о

земствѣ. Дѣйствительно, собраніе это представляло много интереснаго, не потому, что собранію приходилось разрѣшить вопросъ о продовольствіи голодающихъ, объ обсѣмененіи яровыхъ полей, о принятіи мѣръ противъ распространявшагося дифтерита, а собственно потому, что приходилось выбирать предсѣдателя, членовъ управы и мировыхъ судей. Вопросъ этотъ интересовалъ всѣхъ, и весь уѣздъ только и говорилъ о немъ.

По окончаніи путешествія, Дмитрій Иванычъ словно повеселѣлъ, и хотя онъ, по прежнему, чуть-ли не въ каждомъ домѣ встрѣчался съ Панталоновымъ, но на встрѣчи эти смотрѣлъ уже не съ тѣмъ опасеніемъ, какъ прежде. Опасеніе исчезло въ виду того ласковаго, даже дружескаго пріема, который Дмитрій Иванычъ встрѣчалъ повсюду. Всѣ принимали его чуть не съ распростертыми объятіями, разспрашивали про сына, говорили, что слышали о немъ много хорошаго, и сожалѣли, что хозяйственныя заботы не дозволяли ему побывать у нихъ. Предводитель дворянства былъ такъ ласковъ съ Дмитріемъ Иванычемъ, что даже оставилъ его у себя ночевать. Дмитрій Иванычъ чуть не

прослезился отъ этого вниманія и увлекся до того, что сообщилъ секретно предводителю о планахъ Бориса баллотироваться въ судьи. Предводитель былъ въ восторгѣ. Онъ разсыпался передъ Дмитріемъ Иванычемъ въ любезностяхъ, далъ ему слово «повліять» на земскомъ собраніи, заранѣе поручился за успѣхъ, сообщилъ, что собраніе его любитъ, слушаетъ его, и кончилъ тѣмъ, что за дворянъ онъ всегда «стоитъ горой» и всегда былъ и есть противъ всевозможныхъ «выскочекъ». Онъ намекнулъ при этомъ на Панталонова и выразилъ удивленіе, что подобные люди осмѣливаются помышлять о занятіи столь важныхъ постовъ, для которыхъ требуются люди съ именемъ, состояніемъ и солидными образованіемъ. Отъ предводителя Дмитрій Иванычъ выѣхалъ совершенно счастливымъ и о Панталоновѣ болѣе уже не думалъ.

Пріѣхавъ домой, онъ, однако, все-таки уговорилъ сына отдать визитъ Панталонову. На поѣздку эту Борисъ Дмитричъ согласился охотно, ибо былъ почти увѣренъ, что они не застанутъ его дома; но вышло такъ, что Панталоновъ, какъ нарочно, нетолько былъ дома, но даже въ этотъ самый день

праздновалъ день своего рожденія. У него были въ гостяхъ почти всѣ окрестные помѣщики, а равно и всѣ болѣе или менѣе вліятельные купцы, не исключая Обертышева и Свинорылина. Докторъ Белярминовъ, какъ искреннѣйшій другъ Панталонова, конечно, былъ тоже въ числѣ гостей. Пріѣзду Кургановыхъ становой Панталоновъ былъ очень радъ. Онъ обнялъ и расцѣловалъ Бориса Дмитрича, съ чувствомъ почтенія и признательности пожалъ руку Дмитрію Иванычу, а когда тѣ, выпивъ по стакану чая, стали собираться домой, то Панталоновъ сталъ въ дверяхъ, растопырилъ руки и, преградивъ такимъ образомъ всякій путь къ отступленію, рѣшительно объявилъ, что онъ сочтетъ за оскорбленіе, если Дмитрій Иванычъ и Борисъ Дмитричъ откажутся отъ его хлѣба-соли.

Пришлось остаться.

Однако, хлѣбъ-соль эта была въ довольно грандіозныхъ размѣрахъ. Столъ, уставленный закусками, винами и водками всевозможныхъ сортовъ, доказывалъ, что амфитріонъ не жалѣлъ денегъ. На столѣ этомъ красовались батареи бутылокъ, всевозможныхъ форматовъ и размѣровъ, и самая раз-

нообразнѣйшая закуска. Тутъ была и свѣжая зернистая икра, и балыкъ, и разныхъ сортовъ сыръ, и жестянки съ омарами, анчоусами, превосходныя сельди, и даже были маринованныя устрицы. Устрицъ, впрочемъ, никто не ѣлъ, а впослѣдствіи расходившійся докторъ Белярминовъ даже выкинулъ ихъ въ окно, объявивъ, что на «мерзость» эту просто тошно смотрѣть. Выходка эта возбудила всеобщій хохотъ, а купецъ Свинорылинъ, давно уже косившійся на устрицъ, пришелъ въ такой восторгъ, что даже обнялъ Белярминова.

Такъ какъ для обѣденнаго стола требовалось слишкомъ большое помѣщеніе, а квартира становаго состояла лишь изъ трехъ, четырехъ маленькихъ комнатъ, то столъ былъ сервированъ въ небольшомъ саду, имѣвшемся при квартирѣ. Садъ этотъ, служившій вмѣстѣ и огородомъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ деревьевъ яблонь и довольно обширной куртины вишень, посреди которой имѣлась полянка, настолько просторная, что могла дать мѣсто обѣденному столу. На этой-то полянкѣ столъ и былъ накрытъ. Съ переходомъ въ садъ, публика сдѣлалась еще свободнѣе, а когда, во время

обѣда, изъ-за кустовъ вишень раздались звуки мѣстнаго оркестра, состоявшаго изъ пяти жидовъ, то всѣ пришли въ неописанный восторгъ. Вино лилось рѣкой, докторъ Белярминовъ, въ качествѣ друга «новорожденнаго», провозглашалъ тосты и требовалъ неотступно, чтобы вино выпивалось до последней капли. Каждый тостъ сопровождался тушами и криками «ура!», а подъ конецъ стали даже кричать «караулъ!» Громче всѣхъ кричалъ Свинорылинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, низко кланяясь, приглашалъ всѣхъ къ своей солдаткѣ. Обѣдъ былъ роскошный: была стерляжья уха, кулебяка, сочный ростбифъ, осетръ, дупеля, бекасы и, наконецъ, нѣсколько сортовъ мороженаго. Послѣ обѣда, командировали сотника за бабами и дѣвками, раздались пѣсни, началась пляска, и г. Панталоновъ переходилъ изъ объятій одного гостя въ объятія другаго. Пляску открыли генералъ Севастополевъ и купецъ Свинорылинъ... Оба они вынули изъ кармановъ платочки и начали съ «казачка». Глядя на нихъ, пустились и остальные, кромѣ доктора Белярминова, котораго пришлось вытащить на рукахъ изъ огорода. Балъ кончился картами, и только часовъ въ

двѣнадцать ночи Дмитрій Иванычъ и Борисъ Дмитричъ воротились домой.

Войдя въ свою комнату, Борисъ Дмитричъ увидалъ на столѣ какую-то записку. Онъ распечаталъ конвертъ и прочелъ слѣдующее: «Мужъ поѣхалъ къ становому, а оттуда проѣдетъ въ городъ. Приходи завтра утромъ въ девять часовъ. Обертышева.»

Ровно въ девять часовъ Борисъ Дмитричъ былъ уже въ знакомомъ намъ домикѣ. Агаѳья Петровна встрѣтила его въ сѣняхъ.

— Милый! дорогой мой! — проговорила она и, припавъ къ нему на плечо, залилась слезами.

— Чтó съ тобой? — спросилъ испуганный Борисъ Дмитричъ.

— А то, что я безъ тебя жить не могу! И, схвативъ руками голову Бориса Дмитрича, она принялась осыпать его поцѣлуями.

XV

НАКОНЕЦЪ, наступила пора выборовъ, и Дмитрій Иванычъ, вмѣстѣ съ сыномъ отправились въ городъ. Единственная городская гостиница была переполнена съѣхавшимися землевладѣльцами, такъ что въ одномъ номерѣ стояло по три и по четыре кровати. Дмитрію Иванычу пришлось остановиться поэтому на какомъ-то постояломъ дворѣ, въ небольшой комнаткѣ, оклеенной желтенькими обойцами и съ двумя небольшими окошками, обращенными на улицу. Отдохнувъ немного отъ дороги и напившись чаю, Дмитрій Иванычъ побѣжалъ разузнавать: «что и какъ?»,

а Борисъ Дмитричъ отправился гулять по городу. Городъ опять гудѣлъ колоколами, воздухъ опять былъ пропитанъ запахомъ сивухи, калачей и рогожъ. За то по улицамъ замѣчалось особенно усиленное движеніе. Красные околыши дворянскихъ фуражекъ съ кокардами (дворянство въ послѣднее время особенно ухватилось за эти фуражки) попадались то и дѣло. Дворяне бродили пѣшкомъ, разъѣзжали на извощикахъ и при встрѣчѣ кричали на всю улицу:— «А! давно-ли, гдѣ остановились? Въ клубѣ будете?» или: — «Что, и вы пожаловали!» — «Еще-бы! Всему міру свиданье!...» И, обмѣнявшись таковыми вопросами и отвѣтами, расходились въ разныя стороны. Главные изъ разночинцевъ тоже сновали взадъ и впередъ по улицамъ, щеголяли своими поддевками и чуйками и затѣмъ пили чай въ трактирахъ. Глядя на пріѣхавшихъ, высыпали на улицу и мѣстные обыватели. Встрѣчались красивые фаэтоны, шарабаны, пролетки. Кто-то пролетѣлъ даже на кровномъ ворономъ рысакѣ и, обдавъ Бориса Дмитрича цѣлымъ облакомъ пыли, скрылся, завернувъ на уголъ переулка. Попадавшіеся знакомые, при видѣ Бориса Дмитрича, лю-

безно раскланивались, справлялись о здоровьѣ, а незнакомые осматривали съ ногъ и до головы и долго еще потомъ провожали взглядами. Кажется, любопытство это болѣе всего возбуждалось петербургскимъ покроемъ платья, не похожимъ на покрой мѣстныхъ «парижскихъ и лондонскихъ» портныхъ. Такого пиджака и такой фуражки, какіе были на Борисѣ Дмитричѣ, не имѣлось ни у кого. На одной изъ улицъ встрѣтился ему Панталоновъ. Онъ ѣхалъ съ женой доктора Белярминова въ шарабанѣ и окончательно блестѣлъ своими пуговицами, жгутами и петлицами. При видѣ Бориса Дмитрича онъ пріятно улыбнулся, послалъ ему воздушный поцѣлуй и, въ то же время нагнувшись къ Белярминовой, шепнулъ ей что-то на ухо, вслѣдствіе чего дама подарила Бориса Дмитрича особенно продолжительнымъ взглядомъ. Встрѣтилъ также Борисъ Дмитричъ и Бурьянова. Онъ только-что въѣзжалъ въ городъ, вмѣстѣ съ женой, и, увидавъ Бориса Дмитрича, чуть не выскочилъ изъ тарантаса.

— Стой, стой!—кричалъ онъ.

— Здравствуйте, Борисъ Дмитричъ! — крикнула въ свою очередь Марья Семеновна.

— Давно-ли? — ревѣлъ Бурьяновъ.

Борисъ Дмитричъ подошелъ къ остановившемуся тарантасу и поздоровался съ пріѣхавшими.

— Гдѣ остановились?

— На постояломъ дворѣ.

— А въ гостиницѣ номеровъ нѣтъ?

— Ни одного.

— Много нашихъ?

— Всѣ почти.

— Отлично. Нѣтъ. я остановлюсь на Проломной, у одного знакомаго купца Бородулина! я всегда у него останавливаюсь.

— Заходите, — проговорила Марья Семеновна и, протянувъ Борису Дмитричу маленькую ручку, стянутую изящной шведской перчаткой, слегка пожала ему руку. — Зайдете... да?

— Непремѣнно.

Пріѣзду «Машеньки» Борисъ Дмитричъ обрадовался очень и порѣшилъ вечеромъ-же воспользоваться приглашеніемъ.

Между тѣмъ, Дмитрій Иванычъ успѣлъ уже обѣгать всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ побывалъ у исправника, у предсѣдателя земской управы, у предводителя, завернулъ въ гостиницу и обошелъ всѣ номера, зани

маемые помѣщиками. — «Всему міру свиданье! всему міру!...» кричалъ онъ, здороваясь съ помѣщиками, и пускался съ ними въ бесѣду. Помѣщики размѣстились, словно солдаты въ казармахъ. Кто пристроился на кровати, кто на диванѣ, кто на полу. Всѣ сни, бо́льшею частію, были въ халатахъ, жаловались на отвратительныя дороги, ругали исправника за мосты и гати и кряхтѣли, расправляя поясницы. Нѣкоторые пили чай, нѣкоторые обѣдали. На окнахъ виднѣлись колбаса, яблоки, сахаръ, чай и тутъ-же рядомъ ордена и медали. На полу валялись раскрытые чемоданы и сундучки, въ которыхъ лежали пересиненные крахмаленыя сорочки, носовые платки и полотенцы. На стульяхъ были развѣшены сюртуки, визитки, жилеты. Словомъ, хаосъ былъ по́лнѣйшій. Единственный въ гостиницѣ нумерной, по имени Никита, бѣгалъ изъ одного номера въ другой и не поспѣвалъ выполнять требованій пріѣхавшихъ.

— Никита̀!—кричали изъ одного номера.

— Никита̀, тра-та-та! — раздавалось изъ другаго.

— Скоро-ли сапоги? — слышалось изъ третьяго.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ Никита и метался, какъ угорѣлый.

Переговоривши со всѣми знакомыми, Дмитрій Иванычъ переходилъ въ другой номеръ.

Въ одномъ изъ трактирчиковъ, а именно подъ вывѣскою «Утренняя Заря», за небольшимъ столомъ, за которымъ пили чай Обертышевъ и еще двое-трое купцовъ, шелъ разговоръ про Бориса Дмитрича. Купцы разспрашивали Обертышева.

— Ну что, каковъ?

— Человѣкъ ничего, дѣльный во всѣхъ статьяхъ, — говорилъ Обертышевъ, отгрызая сахаръ: — хозяйственный, смѣтливый и ухватистый. У него дѣло изъ рукъ не вывалится. Кабы не онъ, такъ старикъ-атъ совсѣмъ-бы пропалъ. Заводъ и мельницу такъ отдѣлалъ, что заглядѣться можно; винокура изъ-за границы выписалъ. А теперича школу открыть собирается, ребятъ учить хочетъ. Господинъ хорошій.

И потомъ, какъ-бы вздохнувъ, прибавилъ:

— Ну, а насчетъ судейства врядъ-ли подойдетъ.

— А что?

— Да такъ, по самымъ его разговорамъ надо понимать, что совсѣмъ не въ ту сторону гнетъ.

Въ это самое время въ трактирчикъ влетѣлъ становой Панталоновъ.

— А! друзья! — крикнулъ онъ: — вотъ они гдѣ! Что? «брюхомойчикомъ» пробавляетесь?

Купцы привстали.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Ну-ка, и я къ вамъ подсяду.

— Милости просимъ-съ.

Одинъ изъ купцовъ бросился за стуломъ и, подавъ его Панталонову, проговорилъ:

— Пожалуйте-съ.

— Спасибо.

— Чайку позвольте-съ. Эй, мальчикъ! стаканчикъ да блюдце!...

Становой вздохнулъ, посмотрѣлъ на часы и, увидавъ, что было уже девять часовъ вечера, замѣтилъ:

— А что, еслибы водочки?

— Это будетъ много фундаментальнѣе, — подхватилъ Обертышевъ.

Купцы тоже выразили удовольствіе.

— Ну вотъ, и отлично, — замѣтилъ Панталоновъ. — мы люди деревенскіе, живемъ

попросту безъ затѣй, не то что вы, городскіе.

И, подозвавъ половаго, приказалъ подать графинъ водки, а на закуску холодной ветчины. Выпивъ водки и побесѣдовавъ съ купцами, Панталоновъ вынулъ серебряное портмоне, расплатился и, поблагодаривъ купцовъ и Обертышева за компанію, отправился въ номера. Въ номерахъ онъ обошелъ всѣхъ пріѣхавшихъ и всѣхъ приглашалъ въ клубъ; а минутъ черезъ десять цѣлая толпа, человѣкъ въ двадцать, съ Панталоновымъ во главѣ, пробиралась по темной, неосвѣщенной улицѣ, направляясь къ большому деревянному дому, окна котораго горѣли яркими огнями. Это и былъ «коммерческій клубъ».

Въ то-же самое время, по базарной площади пробирался въ тотъ-же клубъ и Дмитрій Иванычъ. Онъ чуть не столкнулся съ Обертышевымъ, возвращавшимся изъ трактира.

— А, сосѣдъ дорогой! — крикнулъ Дмитрій Иванычъ: — далеко-ли?

— Ко дворамъ-съ, на боковую.

— Что такъ рано?

— Да чего-же дѣлать-то!... Безъ привычки въ городѣ-то скучновато какъ-то-съ.

— Это точно; тоска! не знаешь куда и дѣваться. А въ клубъ не пойдете?

— Нѣтъ-съ, мы туда не ходимъ-съ, потому нашему брату дѣлать тамъ нечего-съ.

— И это тоже правда,—замѣтилъ Дмитрій Иванычъ.

И затѣмъ, взявъ Обертышева подъ руку и отведя его къ сторонкѣ, онъ спросилъ таинственно:

— Ну что, сосѣдушка, какъ?

— Насчетъ чего это-съ?

— Да насчетъ Бори-то? Что ужь, скрывать теперь нечего, всѣмъ извѣстно. Вы видѣлись, что-ли, съ гласными-то?

— Видѣлся.

— Ну что, какъ? выберутъ, что-ли, его?

— Надо полагать, что выберутъ, потому всѣ съ большой похвалой относятся.

— Ужь вы, пожалуйста, Константинъ Иванычъ, поговорите съ вашими-то. Вамъ вѣдь хорошо извѣстно, каковъ мой Боря. Сами видѣли. Молодой человѣкъ дѣльный, работящій... Вѣдь онъ меня изъ мертвыхъ воскресилъ! Кабы не онъ, совсѣмъ-бы запутался! Человѣкъ онъ ученый, юристъ — чего-же еще? Онъ можетъ быть полезнымъ для общества. Душа у него честная, добрая...

— Наше купечество-съ положительно за него-съ! — перебилъ его Обертышевъ.

— За него?

— За него-съ.

— А какъ Свинорылинъ?

Но Обертышевъ только рукой махнулъ.

— Свинорылинъ совсѣмъ не годится-съ.

— Почему?

— Да очень просто-съ. Солдатку онъ привезъ свою, дарственную ей пишетъ на свой участокъ, и теперь у него съ нотаріусомъ такое пьянство идетъ, что святыхъ вонъ уноси. Докторъ Белярминовъ еще къ нимъ присосѣдился, ну и пьютъ съ утра до ночи. Исправникъ къ нимъ уже городоваго приставилъ для наблюденія, значитъ, чтобы не случилось чего.

— Такъ вы говорите, что купечество за Бориса?

— За него-съ. Только вотъ не знаю, какъ дворянство.

— На дворянъ-то я надѣюсь! — весело подхватилъ Дмитрій Иванычъ. — Это — свои люди, они поддержатъ! Все-таки свой человѣкъ, мѣстный дворянинъ, мальчишкой еще знали его...

— А коли такъ, значитъ и сомнѣваться нечего-съ.

— А все-таки тамъ своимъ-то поговорите!...

— Я поговорю-съ.

— Пожалуйста!

И, поблагодаривъ Обертышева, Дмитрій Иванычъ направился въ клубъ.

Борисъ Дмитричъ, между тѣмъ, сидѣлъ у Бурьяновой.

Никогда еще онъ не былъ такъ доволенъ этой встрѣчей, какъ въ настоящее время. Весь вечеръ просидѣлъ онъ у нея, и такъ какъ самъ Бурьяновъ былъ въ клубѣ, то никто не мѣшалъ ихъ дружеской бесѣдѣ. Вспоминая прошлое, вспоминая дѣтскіе годы, проведенные вмѣстѣ, а затѣмъ и существовавшую когда-то между ними любовь, не выходившую, впрочемъ, изъ предѣловъ поэтическихъ мечтаній, Борисъ Дмитричъ невольно забылъ то отвратительное положеніе, въ которомъ находился по случаю предстоявшихъ выборовъ. Онъ сознавалъ очень хорошо, что понравиться обществу не съумѣлъ, что симпатіи не на его сторонѣ, и въ то-же время не желалъ огорчать отца отказомъ.

Вотъ почему онъ цѣлый вечеръ провелъ у Бурьяновой и только въ двѣнадцать часовъ ночи отправился домой, обѣщавъ Марьѣ Семеновнѣ завтра съ утра забраться къ ней на весь день.

Проходя мимо клуба, Борисъ Дмитричъ хотѣлъ было зайти и посмотрѣть, что тамъ дѣлается, но раздумалъ и пошелъ домой.

Въ клубѣ между тѣмъ царило полнѣйшее оживленіе. Тамъ была вся интеллигенція города и всѣ съѣхавшіеся помѣщики. Нѣкоторые играли въ карты, нѣкоторые на билліардѣ, а нѣкоторые просто занимались краснобайствомъ. Нечего говорить, что краснобайство это большею частію раздѣлывало «злобу дня», т. е. нужды земства. Земскіе слуги, имѣя въ виду предстоящее собраніе, другъ передъ другомъ передавали гласнымъ о трудностяхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, жаловались на упущенія по этому случаю собственныхъ своихъ дѣлъ, упоминали про «свою рубаху», плакались на разстроенное здоровье, на дороговизну «харча», подводили гласныхъ къ буфету и намекали объ увеличеніи содержанія. Увеличеніе содержанія требовалось чуть-ли не всѣми, не только людьми, слу-

жащими земству, но и людьми, состоящими на коронной службѣ, а равно и лицами, занимающимися совершенно посторонними профессіями. Въ числѣ послѣднихъ, разсказывали, даже была игуменья мѣстнаго женскаго монастыря, намѣревавшаяся хлопотать о земской субсидіи. Исправникъ, помощникъ его, становые, казначей, судебные слѣдователи, всѣ трактовали о «своей рубахѣ», о дороговизнѣ «харча» и высказывали свои надежды на земство. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ преній о продовольствіи голодающаго народа, но пренія эти продолжались недолго, ибо порѣшили во-первыхъ, что голода особеннаго нѣтъ, что голодъ «раздули» газеты, а во-вторыхъ—всѣ единогласно признали, что всѣ эти «любезныя одолженія» только разовьютъ въ мужикѣ тунеядство и лѣность и разовьютъ въ немъ вредныя мечтанія о «сложарукости». Часовъ въ двѣнадцать ночи, ворвался въ клубъ докторъ Белярминовъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза его дико блуждали во всѣ стороны, между тѣмъ какъ въ рукахъ была газета, которою онъ потрясалъ въ воздухѣ. Оказалось, что въ газетѣ какой-то неизвѣстный

писака «протащилъ» доктора, сообщивъ въ юмористическомъ тонѣ всѣ его подвиги въ качествѣ земскаго врача и окончивъ статью извѣщеніемъ, что желающіе видѣть земскаго врача Б. въ трезвомъ видѣ могутъ обращаться къ нему отъ шести до семи часовъ утра. Статья эта надѣлала много шума, газета переходила изъ рукъ въ руки, читалась вслухъ. Принялись соображать, кто-бы могъ быть ея авторомъ,—порѣшили, что авторъ ея никто иной, какъ красноносый Тихоновъ, и, порѣшивъ это, возмутились духомъ, упомянули о какомъ-то «сорѣ въ избѣ» и принялись уговаривать доктора Белярминова возбудить противъ автора преслѣдованіе за диффамацію. Уговаривать его было нечего, ибо въ карманѣ его находилось уже требованіе въ редакцію газеты о сообщеніи имени автора; это требованіе раздраженный Белярминовъ и прочелъ вслухъ всему обществу.

Покончивъ съ дѣломъ о диффамаціи и порѣшивъ, что надо же, наконецъ, сократить этихъ писакъ, дерзость которыхъ начинаетъ превышать всякую мѣру, общество немного поуспокоилось и принялось за ужинъ. Тарелки съ *мозгами*, *антреко-*

тами, бистекомъ, беломотомъ (бёфъ а ля модъ) то и дѣло приносились прислугой и ставились на столъ. Генералъ Севастополевъ, успѣвшій уже выпить съ оскорбленнымъ докторомъ и становымъ Панталоновымъ по нѣскольку рюмокъ водки, потребовалъ шампанскаго; ему послѣдовалъ Бурьяновъ, обыгравшій кого-то въ карты рублей на пятьсотъ, а глядя на нихъ—потребовали шампанскаго и остальные сидѣвшіе за столомъ, въ томъ числѣ и несчастный Дмитрій Иванычъ, котораго весь вечеръ била «земская лихорадка». Пошли взаимныя угощенія, чоканья бокалами, изліянія дружбы, и кончилось тѣмъ, что публика насилу могла разойтись по домамъ и квартирамъ. Генералъ Севастополевъ, Бурьяновъ и докторъ Белярминовъ не могли сдѣлать и этого и сидѣли словно пригвожденные къ своимъ мѣстамъ, пока явился на помощь Панталоновъ и развезъ ихъ.

Выборъ управы и судей, конечно, былъ назначенъ подъ конецъ собранія. Практикуется это, во-первыхъ, съ цѣлію удержать гласныхъ, которые иначе непремѣнно-бы разъѣхались на другой-же день послѣ открытія собранія, а во-вторыхъ—и потому,

чтобы продолжительностію преній отнять у гласнаго всякую самостоятельность въ дѣлѣ метанія шаровъ и внѣдрить въ немъ тоску по родинѣ, выражающуюся словами: «а, чортъ васъ побирай, лишь-бы удрать поскорѣе!» Долголѣтняя земская практика указала на практичность такихъ пріемовъ, и потому бросать ихъ не предвидится никакой существенной надобности. Тоска по родинѣ овладѣваетъ всѣми; гласные-же изъ крестьянъ, лошади которыхъ во время преній успѣли уже поѣсть привезенные изъ дому овесъ и сѣно, тоскѣ этой не предвидятъ конца и, побираясь по гласнымъ изъ дворянъ, ждутъ выборовъ какъ манны небесной.

То-же самое повторилось и въ настоящее время. Собраніе было шумное. Отчеты управы и раскладка на будущій годъ разсматривались цѣлыхъ шесть дней. Мѣстные ораторы громили управу, изощрялись въ красноречіи, оставались при своемъ мнѣніи и мнѣній этихъ никогда письменно не представляли. Управа, слушая эти громы, посмѣивалась себѣ въ бороду и вмѣстѣ съ тѣмъ играла въ угнетенную невинность. Обширная зала земскаго собранія представ-

ляла собою крайне оживленный видъ; весь городъ собирался въ эту залу и, играя «въ земство», проводилъ тамъ весь день съ утра и до ночи. Пріѣхавшая въ городъ, по случаю земскаго собранія, какая-то странствующая труппа голодныхъ актеровъ и возвѣстившая о спектаклѣ съ земскою пьесою г. Виктора Александрова «Змѣй Горынычъ», такъ и осталась при одномъ «зміѣ», ибо, кромѣ Свинорылина съ солдаткой да пьянаго Белярминова, въ театрѣ никого не было. Дамы изощрялись въ костюмахъ, усиленно пудрились и прыскались духами. Городскія барышни подстригли себѣ на лбу волосы, затягивались въ корсеты и еле дышали, сидя въ той-же земской залѣ. Словомъ, все пробудилось.

Панталоновъ хотя и не былъ гласнымъ, но тѣмъ не менѣе не пропускалъ ни одного засѣданія и ежедневно являлся въ сообществѣ помѣщиковъ, квартировавшихъ въ гостиницѣ. Онъ забирался въ гостиницу вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пилъ вмѣстѣ съ помѣщиками чай, закусывалъ и затѣмъ, вмѣстѣ съ ними же, шелъ и въ собраніе. Въ залѣ собранія Панталоновъ держалъ себя развязно и всячески старался казаться

веселымъ, безпечнымъ и даже иногда прибѣгалъ къ шуткамъ, весьма нравившимся гг. гласнымъ. Такъ, напримѣръ, встрѣчаясь съ гласнымъ, онъ съ комизмомъ вскакивалъ съ мѣста, вытягивался во фрунтъ, а затѣмъ начиналъ подобострастно кланяться.

— А! кланяться, небось, началъ! — шутилъ въ свою очередь гласный.

— Не оставьте-съ! — бормоталъ Панталоновъ: — жена вдова, семеро дѣтей...

— Ниже кланяйся!

И когда голова Панталонова достигала чуть не до пола, гласный говорилъ:

— Ладно, хорошо... оцѣнимъ по достоинству!

И Панталоновъ разогнувшись разражался веселымъ хохотомъ, хлопалъ гласнаго по плечу и, обнявъ его талію, называлъ «шутникомъ».

Борисъ Дмитричъ только разъ былъ въ собраніи и то въ качествѣ кавалера Бурьяновой. Какъ ни было скромно его появленіе, однако, оно не осталось незамѣченнымъ. Когда пренія по какому-то вопросу были окончены, и когда предсѣдатель объявилъ о перерывѣ засѣданія на нѣсколько минутъ, Панталоновъ подлетѣлъ къ нѣко-

торымъ гласнымъ и, подмигивая по направленію Бориса Дмитрича, шепталъ суетливо:

— Врагъ, врагъ пришелъ!

И обѣжавъ такимъ образомъ всѣхъ, кого слѣдовало, онъ подлетѣлъ и ко «врагу» и, усѣвшись рядомъ съ нимъ, разсыпался въ любезностяхъ.

— Что это васъ нигдѣ не видно? — говорилъ онъ.

— Я все дома сижу, скучно.

— Ахъ! — вздохнулъ Панталоновъ: — хоть бы ужь поскорѣе кончилось все это.

И приложилъ руку ко лбу.

— Вы тоже баллотироваться будете? — спросилъ Борисъ Дмитричъ такимъ обыкновеннымъ тономъ, такъ просто, что Панталоновъ даже плѣнился этою простотою.

— Да, думаю.

— Много желающихъ помимо насъ съ вами?

— Ахъ, и не говорите! Человѣкъ семь, если не больше. Да тѣ что! Тѣ не страшны. Вотъ вы — это дѣло другое!

— Повѣрьте мнѣ, — проговорилъ Борисъ Дмитричъ: — если я и баллотируюсь, то дѣлаю это единственно для того только, чтобы не идти противъ желанія отца. Не

судейство было на умѣ у меня, но обстоятельства сложились такъ, что иначе поступить невозможно. Старикъ мой дряхлѣетъ, оставить его невозможно. Впрочемъ, слишкомъ опасаться меня вамъ нечего. Я увѣренъ, что вы будете избраны, и заранѣе поздравляю...

Панталоновъ пожалъ Борису Дмитричу руку и замѣтно повеселѣлъ.

— Ахъ, да! —проговорилъ онъ:—читали статейку про нашего доктора?

— Читалъ.

— А знаете, кто писалъ?

— Нѣтъ, не знаю...

— Сначала думали, что Тихановъ, потомъ подумали на васъ...

— На меня? — переспросилъ Борисъ Дмитричъ не безъ удивленія.

— Да, на васъ. Вѣдь у насъ во всякомъ новомъ человѣкѣ видятъ что-то подозрительное, но потомъ дѣло разъяснилось. Белярминовъ потребовалъ отъ редактора формальнымъ образомъ о сообщеніи фамиліи автора, и вотъ сегодня полученъ отвѣтъ. Ну, какъ-бы вы думали: кто авторъ этой статьи?

— Право, не знаю.

— Учитель Обертышева, Любомудровъ! Каковъ? Белярминовъ даже руками развелъ отъ изумленія. Помилуйте! сколько разъ вмѣстѣ съ нимъ пьянствовалъ и вдругъ... обличать! Белярминовъ такъ обозлился, что сегодня же возбудилъ противъ Любомудрова дѣло и преслѣдуетъ его за диффамацію.

Въ эту минуту раздался звонокъ предсѣдателя, гласные зашумѣли, и Борисъ Дмитричъ пожавъ руку Панталонову, подсѣлъ къ Бурьяновой.

Несчастный Дмитрій Иванычъ въ ожиданіи выборовъ даже расхворался. Непривычный образъ жизни (Дмитрій Иванычъ не пропускалъ ни одного засѣданія, такъ какъ тоже былъ гласнымъ), а главное—тревожное состояніе такъ повліяли на старика, что онъ едва передвигалъ ноги. Лицо его пожелтѣло, аппетитъ пропалъ, во рту чувствовалась какая-то горечь, и каждый разъ, возвращаясь домой, онъ, весь словно разбитый, поспѣшно раздѣвался и ложился въ постель. Онъ закутывался одѣялами, шубами, свертывался въ комокъ, и все-таки дрожь не давала ему покоя. Лихорадка била его по цѣлымъ ночамъ, но, тѣмъ не менѣе, утромъ, какъ только часы начинали бить

девять часовъ, Дмитрій Иванычъ поспѣшно вскакивалъ съ постели, поспѣшно умывался, одѣвался и, выпивъ стакана два чаю, бѣжалъ въ собраніе.

Наконецъ, наступила и пора выборовъ. Дѣло это происходило вечеромъ. Публики значительно прибавилось. Дамы разодѣлись по-бальному, барышни затянулись еще туже, и весь этотъ благоухающій цвѣтникъ, усѣвшись на возвышеніи за колоннами, сталъ лорнировать кандидатовъ на должности земскихъ слугъ. Около молоденькихъ и хорошенькихъ толпились кавалеры, какъ молодые, такъ и престарѣлые, и разсыпались въ любезностяхъ. Господа эти обыкновенно становились сзади сидѣвшей дамы, перегибались и, занимая даму разговорами, нескромничали глазами. Желавшіе баллотироваться замѣтно поблѣднѣли и видимо волновались. Становой Панталоновъ надѣлъ новый мундирчикъ и выправилъ воротнички сорочки. Онъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, перевѣсилъ черезъ плечо новую шашку, привинтилъ къ лаковымъ сапогамъ какія-то особенно громкія шпоры, живописно развѣсилъ цѣпочку отъ часовъ и долгое время съ какимъ-то особеннымъ усер-

діемъ натягивалъ на руки бѣлыя замшевыя перчатки. Можно было подумать, что онъ пріѣхалъ не баллотироваться, а собирается танцовать и суетится, разыскивая свою даму. И дѣйствительно, онъ то и дѣло перебѣгалъ отъ одной дамы къ другой, раскланивался, щелкалъ шпорами, и вздыхая просилъ шепотомъ помолиться за него. Другіе кандидаты въ судьи — люди никому неизвѣстные, въ какихъ-то обдерганныхъ пиджакахъ, держали себя какъ-то особнякомъ и видимо старались только о томъ, чтобы ихъ форменныя фуражки, торчавшія подъ мышками, были обращены къ публикѣ кокардами. Люди эти были изъ другихъ губерній, образовательный цензъ ихъ состоялъ изъ долголѣтней службы по судебному вѣдомству, а имущественный—изъ какихъ-то земель въ отдаленныхъ губерніяхъ. Такъ какъ люди эти переѣзжали изъ одного города въ другой, изъ одного земскаго собранія въ другое, выбирая мѣста болѣе захолустныя, и избраніе свое основывали на «авоськѣ»: выберутъ — ладно, а нѣтъ — такъ и не надо, то и къ дѣлу выборовъ они относились весьма хладнокровно. Кандидатовъ этихъ никто по фамиліямъ не

зналъ, и потому гласные изъ крестьянъ не разъ обращались къ предсѣдателю съ просьбою указать имъ такого-то и такого-то кандидата. Тогда предсѣдатель подводилъ къ нимъ того, кого требовалось, объявлялъ фамилію, перечислялъ его права и сообщалъ объ имѣющемся земельномъ цензѣ.

— Съ лица-то, кубытъ, ничего! — разсуждали гласные, съ ногъ и до головы осматривая претендента.

— Ничего, ласковъ, кубытъ.

И, осмотрѣвъ, мужики отходили въ уголъ совѣщаться.

На это засѣданіе явились даже докторъ Белярминовъ и купецъ Свинорылинъ, но такъ какъ оба они значительно пошатывались на ногахъ, то, вмѣсто залы засѣданія, имъ была указана буфетная комната, въ которой они и пробыли весь вечеръ. Дмитрій Иванычъ едва могъ явиться на это засѣданіе, и пришелъ потому только, чтобы у Бориса было однимъ избирательнымъ шаромъ больше. Дмитрій Иванычъ положительно разнемогся и, какъ Борисъ Дмитричъ ни старался уговорить его остаться дома, какъ ни доказывалъ, что одинъ шаръ не можетъ имѣть особеннаго значенія, Дмитрій Ива-

нычъ все-таки пошелъ. Появленіе Бориса Дмитрича въ залѣ произвело даже нѣкоторое волненіе въ публикѣ. Дамы поспѣшили навести на него свои лорнеты, начали перешептываться, а становой снова забѣгалъ, сообщая всѣмъ о приходѣ «врага». На этотъ разъ Борисъ Дмитричъ первый подошелъ къ нему.

— Ну вотъ, наконецъ, и наша участь рѣшается, — проговорилъ онъ.

— Ахъ, и не напоминайте!

— Боитесь?

— Еще-бы!

Борисъ Дмитричъ улыбнулся.

— Да, пожалуй, и я чувствую какую-то неловкость.

Выборы начались съ земской управы. Начали просить «старыхъ», но «старые» отказывались, благодарили за честь, махали руками, говорили, что имъ пора отдохнуть, отходили въ сторону; но, будучи преслѣдуемы толпою гласныхъ, кричавшихъ: «желаемъ, просимъ!»—они прикладывали руки къ сердцу, опять благодарили за честь, плакали отъ умиленія, доказывали, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ, намекали на колкости, выслушанныя ими со

стороны ораторовъ, говорили о чести, опять благодарили, и перекочевывали въ другой конецъ залы. Однако, гласные слѣдовали за ними, и сцены упрашиванія и отказыванія повторялись снова. Дошло до того, что «старые дѣятели управы» отъ преслѣдованія гласныхъ стали взбираться на стулья и на подоконники, но, будучи стаскиваемы даже и оттуда, принимались бѣгать по залу. Зала огласилась хохотомъ, аплодисментами, послышалось топанье бѣгавшихъ ногъ, возгласы: «держи! лови!» и, въ концѣ-концовъ, вся эта игра въ «горѣлки» кончилась тѣмъ, что, къ великой досадѣ задорныхъ ораторовъ, старые дѣятели сдались и снова были избраны на новое трехлѣтіе.

Послѣ избранія управы перешли и къ выбору судей. Стали просить старыхъ; но такъ какъ одинъ изъ старыхъ, а именно судья Бутенко, положительно отъ выборовъ отказался и, выведенный изъ терпѣнія усиленными просьбами, сталъ даже ругаться, то и пришлось оставить его въ покоѣ. Старые судьи, изъявившіе согласіе на продолженіе службы, были выбраны, а затѣмъ начали баллотировать и всѣхъ

новыхъ претендентовъ, изъ которыхъ получившій большее количество избирательныхъ шаровъ и долженъ былъ считаться судьей.

XVI

А другой день послѣ описаннаго, часа въ четыре пополудни, къ крылечку ольшанскаго домика подъѣзжалъ тарантасъ, въ которомъ сидѣли Борисъ Дмитричъ и закутанный въ шубу съ поднятымъ воротникомъ Дмитрій Иванычъ. На крылечкѣ стоялъ Архипъ. Когда лошади остановились, и Дмитрій Иванычъ, кряхтя и охая и опираясь на руку сына, сталъ выгружаться изъ тарантаса, «крѣпостной человѣкъ» крикнулъ:

— Что, проморгали?

Но Дмитрій Иванычъ прошелъ мимо, ничего не отвѣтивъ, а придя въ свою комнату,

раздѣлся, разулся, надѣлъ ночную сорочку и, улегшись въ постель, жестами указалъ сыну хорошенько укрыть его одѣяломъ и тулупомъ. Когда все это было исполнено, Дмитрій Иванычъ, щелкая зубами, попросилъ Бориса оставить его одного и, потянувъ на себя одѣяло, закутался съ головой.

— Проморгали? — повторилъ опять Архипъ, когда Борисъ Дмитричъ вышелъ изъ комнаты отца, и на этотъ разъ лицо его носило на себѣ самое мрачное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрительное выраженіе.

— Проморгали, — отвѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

— Панталонова? — спросилъ Архипъ.

— Панталонова.

— Что-же васъ-то?

— А меня похерили.

— Сколько-же бѣлыхъ-то было?

— Шесть.

— А чумазыхъ?

— Сорокъ два.

— А Панталонову?

— Оберни—и будешь знать.

— Такъ.

И презрительно глянувъ на Бориса Дмит-

рича, онъ проговорилъ съ какой-то особенной злобой:

— Пороли васъ мало... вотъ что!

— Правда твоя.

— Извѣстно, правда... Эхъ, вы! Коли служить задумали, такъ фанаберію-то эту бросить-бы надо. Вонъ Панталоновъ-то... видѣли? А то на-поди! Эхъ! почище васъ, да и тѣ передъ выборами-то людьми не брезгаютъ. Вонъ былъ у насъ предводитель Алагинъ, лѣтъ двадцать сидѣлъ, въ уѣздѣ-то словно царь былъ, даже попами распоряжался, такъ и тотъ передъ выборами-то всѣмъ неимущимъ дворянамъ мундиры шилъ, на свой счетъ въ губернію возилъ, поилъ, кормилъ. Бывало, еще за мѣсяцъ до выборовъ-то поить начнетъ, опомниться не дастъ, а подойдутъ выборы—всѣхъ на подводы поваляетъ и маршъ въ городъ. А вы что? Подика-сь птица какая! Гмъ... Эхъ!

— Ты что-же ругаешься-то?

— Мало васъ ругать-то... вотъ что!

И потомъ, перемѣнивъ тонъ и указывая глазами на комнату старика, прибавилъ:

— Видѣли, что съ отцомъ-то... А-а! То-то и оно! Эхъ вы, щелкоперы!

И, плюнувъ сердито, онъ вышелъ изъ комнаты.

Къ вечеру пріѣхалъ Бутенко. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и, едва ввалившись въ комнату Дмитрія Иваныча, закричалъ, потрясая въ воздухѣ какой-то бумагой:

— Поздравь, поздравь! Прежде самъ судилъ, судьей былъ, а теперь приходится самому на скамью подсудимыхъ.

— Что такое? — спросилъ сидѣвшій тутъ же Борисъ Дмитричъ.

— А то, что благодари Создателя, что ты въ судьи не попалъ.

И, подавая Борису Дмитричу бумагу, онъ изнеможенно опустился въ кресло возлѣ кровати больнаго.

— Молись и благодари судьбу! — говорилъ онъ. — Почитай-ка, почитай-ка!

Оказалось, что это былъ указъ сената, которымъ требовались отъ судьи Бутенко объясненія по нѣкоторымъ упущеніямъ, открытымъ послѣднею ревизіей.

— Вотъ тебѣ и Савва Тимоѳеичъ! — кричалъ Бутенко: — вотъ тебѣ и ревизоръ, а я еще сдуру-то на его обѣдѣ участвовалъ, цѣлыхъ десять рублей отвалилъ! Вотъ тебѣ и здравствуй! Нѣтъ, — прибавилъ онъ,

обращаясь къ Дмитрію Иванычу: — нѣтъ, любезный другъ, ты благодари судьбу, что сынъ твой не попалъ въ судьи, благодари и крестись обѣими руками! Налетитъ на тебя вотъ этакій Савва Тимоѳеичъ и сдѣлаетъ тебя чернѣе грязи! Онъ дальше протоколовъ не пойдетъ. Есть протоколъ — хорошо; нѣтъ — садись на скамью подсудимыхъ и ступай туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Вошьютъ тебѣ туза въ спину и ступай!

И потомъ, вдругъ обратясь къ Борису Дмитричу, прибавилъ:

— Поздравляю, Боря, отъ души поздравляю! Нѣтъ, подальше, подальше отсюда! Туда, гдѣ живутъ люди, а не протоколисты! Впрочемъ, что-же говорю? Хорошо еще, если пустятъ: человѣкъ вѣдь я подсудимый... Пиши еще прежде объясненіе, а тамъ—чѣмъ кончится дѣло, бабушка еще на-двое сказала...

Но вдругъ, какъ-будто что-то вспомнивъ, Бутенко хлопнулъ себя по головѣ и, быстро обернувшись по направленію къ Дмитрію Иванычу, проговорилъ скороговоркой:

— Да что-же это я? и забылъ совсѣмъ. Вѣдь тебя, братецъ ты мой, въ губернскіе

гласные выбрали, и какъ еще выбрали-то — единогласно, всѣми бѣлыми!

Дмитрія Иваныча даже покоробило отъ этого сообщенія.

— Что-же это они, — спросилъ онъ едва слышно: — утѣшить, что-ли, меня захотѣли? Сына забраковали, такъ, дай-молъ, отца побалуемъ! Уважили, благодарю... Губернскій гласный! Гмъ... Не ожидалъ!

Немного погодя, онъ отвернулся къ стѣнѣ и, снова укрывшись съ головой, упорно замолчалъ.

— Однако, того... — говорилъ Бутенко, выходя изъ комнаты старика и обращаясь къ Борису Дмитричу: — не мѣшало-бы и того... за докторомъ-бы, что-ли... Митя-то не хорошъ что-то!

— Я послалъ уже, — отвѣтилъ Борисъ Дмитричъ.

Къ вечеру пріѣхалъ и докторъ Белярминовъ. Докторъ до того перезябъ, что прежде всего попросилъ водки и, выпивъ рюмокъ пять, осмотрѣлъ больнаго. Онъ пощупалъ голову старика, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и объявилъ, что съ больнымъ простая лихорадочка; приказалъ его натереть на ночь виномъ съ уксусомъ, дать

чего-нибудь потогоннаго, а утромъ «закатить» хорошую ложку «касторки». Слово: «закатить» онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, причемъ даже какъ-то потрясъ кулакомъ. Затѣмъ, докторъ передалъ, что дѣло его о диффамаціи приняло уже законное направленіе, что теперь оно находится у судебнаго слѣдователя, что будетъ разсматриваться въ судебной палатѣ, такъ какъ онъ состоитъ на коронной службѣ помимо земской, и что, зная предсѣдателя палаты за человѣка развитаго и образованнаго, онъ заранѣе увѣренъ, что авторъ оскорбительной статьи этой будетъ достойнымъ образомъ «взлупленъ». Докторъ просидѣлъ у Бориса Дмитрича часа два, выпилъ еще нѣсколько рюмокъ наливки, объявилъ, что прямо отсюда ѣдетъ къ Панталонову вспрыскивать его судейство, и наконецъ до того разслабъ, что Архипу пришлось уложить его въ тарантасъ, въ которомъ онъ немедленно и заснулъ.

— Вылечилъ!—проговорилъ Архипъ, проводивъ Белярминова, и съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ принялся убирать водку и наливку.

Тяжело, невыносимо тяжело было Борису

Дмитричу. Онъ заглянулъ въ комнату отца, слабо освѣщенную керосиновой лампой съ зеленымъ колпакомъ, но увидавъ, что старикъ лежитъ все въ томъ-же положенiи, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, снова притворилъ дверь и вышелъ въ залу. Было уже часовъ десять вечера. Архипъ успѣлъ уже прибрать бутылки и намѣревался лечь спать. Онъ снялъ сюртукъ, но, заслышавъ шаги Бориса, вышелъ въ залу въ одной рубахѣ и панталонахъ, поддерживаемыхъ двумя кожаными подтяжками.

— Вы что-же? — спросилъ онъ:.— долго полуночничать-то будете?

— Да тебѣ что за дѣло! — проговорилъ съ досадой Борисъ Дмитричъ. — Коли хочешь спать, такъ и спи...

— Извѣстно, хочу.

— Ну и ложись; а я спать не хочу.

— Прежде-бы не дремали! — проворчалъ Архипъ: — а теперь ужъ поздно, не воротишь!

Борисъ Дмитричъ раза два прошелся по комнатѣ, еще разъ посмотрѣлъ на часы, подошелъ опять къ комнатѣ больнаго и, убѣдившись, что тамъ все было тихо, заглянулъ къ Архипу.

— Ты спишь? — спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, не сплю.

— Такъ вотъ что, — проговорилъ Борисъ, какъ-то запинаясь: — мнѣ надо сходить кое-куда; ужь ты посмотри за отцомъ-то...

— Чего за нимъ смотрѣть-то?

— Какъ чего? мало-ли что случиться можетъ.

— Ничего не случится... Проваляется дня три, четыре и встанетъ.

— Нѣтъ, ты все-таки посмотри. Я скоро вернусь.

— Далеко идете-то? — спросилъ Архипъ и изподлобья глянулъ на Бориса.

— Нѣтъ, недалеко.

— Пососѣдству?

И, взбивая кулакомъ подушку, проговорилъ:

— Сходите, навѣстите. Вчера присылали справляться...

Борисъ Дмитричъ даже вспыхнулъ.

— Ты лжешь? — проговорилъ онъ.

— Ладно. Слыхали мы это.

Борисъ Дмитричъ хлопнулъ дверью, вышелъ въ переднюю, накинулъ пальто, надѣлъ шляпу и вскорѣ былъ уже въ саду.

Ночь была тихая, не свѣтлая и не темная, одна изъ тѣхъ, когда луна, заволоченная сплошными, но прозрачными, какъ туманъ, облаками, придаетъ ей сѣрый колоритъ. Пройдя садъ и выйдя въ садовую калитку, Борисъ Дмитричъ очутился на дорогѣ, ведущей на мельницу Обертышева. Рано ложащійся деревенскій людъ давнымъ-давно уже спалъ, но за то людской говоръ смѣнился говоромъ ночи. Тамъ, гдѣ-то въ сторонѣ, журчалъ ручей; днемъ ручья этого даже и подозрѣвать нельзя было, а теперь онъ гремѣлъ на всю окрестность, прыгалъ съ камешка на камешекъ, бунтовалъ и словно восхищался собственнымъ своимъ могуществомъ.

Лѣсъ такъ и шумѣлъ листвой, словно ропталъ на что-то, словно сердился, негодовалъ и повѣдывалъ ночи свою скорбь и тоску. И ропотъ этотъ, гонимый чуть замѣтнымъ вѣтеркомъ, словно волна то набѣгалъ, то отливалъ отъ чуткаго уха Бориса Дмитрича. Проскакалъ мимо его заяцъ по жнивью и такой поднялъ шумъ и топотъ, какъ-будто и невѣсть какой звѣрь промчался. Даже пискъ мышенка—и тотъ давалъ знать о себѣ. Но этотъ шумъ ночи,

полный таинственной, странной прелести, не привлекъ къ себѣ вниманія Бориса Дмитрича. Онъ шелъ быстро, не останавливаясь, не переводя дыханія, и торопливые шаги его далеко раздавались по окрестности, какъ-бы гармонируя, сливаясь съ концертомъ ночи. Только тогда, когда онъ достигъ горы, у подошвы которой раскидывалось село Покровское, онъ остановился на минуту и оглядѣлъ это село, на краю котораго чернѣли громадныя ветлы Обертышевской мельницы. Въ селѣ все уже спало тѣмъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, какимъ спитъ русскій двужильный мужикъ; въ селѣ даже признаковъ жизни не было, за то въ мельничномъ домикѣ яркой свѣздой горѣлъ огонекъ. «Не спятъ!» прошепталъ Борисъ Дмитричъ и, спустившись съ горы, вошелъ въ одинъ изъ переулковъ. Проходя мимо дома дьячка, онъ увидалъ учителя Любомудрова, сидѣвшаго на завалинкѣ; Борисъ Дмитричъ прошелъ мимо и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ его. Немного погодя, прогремѣвъ по доскамъ мостика и обогнувъ мельничный амбаръ, онъ подошелъ къ домику, заглянулъ въ освѣщенное окно, затѣмъ оглянулся вокругъ и, убѣдившись,

что никто не слѣдитъ, поднялъ руку и слегка стукнулъ пальцемъ по стеклу. Стукъ этотъ остался повидимому незамѣченнымъ, ибо Борисъ Дмитричъ постучалъ снова и на этотъ разъ такъ громко, что окно вскорѣ отворилось, и въ немъ показалась голова Агаѳьи Петровны.

— Милый, дорогой! — прошептала она, но Борисъ Дмитричъ зажалъ ей ротъ шляпой.

— Тсъ... что ты! — прошепталъ онъ: — Господь съ тобой!

— Не бойся, одна я.

— А мужъ?

— Къ Панталонову поѣхалъ судейство вспрыскивать. Ну, чего-же стоишь-то? Или боишься въ комнату войти? Не бойся, не съѣмъ...

— Не боюсь я, а некогда мнѣ! только на минутку прибѣжалъ, ужь очень соскучился по тебѣ.

— Охъ ужь! будетъ тебѣ болтать-то!

И потомъ, вдругъ схвативъ его за голову, она принялась осыпать его горячими поцѣлуями.

— Милый, дорогой мой! — шептала она: — желанный, хорошій! Ну что-же, зайди-же!

— У меня старикъ боленъ; я пришелъ къ тебѣ на минутку, только за тѣмъ и пришелъ, чтобы взглянуть на тебя, полюбоваться тобой и потомъ домой. И не хотѣлось-бы уходить, очень-бы не хотѣлось, а надо...

И, протянувъ ей руку, онъ прибавилъ:

— Ахъ, Агаша! Не далеко-ли мы зашли!

— Далеко-ли, нѣтъ-ли, а ужь назадъ идти опоздали...

Борисъ Дмитричъ снялъ шляпу, провелъ рукой по волосамъ, оглядѣлся вокругъ и, снова убѣдившись, что на мельницѣ всѣ спали, осторожно, чуть слышно пробрался въ домикъ.

Минутъ черезъ двадцать, дверь снова скрипнула, и Борисъ Дмитричъ въ сопровожденіи Агаѳьи Петровны показался на крылечкѣ. Агаѳья Петровна еще разъ крѣпко обняла его, крѣпко поцѣловала и, шепнувъ: «приходи-же!» — скрылась въ сѣни. Она долго еще въ растворенное окно провожала его любовнымъ взглядомъ, долго кивала ему головой и только тогда, когда онъ завернулъ за мельничный амбаръ, захлопнула окно и потушила лампу.

Борису Дмитричу не хотѣлось встрѣчаться

съ Любомудровымъ; поэтому онъ пошелъ не переулкомъ, а задами. Но только-что онъ успѣлъ поровняться съ дьячковымъ огородомъ, какъ увидалъ Любомудрова сидѣвшимъ верхомъ на плетнѣ.

— Здравствуйте! — крикнулъ Любомудровъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ Борисъ Дмитричъ: — что это вы здѣсь на плетнѣ дѣлаете?

— Звѣзды считаю.

— Занятіе недурное; только, кажется, и звѣздъ-то нѣтъ.

— Одна была и только-что потухла.

Борисъ Дмитричъ невольно оглянулся на мельницу и убѣдился, что дѣйствительно звѣзда въ окнѣ потухла и что съ плетня Любомудровъ могъ видѣть и мельницу, и переулокъ.—«Позицію недурную выбралъ!» подумалъ онъ. И не то досада, не то какая-то гадливость шевельнулась у него на душѣ.

— Не спится что-то! — говорилъ между тѣмъ Любомудровъ: — сонныхъ капель мало принялъ.

— Какихъ это капель?

— Изъ мѣстной аптеки, сирѣчь кабац-

кихъ! Своихъ денегъ нѣтъ, а пріятели не догадались усыпить.

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Вы куда это ходили?

— А вы не видали?

— Каюсь: видѣлъ.

— Зачѣмъ-же спрашиваете?

— Думалъ смутить неожиданностію вопроса...

— Смутить вы меня не смутите, а все-же нехорошо, что вы подсматриваете.

— Чувствую. Но вѣдь я плебей... Какихъ-же деликатностей требуете вы отъ плебея?

— Вы слишкомъ раздражительны, мнѣ кажется...

— Очень можетъ быть. Ахъ, да! Ну что, не выбрали васъ?

— Не выбрали.

— Удивляюсь вашей недальновидности. Неужели вы могли надѣяться на избраніе? Вы для насъ человѣкъ неподходящій. Что-же? думаете уѣхать отсюда?

— А вамъ этого хочется?

— Ради вашей пользы.

— Благодарю за вниманіе.

— Вамъ здѣсь дѣлать нечего. Предоставьте намъ воевать въ этихъ палестинахъ.

— Зачѣмъ-же воевать?

— Ради собственнаго существованія. Мы здѣсь обжились, опоганились; неслѣдъ вамъ рукъ марать въ борьбѣ съ нами.

— Однако, вы серьезно выживаете меня.

— Не думаете-ли вы, что ради Агаѳьи Петровны? Нѣтъ. На это дѣло я махнулъ рукой. Я убѣдился, что она любить меня не можетъ; вспомнилъ афоризмъ Кузьмы Пруткова: «необъятное нельзя объять» и пересталъ думать объ ней. Нѣтъ, говорю ради васъ самихъ. Вы не отъ міра сего. На почтовой станціи я часто видѣлъ адресованныя на ваше имя письма изъ заграницы. Не отъ товарищей-ли это?

— Да, отъ нихъ.

— Хорошо-бы и вамъ туда, къ нимъ.

— Благодарю за совѣтъ. Однако, я съ вами заговорился, пора домой: у меня отецъ боленъ.

— Съ огорченія? спросилъ Любомудровъ, но, не дождавшись отвѣта, почти вскрикнулъ: — бѣдный старикъ! Я полагаю, онъ теперь такого мнѣнія, что все пропало, что теперь на свѣтѣ и жить-то не стóитъ.

«Нахалъ!» подумалъ Борисъ Дмитричъ и снова сталъ прощаться съ Любомудровымъ.

— Послушайте, — перебилъ его тотъ: — мнѣ не спится. Позвольте васъ проводить. Не бойтесь, я не воспользуюсь покровомъ ночи, не убью и не ограблю васъ.

— Я не боюсь и компаніи вашей даже очень радъ; пойдемте.

И они пошли по дорогѣ, ведущей въ Ольшанку.

— А вы въ диффамаціи обвиняетесь? — заговорилъ Борисъ Дмитричъ, когда они вышли изъ села и поднялись на гору.

— Обвиняюсь.

— Пожалуй, и попадетесь?

— По всей вѣроятности. Впрочемъ, мнѣ не привыкать, — добавилъ Любомудровъ. — За эту за самую диффамацію я судился уже неоднократно и каждый разъ былъ достойно наказанъ. Однажды, заточенъ былъ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ за то, что уличилъ исправника въ лихоимствѣ и вымогательствѣ.

— Уличили? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Уличилъ. Исправника перевели взяточничать въ другой уѣздъ, а я былъ заточенъ. Второй разъ я былъ судимъ сослов-

нымъ судомъ за избитіе урядника и тоже былъ заточенъ.

— За что же урядника-то избили?

— За намѣреніе изнасиловать дѣвицу.

— Куда же васъ заточали?

— На гауптвахту. Впрочемъ, заточеніе мое не осталось безполезнымъ: въ комнатѣ были клопы, я сталъ писать объ этомъ въ газетахъ, и кончилось тѣмъ, что пришло начальство съ разными мазилками и ядами и вывело клоповъ.

— Въ какихъ же газетахъ вы печатаетесь?

— Въ мѣстныхъ. Я и про Обертышева тоже писалъ. Статья произвела сенсацію и читалась съ жадностію всѣми.

— Какъ же вы его описали?

— Описалъ такимъ, каковъ онъ есть, а онъ взялъ да обидѣлся.

— И что же?

— Собрался-было колотить меня, но потомъ раздумалъ. «Рукъ, говоритъ, марать не стóитъ!»

Борисъ Дмитричъ посмотрѣлъ на Любомудрова, и почему-то грязный образъ невзрачнаго человѣка этого словно вдругъ измѣнился.

— Послушайте, — проговорилъ онъ: — ради чего же вы обо всемъ этомъ пишете?

— О чемъ это?

— Обо всѣхъ этихъ исправникахъ, урядникахъ, Белярминовыхъ...

— Опять-таки потому, что я плебей.

— Я васъ не понимаю.

— А между тѣмъ, очень просто. Вотъ вы сейчасъ говорили, что странность моего поведенія зависитъ отъ раздраженности. Это не совсѣмъ вѣрно, ибо сама раздраженность есть только продуктъ плебейства. Сытый не раздражается; мы же, плебеи, начинаемъ раздражаться съ первыхъ дней появленія нашего на свѣтъ. Сначала раздражаютъ насъ мокрыя тряпки, въ которыя завертываютъ насъ наши матери, а потомъ дальше — лохмотья, покрывающія наше уже возмужавшее тѣло... Мы — циники; но поймите, что цинизмъ этотъ есть единственное наше орудіе, которымъ наносимъ мы удары людямъ съ внѣшнею чистоплотностію. Они злятся на насъ, а намъ и этого уже достаточно. Но все-же мы не такъ вредны, какъ кажемся людямъ нераздраженнымъ... все-же въ насъ есть искра Божья! Мы умѣемъ порицать гадость въ другихъ, и порицаемъ

такъ громко и настоятельно, какъ вамъ, людямъ нераздраженнымъ, никогда не удастся. Вы порицаніе выразите мимоходомъ, а мы—съ ожесточеніемъ. Мы готовы головы свои сложить ради торжества истины. Ахъ, Борисъ Дмитричъ! Вы человѣкъ добрый, впечатлительный, способный понять чужую нужду, человѣкъ, стремящійся къ добру, но вы все-таки, какъ баринъ, не способны раздражаться по-плебейски, т. е. такъ, какъ раздражаемся мы. Посмотрите вокругъ. Всѣ эти Обертышевы, Панталоновы, Свинорылины, Бурьяновы, Белярминовы — что̀ это такое? Вглядитесь, и вы поймете, что̀ именно заставляетъ насъ писать про нихъ всѣ эти статейки, за которыя насъ заточаютъ. Не ради же мизернаго гонорара пишемъ мы эти статейки — намъ даже и гонораръ-то за нихъ выдаютъ не всегда!—и не ради славы, ибо имена наши узнаются только тогда, когда мы попадаемъ на скамью подсудимыхъ, и затѣмъ повторяются, конечно, ужь не съ благодарностію. Полагаю, что презирать насъ несправедливо... Не заточать нужно насъ, ибо заточаютъ не насъ, а правду, которой мы все-таки же служимъ такъ или иначе. Если судьи заточаютъ правду, то согласи-

тесь, что господа эти ставятъ себя въ крайне комичное положеніе...

И потомъ вдругъ, какъ-бы опомнившись, Любомудровъ прибавилъ:

— Однако, вотъ что: ночь такая прелестная, тихая, что даже грѣшно нарушать эту тишину безпутнымъ разговоромъ. Природа отдыхаетъ подъ этимъ покровомъ ночи; не будемъ же и мы нарушать эти минуты покоя! Чу! — прибавилъ онъ, остановившись и прислушиваясь къ долетавшему изъ села Покровскаго звуку колокола: — вонъ и сторожъ нашъ проснулся и бьетъ часы. Три часа! Пора и ко дворамъ.

— Постойте, погодите, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ: — еще одно слово...

— Слушаю-съ.

— Скажите: вы не имѣете привычки рисоваться?

Любомудровъ помолчалъ, подумалъ и потомъ проговорилъ:

— Вы мнѣ задали премудреный вопросъ. Если я вамъ отвѣчу: «нѣтъ, я не рисуюсь!» — то такимъ отвѣтомъ я, пожалуй, еще болѣе усилю ваше подозрѣніе. Думайте, какъ хотите, а покуда прощайте.

Борисъ Дмитричъ первый подалъ ему руку.

— Нѣтъ, — проговорилъ онъ: — я съ вами прощаться не хочу. До свиданья.

И, распростившись, они разошлись; но Любомудровъ вскорѣ остановилъ Бориса Дмитрича.

— Борисъ Дмитричъ! — крикнулъ онъ.— Постойте-ка!

Тотъ остановился.

— Послушайте, — проговорилъ Любомудровъ, подходя къ нему: — какъ-то давно, при первомъ еще нашемъ знакомствѣ, я аттестовалъ вамъ Агаѳью Петровну стихомъ Некрасова, а именно —что женщина эта «цѣпи налагаетъ, но сама цѣпей не носитъ». Теперь я убѣдился въ своемъ заблужденіи. Пока вы были въ городѣ, я слѣдилъ за нею и убѣдился, что ради любви она способна и въ кандалы нарядиться. Она ищетъ любви и далеко не той, о какой я думалъ. Она искала этой любви всю жизнь, искала въ томъ баринѣ, который ее бросилъ, въ Обертышевѣ, который видитъ въ ней только одну красивую внѣшность, и ни въ томъ, ни въ другомъ не нашла того, что ей требуется. Но любовь ей нужна;

она безъ нея жить не можетъ... Смотрите! вы, кажется, зашли немножко далеко! Не пора-ли вамъ подумать и о финалѣ?

И, еще разъ пожавъ Борису Дмитричу руку, Любомудровъ быстро повернулъ домой.

Всю ночь не могъ заснуть Борисъ Дмитричъ. Два образа, а именно: образъ доселѣ незамѣченнаго Любомудрова и образъ Агаѳьи Петровны, этой любящей и жаждущей любви женщины, вдругъ обрисовались передъ нимъ съ такою ясностію и полнотою, что онъ невольно словно испугался ихъ и того положенія, въ которое онъ такъ незамѣтно и такъ неожиданно попалъ. Онъ перебиралъ въ памяти всѣ подробности своего поведенія въ отношеніи къ Агаѳьѣ Петровнѣ и только теперь догадался, какъ далеко онъ зашелъ. Ужасъ охватывалъ его; но одновременно онъ сознавалъ также, что такою, какою обрисовалъ Любомудровъ Агаѳью Петровну, она становится для него и неизмѣримо выше, и несравненно дороже. Онъ готовъ былъ преклониться передъ этимъ образомъ, но «финалъ» приводилъ его въ смущеніе, въ такое смущеніе, что дрожь охватывала его съ ногъ до головы. Продолжать обманывать

Обертышева было невозможно, но въ то-же время онъ былъ не въ силахъ оборвать всѣ эти натянутыя нити. И вдругъ онъ вспомнилъ свиданье въ лѣсу. «Любить — такъ любить, — говорила ему тогда Агаѳья Петровна, — а такъ-то любить, какъ ты-то хочешь: тайкомъ да обманомъ, нынче въ лѣсу, завтра въ конопляхъ, а потомъ къ мужу въ гости завернуть, чайку съ нимъ напиться да на прощанье, крадучись, въ темныхъ сѣняхъ жену расцѣловать — нѣтъ, я такъ любить не могу!» И, вспомнивъ со всею подробностію слова эти, Борисъ Дмитричъ почувствовалъ себя неловко, зажегъ свѣчку и схватилъ первую попавшуюся ему книгу.

Такъ промучился онъ почти всю ночь и только утромъ, когда въ окнѣ блеснула розовая полоска зари, заснулъ. Но спалъ онъ опять-таки недолго, ибо часовъ въ 10 утра былъ разбуженъ вошедшимъ въ комнату Архипомъ.

— Вы что, спите, что-ли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ...

— Нате-ка вотъ, почитайте-ка! — проговорилъ Архипъ, подавая ему запечатанное письмо.

— Отъ кого?

— Извѣстно, отъ кого; женщина принесла, отвѣта ждетъ.

Борисъ Дмитричъ схватилъ письмо, поспѣшно распечаталъ его и прочелъ слѣдующее:

«Милый и дорогой мой! Вчерашняя исповѣдь твоя, какъ назвалъ ты все сказанное мнѣ, влила въ сердце мое столько радости, столько счастья. Вѣрь мнѣ, вѣрь, я не обману. Неужели ты перечувствовалъ все то, что говорилъ? Знаешь, чтó меня безпокоитъ и отравляетъ все блаженство? что я слѣпо вѣрю тебѣ; что я такъ далеко зашла въ своемъ чувствѣ; что ты, можетъ быть, и не любишь меня; что ты такъ говорилъ мнѣ именно потому только, что не все-ли равно, какъ говорить! Но не сердись на меня за оскорбительныя подозрѣнія. Я отгоняю ихъ, я ругаю себя за нихъ и вѣрю, и люблю, и жду часа съ замираніемъ сердца, когда ты пріѣдешь, когда опять увижу тебя. Дорогой мой, желанный мой, пріѣзжай-же ради Бога!...»

Прочтя это письмо, Борисъ Дмитричъ въ одну минуту вскочилъ съ постели и написалъ слѣдующее:

«Буду сейчасъ-же. Такъ хочется поговорить съ тобою, обнять тебя. Ахъ, дорогая! Ты все еще сомнѣваешься! Какъ тебѣ не стыдно! Милая, дорогая моя...»

И, запечатавъ письмо въ конвертъ, онъ подалъ его Архипу.

— На! — проговорилъ онъ: — передай посланной...

— Что-же мало настрочили-то? Побольше-бы!

— Тебѣ приказано передать письмо! — вспылилъ Борисъ Дмитричъ.

— И отдамъ; на кой оно мнѣ... Чего кричите-то!

Борисъ Дмитричъ умылся, одѣлся, зашелъ къ больному отцу, посидѣлъ съ нимъ минутъ съ десять и отправился на мельницу.

Дня черезъ четыре завернулъ къ Борису Дмитричу и Панталоновъ. Онъ былъ уже въ штатскомъ платьѣ и въ фуражкѣ министерства юстиціи, съ блестящей новенькой кокардой. На немъ была изящная черная визитка, черный открытый жилетъ и темно-сѣрые панталоны, живописно обрисовывавшіе икры и кончавшіеся широкимъ раструбомъ, позволявшимъ видѣть только кончикъ лаковаго сапога. Въ петличкѣ визитки

виднѣлся миньятюрный знакъ мироваго судьи. Бѣлье было самой снѣжной бѣлизны и съ какимъ-то особеннымъ глянцемъ. На груди сорочки блѣстѣли маленькія запонки, изображавшія букашекъ, а въ рукавахъ, наоборотъ, большія — массивные жуки съ бриліантовыми глазочками. Панталоновъ былъ счастливъ и веселъ. Онъ не вошелъ, а какъ-то впорхнулъ въ комнату, и увидавъ Бориса Дмитрича, бросился ему на шею, обнялъ и расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Спасибо, спасибо, милый, добрый и хорошій, — проговорилъ онъ, вѣроятно, по привычкѣ благодарить всѣхъ встрѣчавшихся: — спасибо, и вѣрьте, что по гробъ жизни я — вашъ покорнѣйшій слуга! Спасибо, спасибо!

И потомъ, вдругъ бросившись въ кресло, которое чуть не сломалъ, запрокинувъ назадъ голову и положивъ одну ногу на другую, онъ проговорилъ, ухвативъ себя за волосы:

— Ахъ! А мнѣ предстоитъ сегодня ужасная вещь!

— Что такое?

— Дѣла принимать надо. И представьте,

отъ кого? Отъ Бутенко! Я безъ ужаса вспомнить объ этомъ не могу. Даже морозъ по кожѣ подираетъ! Онъ—премилый человѣкъ, добрякъ, честный, прямой, все что угодно... Но, какъ судья, воля ваша, онъ невозможенъ! Ей-богу, я удивляюсь, я не понимаю, какъ могъ онъ быть терпимъ! Ужь именно только въ нашемъ уѣздѣ, а больше нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ... И прибавьте еще ко всему этому, что—чудакъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить... Премилый, предобрый, но чудакъ и чудакъ въ высшей степени! Я вѣдь его хорошо изучилъ; служа по полиціи, мнѣ часто приходилось имѣть съ нимъ дѣла. Что у него дѣлалось въ камерѣ, такъ это уму непостижимо! Самъ онъ не писалъ ничего, ни строчки, все письмоводитель. И вотъ эту-то кашу мнѣ приходится теперь расхлебывать — какъ вамъ это нравится? Я положительно не знаю, что и дѣлать: принимать дѣла какъ слѣдуетъ? — старика обидишь; принять коекакъ, т. е. связать въ кучу и бросить въ уголъ? — самъ попадешься! Ахъ, ужь не знаю, не знаю, не знаю...

И, закрывъ глаза, Панталоновъ погрузился въ соображенія, но минуты черезъ три вско-

чилъ съ кресла, взъерошилъ волосы и снова проговорилъ:

— Не знаю.

Однако, немного погодя, улыбнувшись, прибавилъ:

— Кажется, придется всю эту канцелярію связать въ узелъ, привезти на съѣздъ и сказать: — «Нате, господа, что хотите, то и дѣлайте, а мнѣ этотъ хламъ не нуженъ». Право, больше ничего не остается.

И потомъ, вдругъ обнявъ за талію Бориса Дмитрича, сказалъ:

— Да, счастливы вы, что не вамъ приходится пить эту горькую чашу! Вы слышали, что по послѣдней ревизіи сенатъ потребовалъ отъ Бутенко объясненій?

— Слышалъ.

— Теперь онъ выписалъ изъ города какого-то адвоката, и тотъ ему пишетъ эти объясненія; говорятъ, даже хочетъ ихъ напечатать въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разослать по всему уѣзду. Ахъ, да, кстати! а гдѣ вашъ батюшка? Мнѣ-бы хотѣлось поздравить его. Вѣдь вы слышали, вѣроятно, что онъ избранъ губернскимъ гласнымъ? И какъ торжественно это вышло! Какъ-только провозгласили его фамилію,

такъ въ ту-же минуту залъ огласился криками: — «Вынуть правый ящикъ, вынуть! Хотимъ открыто баллотировать!» Предсѣдатель было заспорилъ; но крики повторились еще съ бóльшею настойчивостью, правый ящикъ былъ вынутъ и въ одинъ моментъ наполнился избирательными шарами. Мнѣ-бы очень хотѣлось поздравить его.

— Извините, онъ боленъ.

Панталоновъ даже въ лицѣ перемѣнился.

— Что съ нимъ такое? — прошепталъ онъ испуганно.

— Лихорадка.

Панталоновъ вздохнулъ свободнѣе.

— Что-же это вы меня напугали! — проговорилъ онъ укоризненно. — Какъ вамъ не грѣшно! А знаете, какъ отъ лихорадки избавиться? вѣроятно, не знаете!... такъ вотъ я сейчасъ научу. Возьмите хинной корки, истолките ее въ порошокъ и насыпьте... такъ-таки просто и насыпьте въ чулокъ, затѣмъ чулокъ этотъ надѣньте на ногу и ходите съ этимъ порошкомъ... Черезъ два, три дня, даю вамъ слово, лихорадку какъ рукой сниметъ... Попробуйте, испытайте!

Потомъ, вынувъ изъ кармана массивные

золотые часы и посмотрѣвъ на нихъ, торопливо заговорилъ:

— Однако, я съ вами заболтался и не замѣтилъ какъ прошло время. Надо ѣхать,

И вдругъ, опустивъ руки и поникнувъ головой, прибавилъ:

— Какъ-только вспомню, какъ-только вспомню про нашего общаго друга, Бутенко. такъ даже руки опускаются! Однако, ѣхать необходимо... Назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ... Прощайте, милый, хорошій! спасибо вамъ, спасибо за все!

Когда они вышли въ переднюю, Панталоновъ сказалъ «крѣпостному человѣку»:

— А ты вотъ что, старикъ: я сейчасъ передавалъ твоему молодому барину, какъ лихорадку лечить надо, такъ ты это сдѣлай... Баринъ дастъ тебѣ хинную корку, ты ее истолки въ порошокъ и порошокъ этотъ всыпь въ чулки, и затѣмъ чулки вмѣстѣ съ порошкомъ надѣнь на ноги Дмитрію Иванычу; пусть въ нихъ и лежитъ, и ходитъ... Слышишь?

Мрачный Архипъ только головой мотнулъ.

— Черезъ два дня какъ рукой сниметъ. Ну, а теперь прощайте... Спасибо, спасибо. Смотри-же, старикъ, сдѣлай, что я

тебѣ говорилъ, непремѣнно сдѣлай! Ну, до свиданья. Пожалуйста, не забудьте поздравить отъ меня добрѣйшаго Дмитрія Иваныча. Скажите, что я радуюсь за него и отъ души поздравляю!

— Съ чѣмъ онъ это поздравляетъ? — спросилъ Архипъ, когда тарантасъ Панталонова загремѣлъ отъ крыльца.

— Послушай, Архипъ,—проговорилъ Борисъ Дмитричъ, смотря на мрачное лицо «крѣпостнаго человѣка»: — ты мнѣ надоѣлъ.

— Чѣмъ это?

— А тѣмъ, что ты изъ меня всю душу вытянулъ.

— А мнѣ такъ на васъ смотрѣть тошно... вотъ что-съ!

Борисъ Дмитричъ молча вышелъ въ залу. Тамъ онъ встрѣтилъ отца въ мерлушачьемъ халатикѣ и валеныхъ сапогахъ.

— Батюшка, что это вы! Зачѣмъ вы встали? — почти вскрикнулъ онъ.

— Ничего, теперь мнѣ лучше.

И затѣмъ, усѣвшись въ кресло, спросилъ:

— Кто это былъ?

— Панталоновъ.

— Чего еще надо ему?

— Я и самъ не знаю; думаю, что проѣздомъ. Онъ къ Бутенкѣ ѣдетъ дѣла принимать. Васъ, между прочимъ, хотѣлъ поздравить...

— Съ чѣмъ это?

— Съ выборомъ въ губернскіе гласные. Только я его къ вамъ не пустилъ.

— И хорошо сдѣлалъ!...

И немного помолчавъ, старикъ покачалъ опущенной на грудь головой и проговорилъ про-себя:

— Гмъ! Губернскій гласный! подлецы!

XVII

Наконецъ, и заводъ былъ конченъ. Нѣсколько дней провозился Борисъ Дмитричъ съ акцизными чиновниками: кормилъ ихъ завтраками, обѣдами, поилъ виномъ, наливками; присутствовалъ при измѣреніи квасильныхъ чановъ, при повѣркѣ контрольнаго аппарата; бѣгалъ то въ одинъ этажъ завода, то въ другой; подписывалъ какія-то бумаги и, только выпроводивъ чиновниковъ, вздохнулъ свободно. Заводъ былъ пущенъ, и въ Ольшанской усадьбѣ словно все измѣнилось и приняло совершенно иной видъ. Изъ тихаго, патріархальнаго уголка усадьба эта сдѣлалась

оживленнымъ, торговымъ центромъ края. Едва повалилъ дымъ изъ высокой заводской трубы, едва заклубился онъ, сливаясь съ облаками, какъ въ ту-же минуту воздухъ пропитался запахомъ сивухи и на сивушный запахъ этотъ со всѣхъ сторонъ повалилъ народъ. Заводъ наполнился гамомъ рабочихъ, стономъ машинъ и словно весь задымился, выпуская паръ и въ окна, и въ двери, и въ щели. Въ усадьбѣ каждый день словно ярмарка собиралась. Везли хлѣбъ, муку, ссыпали ее на заводъ, въ амбары, и повсюду, по всѣмъ угламъ, во всѣхъ закоулкахъ, даже возлѣ самаго дома—съ утра и до ночи шумѣлъ народъ. Вокругъ завода, словно грибы, повыскакали клевушки, сарайчики, заборчики, и во всѣхъ этихъ импровизированныхъ постройкахъ раздавалось хрюканье свиней, мычаніе коровъ, быковъ и телятъ. Весь этотъ скотъ былъ пригнанъ на заводъ и тамъ откармливался бардой. Ближайшіе жители пріѣзжали за бардой, наполняли ею бочки и, словно пожарная команда, съ трескомъ и громомъ мчались домой и развозили по окрестностямъ запахъ сивухи. Одѣтый въ дубленый полушубокъ и перепоясанный краснымъ кушакомъ, Обер-

тышевъ цѣлые дни проводилъ въ Ольшанкѣ. Онъ сдавалъ хлѣбъ, принималъ бочки съ виномъ и бочки эти съ «накладными» разсылалъ по всѣмъ кабакамъ. Работа кипѣла; Обертышевъ поспѣвалъ вездѣ,—и на заводѣ, и въ амбарахъ, и въ кабакахъ. Весело было смотрѣть на это энергичное лицо.

— Отлично, хорошо! — кричалъ онъ, встрѣчаясь съ Борисомъ Дмитричемъ.—Весь уѣздъ заполонимъ... весело, хорошо!

Поправился къ тому времени и Дмитрій Иванычъ; только смотрѣлъ онъ все какимъ-то задумчивымъ и скучнымъ. Несмотря на кипѣвшую повсюду жизнь, на весь этотъ общій гамъ и шумъ, на эту повальную суету, онъ по цѣлымъ днямъ ничего не говорилъ; скажетъ «да» или «нѣтъ» и опять замолчитъ. Словно онъ все о чемъ-то думалъ, что-то соображалъ и томился подъ гнетомъ этихъ соображеній. За то всѣ замѣтили въ немъ ту перемѣну, что, не вникавшій съ пріѣздомъ сына въ подробности хозяйства, даже отстранившійся совершенно отъ этихъ подробностей, онъ теперь, наоборотъ, сталъ входить во все. Онъ какъ-бы старался вникнуть въ дѣло, ознакомиться съ нимъ. Онъ началъ вставать чуть свѣтъ, сталъ поздно

ложиться, почти весь день проводилъ на ногахъ и присматривался ко всему происходившему въ Ольшанкѣ. Онъ заходилъ въ контору, просиживалъ тамъ по нѣскольку часовъ, разсматривалъ книги, журналы и вникалъ въ тайны бухгалтеріи. Онъ даже сошелся съ Обертышевымъ, часто зазывалъ его къ себѣ въ домъ, поилъ чаемъ и знакомился съ его соображеніями по дѣлу поставки хлѣба и покупки вина. Повидимому, человѣкъ былъ и занятъ, и даже озабоченъ, а все-таки это былъ уже не тотъ Дмитрій Иванычъ, котораго видѣли мы прежде. Онъ словно постарѣлъ, словно осунулся.

Только, когда пріѣзжалъ Бутенко, Дмитрій Иванычъ оживалъ. Сдавши всѣ свои дѣла Панталонову и составивши сенату объясненіе (которое онъ, дѣйствительно, напечаталъ и разослалъ по всему уѣзду), Бутенко теперь отдыхалъ отъ тяжелыхъ трудовъ. Они играли, по обыкновенію, въ шахматы, въ карты, шумѣли, бранились, иногда даже бросали игру и расходились по разнымъ комнатамъ, но, въ концѣ-концовъ, опять подходили къ столу и молча принимались за продолженіе игры. Это происходило почти каждый вечеръ; а часовъ въ

одиннадцать «крѣпостной человѣкъ» накрывалъ на столъ, и компанія садилась ужинать.

Нерѣдко, въ особенности когда ночи были лунныя, Дмитрій Иванычъ провожалъ Бутенко до половины дороги, а иногда даже до самой усадьбы и затѣмъ возвращался домой. Только въ послѣднее время Дмитрій Иванычъ какъ-то разлюбилъ бывать въ усадьбѣ у Бутенко; дѣло въ томъ, что въ усадьбѣ этой поселился Панталоновъ. Онъ снялъ тотъ самый флигель съ двумя библейскими деревами, въ которомъ помѣщалась когда-то камера Бутенко. Флигель этотъ былъ большой, о двухъ половинахъ, раздѣляемыхъ сѣнями, и заключалъ въ себѣ всѣ удобства, необходимыя для холостаго судьи. Въ одной половинѣ была квартира Панталонова, а въ другой — помѣщалась камера. Встрѣча съ Панталоновымъ каждый разъ возмущала Дмитрія Иваныча, а вывѣска, прибитая Панталоновымъ надъ крылечкомъ флигеля и гласившая, что здѣсь помѣщается камера мироваго судьи, выводила его даже изъ себя.

Разъ какъ-то, въ отсутствіе Панталонова, Бутенко затащилъ Дмитрія Иваныча въ ка-

меру. Ее нельзя было узнать. Она была оклеена новенькими обоями; судейскій столъ, покрытый краснымъ сукномъ, помѣщался на возвышеніи за рѣшеткой. Передъ столомъ стояло мягкое кресло, а на столѣ въ строгомъ порядкѣ были разставлены судебные уставы, десятый томъ свода законовъ, уложенія о наказаніяхъ, и тутъ же, въ видѣ свернувшейся змѣи, лежалъ судейскій знакъ. Посреди стола — роскошная чернильница, пачка бѣлой бумаги и нѣсколько стаканчиковъ съ перьями, карандашами и сургучемъ. Возлѣ рѣшетки помѣщался налой, а на немъ завернутые въ эпитрахиль крестъ и евангеліе; для публики было поставлено нѣсколько скамеекъ, выкрашенныхъ подъ дубъ.

Точно такой-же порядокъ замѣчался и въ квартирѣ Панталонова. Новенькая мебель была разставлена акуратно, каждый столикъ былъ накрытъ вязаной бѣлой салфеточкой и на столикахъ этихъ стояли блестящіе подсвѣчники съ цвѣтными розетками и необожженными стеариновыми свѣчами. Въ маленькой гостиной помѣщался новенькій диванъ, обитый трипомъ, передъ нимъ столъ съ лампой, а подъ диваномъ и сто-

ломъ бархатный коверъ съ яркими цвѣтами и гирляндами. Въ простѣнкѣ, какъ-разъ противъ дивана, висѣло зеркало съ подзеркальнымъ столикомъ, а на столикѣ подъ стеклянымъ колпакомъ красивая ваза съ восковыми цвѣтами. На окнахъ висѣли кисейныя занавѣсочки, а надъ диваномъ большой фотографическій портретъ начальника губерніи, съ бакенбардами въ видѣ котлетъ и съ надменной улыбкой на тонкихъ губахъ. Въ спальной тоже все дышало акуратностію и порядочностію; только масляная картина, висѣвшая какъ-разъ надъ кроватью и изображавшая какую-то нагую полногрудую нимфу, рискинувшуюся на мягкой муравѣ, нѣсколько разоблачала тайныя наклонности молодаго судьи.

Осмотрѣвъ все это, Дмитрій Иванычъ пересталъ бывать у Бутенко.

Нечего говорить, что, съ открытіемъ винокуренія, заботъ у Бориса Дмитрича сдѣлалось еще больше. Приходилось поспѣвать повсюду. Надо было поспѣвать и на заводъ, и на мельницу, которая, по словамъ мельника, такъ и «жрала» хлѣбъ, и на гумно, и въ контору, и въ поля, гдѣ метали пары, подготовляя землю къ яровымъ по-

сѣвамъ. Борисъ Дмитричъ утроилъ прикащиковъ, выбралъ для этого ловкихъ и смѣтливыхъ людей, но и за прикащиками необходимо было наблюденіе. Словомъ, хлопотъ было по горло. Раза два пришлось однажды повздорить съ акцизными чиновниками, но все это только еще болѣе возбуждало въ немъ энергію и желаніе поставить дѣло на прочную ногу. Съ приливомъ въ Ольшанку рабочаго люда удвоилась и его медицинская практика. Онъ рѣшился устроить маленькую больницу для приходящихъ и пригласилъ опытнаго фельдшера. Надо было выписать и медикаментовъ. Вслѣдъ за устройствомъ «больнички», Борисъ Дмитричъ устроилъ и небольшую школу. Онъ накупилъ учебниковъ, аспидныхъ досокъ, грифелей, опредѣлилъ учителемъ Любомудрова, и какъ только народъ узналъ объ этой школѣ, такъ мальчишки повалили въ нее со всѣхъ сторонъ. Словомъ, у Бориса Дмитрича не было минуты свободной, и только часа въ два по-полудни, когда Обертышевъ пріѣзжалъ обыкновенно въ Ольшанку сводить счета съ конторой, Борисъ Дмитричъ куда-то незамѣтно исчезалъ и пропадалъ нѣ-

которое время. Куда исчезалъ онъ — неизвѣстно, и только однажды Любомудровъ рѣшился замѣтить ему про эти исчезновенія.

— Борисъ Дмитричъ, — проговорилъ онъ: — будьте осторожны...

— Чтó такое?

— Васъ начинаютъ подозрѣвать. Чуть-ли не догадываются даже, въ чемъ дѣло.

Между тѣмъ, время все шло да шло... Приближеніе зимы давало уже знать себя. По небу носились сѣрыя тучи, лѣсъ сталъ обнажаться, и пожелтѣвшіе листья, срываемые вѣтромъ, падали на землю, устилая ее желтымъ ковромъ. Въ трубахъ завылъ вѣтеръ, двойныя рамы давно уже были вставлены, въ саду все было голо, на клумбахъ торчали почернѣвшія отъ мороза растенія; дикій виноградъ, тоже побитый морозомъ, висѣлъ какими-то безпорядочными прядями и ягоды его клевали индѣйки, цѣлыми стаями приходившія на балконъ. Глупая птица эта забиралась на рѣшетку, на шпалеры винограда, и нагоняла тоску своимъ тоскливымъ мурлыканьемъ.

Не существовало и купальни. Она тоже была разобрана и спрятана въ «матеріаль-

ный сарай». Рѣка стала подергиваться «саломъ», прибрежный камышъ повалился, и вода въ рѣкѣ сдѣлалась такой прозрачной и свѣтлой, что при одномъ взглядѣ на эту воду морозъ пробѣгалъ уже по тѣлу: такъ вѣяло отъ нея холодомъ!

Разъ какъ-то Борисъ Дмитричъ забрелъ на огородъ и, идя вдоль бывшихъ капустныхъ грядъ, поднялъ вальдшнепа; Борисъ Дмитричъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ — и другой вальдшнепъ выпорхнулъ почти изъ-подъ ногъ его. Онъ пошелъ домой, взялъ ружье и убилъ на огородѣ трехъ вальдшнеповъ. Съ огорода онъ пошелъ въ лѣсъ, тамъ вальдшнепы поднимались на каждомъ шагу; онъ разстрѣлялъ всѣ патроны и принесъ домой пятнадцать штукъ.

— Смотрите-ка! — крикнулъ онъ отцу, показывая убитую дичь. Но Дмитрій Иванычъ только вздохнулъ.

— Вы что-же вздыхаете? — спросилъ Борисъ.

— А то, что скоро, значитъ, и остальная птица полетитъ на югъ. Зима! — добавилъ онъ.

И дѣйствительно, вскорѣ осенній воздухъ огласился крикомъ отлетавшихъ птицъ.

— Тронулись! — говорилъ Дмитрій Иванычъ.

И, выйдя на крыльцо, онъ останавливался, поднималъ голову и по цѣлымъ часамъ провожалъ этихъ отлетающихъ гостей. Онъ стоялъ неподвижно, сложивъ на груди руки, и мутными, потухавшими глазами впивался въ даль небесную...

— Чего голову-то задрали! журавлей что-ли считаете! — ворчалъ Архипъ, глядя на барина, но, замѣтивъ, что тотъ стоитъ попрежнему и даже глазомъ не моргнулъ, прибавлялъ:

— Натрудите, натрудите себѣ шею-то! А тамъ, ночью опять стонать начнете.

И это повторялось каждый день.

— Гдѣ батюшка? — спроситъ бывало Борисъ Дмитричъ Архипа.

— Извѣстно гдѣ! На крыльцѣ торчитъ, галокъ считаетъ.

Борисъ Дмитричъ выходилъ на крыльцо и, дѣйствительно, видѣлъ тамъ отца стоявшимъ со сложенными на груди руками и съ запрокинутой кверху головой.

— Батюшка, чтó съ вами?

— Да, полетѣли, полетѣли! — шепталъ онъ.

Вскорѣ уѣхалъ въ Москву и Бутенко. Дмитрій Иванычъ проводилъ его до станціи желѣзной дороги, усадилъ въ вагонъ и только тогда ушелъ съ платформы, когда поѣздъ скрылся изъ виду.

— И этотъ улетѣлъ! — подумалъ Дмитрій Иванычъ и поѣхалъ домой. Со станціи онъ привезъ сыну письмо. Конвертъ былъ облѣпленъ какими-то нерусскими марками и весь испещренъ почтовыми штемпелями, а наверху красивымъ почеркомъ было написано «Russland», а затѣмъ русскій адресъ. Письму этому Борисъ Дмитричъ очень обрадовался.

— Отъ кого это? — спросилъ Дмитрій Иванычъ сына, когда тотъ прочелъ письмо.

— Отъ товарища, друга.

— Изъ-за границы?

— Да, изъ Іены.

— Онъ чтó-же тамъ дѣлаетъ?

— Учится. Это одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которыхъ правительство командировало заграницу; я какъ-то тебѣ говорилъ объ этомъ.

— Помню. Мы ходили по саду, и ты мнѣ разсказывалъ.

— Однако, у тебя отличная память.

— Да, я помню. Вѣдь я и тебѣ тоже предлагалъ ѣхать.

— Да, предлагалъ.

— Ну что-же, пріятель твой доволенъ?

— Еще-бы! Пишетъ, что совершенно счастливъ, мечтаетъ о будущей славѣ, восхищается товарищами, профессорами, природой. Описываетъ студенческую жизнь, университетъ, пребываніе свое въ Берлинѣ, поѣздку по Рейну, музеи, картинныя галереи. Словомъ, исписалъ два почтовыхъ листа вдоль и поперекъ.

Всю ночь не спалъ Дмитрій Иванычъ. Онъ даже не раздѣвался и не тушилъ лампы. Онъ то ходилъ изъ угла въ уголъ, то садился за столъ, и разложивъ передъ собою конторскія книги, долго о чемъ-то думалъ и что-то соображалъ. Раза два на цыпочкахъ онъ неслышно подходилъ къ комнатѣ сына, пріотворялъ дверь, но, видя, что сынъ спитъ, крестилъ его и опять уходилъ въ свою комнату. Въ домѣ была могильная тишина, только одинъ храпъ «крѣпостнаго человѣка» нарушалъ это молчаніе. Возвратясь въ свою комнату, онъ опять садился за книги и принимался что-то выкладывать на счетахъ. Выкладку эту старикъ повто-

рялъ нѣсколько разъ, но каждый разъ у него составлялась одна и та-же цифра 648. Когда стало свѣтать, старикъ улегся, но въ девять часовъ онъ былъ уже опять одѣтъ. Борисъ Дмитричъ даже удивился, увидавъ въ залѣ отца.

— Отецъ, что это съ тобой? — вскрикнулъ онъ. — Да ты просто красавцемъ сегодня! и румянъ, и свѣжъ, и бодръ!

— И веселъ, прибавь, — проговорилъ Дмитрій Иванычъ: — веселъ такъ-же, какъ и въ день твоего пріѣзда сюда.

— Но что-же значитъ все это?

— А то, любезный другъ, что ужасно какъ захотѣлось выпустить тебя изъ клѣтки и посмотрѣть, какъ ты полетишь туда, въ теплый край, вдогонку за товарищами, за тѣми стаями улетѣвшихъ птицъ, на пролетъ которыхъ я такъ засматривался. Теперь ты мнѣ все наладилъ, устроилъ, дѣло пошло отлично, я ознакомился съ нимъ, какъ слѣдуетъ, Обертышевъ будетъ мнѣ помогать, какъ человѣкъ заинтересованный въ дѣлѣ; слѣдовательно, продолжать дѣло не трудно. Разстояніе насъ разлучить не можетъ, мы все-таки будемъ вмѣстѣ. Развѣ я не буду живъ тобой, хотя-бы ты былъ

и на краю свѣта? Наконецъ, развѣ ты на вѣчно уѣзжаешь? Да, уѣзжай, мой другъ, я тебѣ дамъ шестьсотъ рублей, а черезъ мѣсяцъ пришлю еще столько... Дѣлать тебѣ здѣсь нечего, здѣсь жить только намъ, старикамъ, а не тебѣ, бодрому и сильному...

— Вы что-же это, бѣлены, что-ли, объѣлись? — перебилъ вдругъ Дмитрія Иваныча тутъ-же стоявшій Архипъ: — съума, что-ли, сошли? Люди мы съ вами старые, чего мы тутъ подѣлаемъ!... Съ голоду подохнемъ, какъ есть подохнемъ. Пріѣдетъ Обертышевъ, стукнетъ насъ по головѣ — мы и капутъ!

Борисъ Дмитричъ стоялъ и молча слушалъ стариковъ, но когда они кончили, онъ обнялъ отца, крѣпко прижалъ его къ своей груди и, со слезами на глазахъ, проговорилъ:

— Спасибо тебѣ, спасибо! Вижу, что любви твоей нѣтъ предѣловъ; ты хорошій, добрый, умный отецъ, но знай, что любовью этой я не воспользуюсь. Вѣдь я тоже люблю тебя, но отсюда не уѣду. Работать и трудиться можно вездѣ. Повторяю: я не поѣду отсюда!

И въ Ольшанской усадьбѣ, повидимому, все пошло по-старому.

Хотя предостереженіе, сдѣланное Борису Дмитричу Любомудровымъ по поводу его таинственныхъ исчезновеній, и было высказано вскользь, однако, молодой ольшанскій баринъ не оставилъ его безъ вниманія. Онъ сталъ наблюдать за Обертышевымъ и убѣдился, что это былъ уже не тотъ Обертышевъ. Открытое, веселое лицо его сдѣлалось сумрачнымъ; брови словно сдвинулись; онъ сталъ глядѣть какъ-то изподлобья и при встрѣчахъ съ Борисомъ Дмитричемъ не кричалъ уже: «хорошо, весело!» — а только сухо раскланивался, протягивалъ молча руку и молча-же проходилъ въ контору. У Бориса Дмитрича сердце ныло при видѣ всего этого, и опять слова Любомурова: «не далеко-ли зашелъ онъ»—не давали ему покоя. Ему словно было стыдно, нехорошо, неловко. Онъ сознавалъ, что поступокъ его нечестный, и вмѣстѣ съ тѣмъ не зналъ, какъ выбраться изъ этого отвратительнаго положенія. Перемѣна, происшедшая съ Обертышевымъ, не ускользнула и отъ Дмитрія Иваныча.

— Что это съ Обертышевымъ сдѣлалось?— спросилъ онъ однажды сына.

— Что такое?

— Его узнать нельзя; прежде, бывало, каждый день ко мнѣ заходилъ, чай пилъ, про дѣла говорилъ, а теперь даже не зайдетъ. Вчера съ крыльца кричу ему: «Константинъ Иванычъ, зайдите!» а онъ хоть-бы отвѣтилъ: сѣлъ на дрожки, поклонился и уѣхалъ.

Зашелъ какъ-то къ Борису Дмитричу «веселый батюшка». Онъ пришелъ съ просьбой дозволить ему привести въ Ольшанку двухъ «коровенокъ» и безплатно до весны прокормить ихъ бардой. Борисъ Дмитричъ охотно позволилъ ему это; священникъ поблагодарилъ, а затѣмъ принялся острить надъ кумомъ (извѣстно уже, что Обертышевъ крестилъ у него дѣтей) и разошелся въ своихъ остротахъ до такой степени, что Борису Дмитричу стало неловко, и онъ поспѣшилъ оставить «веселаго батюшку». Вслѣдъ за тѣмъ какъ-то и Панталоновъ съострилъ что-то на счетъ мельничихи и остротой этой чуть не взорвалъ Бориса Дмитрича; только убоясь скандала, послѣдній пропустилъ ее безъ отвѣта и былъ несказанно радъ, когда Панталоновъ уѣхалъ. Изъ всего этого Борисъ Дмитричъ убѣдился,

что таинственныя исчезновенія его вовсе не такъ таинственны, какъ онъ думалъ. Онъ рѣшился на время прекратить свои свиданія съ Агаѳьей Петровной.

Сдѣлать это было тѣмъ болѣе легко, что сама Агаѳья Петровна слѣдующей запиской просила его объ этомъ. «Дорогой мой! — писала она: — я не знаю, что со мной дѣлается... я не могу жить безъ тебя, а между тѣмъ боюсь, боюсь не за себя — мнѣ все равно — а боюсь за тебя, какъ-бы съ тобой чего не случилось. Ненавистный, кажется, начинаетъ догадываться; погоди ходить. Когда будетъ можно — напишу. Ты все хвалишь Любомудрова; смотри, не ошибись. Не онъ-ли опять дѣйствуетъ? впрочемъ, я ничего не понимаю, ничего не знаю и только боюсь всего. Чувствую, что я больна, болитъ душа, болитъ сердце. Жизнь моя! Пойми-же, наконецъ, какъ я люблю тебя.»

Борисъ Дмитричъ прочелъ эту записку и побѣжалъ къ Любомудрову. Любомудровъ въ это время былъ въ школѣ и, занавѣсивъ дѣтскими халатиками окна, силился съ помощью свѣчки и арбуза объяснить ученикамъ, отъ чего бываетъ день и отъ чего

ночь. Но Борисъ Дмитричъ былъ до того возбужденъ, что какъ-только вошелъ въ школу, такъ въ ту-же минуту прервалъ занятія и вызвалъ Любомудрова въ сѣни.

— Послушайте, Любомудровъ, — проговорилъ онъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ: — ужь не хотите-ли вы и меня подвергнуть обличенію въ газетахъ?

— Я васъ не понимаю, Борисъ Дмитричъ.

— Не понимаете? Такъ вотъ неугодно-ли прочесть это письмо!

Любомудровъ прочелъ его со вниманіемъ и, возвращая Борису Дмитричу письмо, проговорилъ:

— То, что говорится про меня въ этомъ письмѣ, меня не удивляетъ; но меня удивляетъ та глубина чувствъ, то отчаяніе, которое женщина выражаетъ въ немъ. Борисъ Дмитричъ, берегитесь! Это шутка опасная.

— Я спрашиваю васъ не про опасность.

— Очень хорошо понимаю, какого именно ждете вы отъ меня отвѣта. Но я уже сказалъ вамъ, что подозрѣнія этой женщины меня нисколько не удивляютъ. Весьма свойственно видѣть ей доносчика въ томъ че-

ловѣкѣ, который однажды разыгралъ уже эту грязную роль. Но тогда я самъ искалъ любви этой женщины; я самъ пылалъ къ ней такою-же страстью, какою, въ настоящую минуту, она пылаетъ къ вамъ. Какъ для нея теперь, такъ и для меня тогда—не существовало препятствій. Я не разсуждалъ тогда, а безумствовалъ, какъ безумствуетъ она теперь. Но моя страсть умолкла, я схоронилъ ее. Сначала схоронилъ въ кабакѣ, а теперь въ этой школѣ, которую вамъ угодно было поручить мнѣ. Въ настоящее время Агаѳья Петровна ошибается. Я ни слова не говорилъ Обертышеву. Объявляю вамъ это торжественно.

— И вы не лжете?

— Борисъ Дмитричъ! къ чему такія рѣзкія выраженія? Вѣдь вы не плебей!

Борисъ Дмитричъ подалъ ему руку.

— Извините меня, — проговорилъ онъ. — Но поймите, что я нахожусь въ самомъ возбужденномъ состояніи. Вѣдь я люблю эту женщину страстно, безумно... Простите-же. Но я счастливъ и за васъ, и за себя, потому что мнѣ горько было-бы разочароваться въ васъ...

Между тѣмъ, Обертышевъ попрежнему

продолжалъ посѣщать Ольшанку; попрежнему сдавалъ хлѣбъ и муку, получалъ изъ конторы квитанціи и квитанціями этими расплачивался за получаемое вино. Подводы съ бочками развозились во всѣ стороны, и заводъ едва поспѣвалъ удовлетворять требованіямъ весь уѣздъ забравшаго въ руки кабатчика. Онъ забиралъ вино въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что сплошь да рядомъ склады Бориса Дмитрича не имѣли у себя ни единой бочки вина. Склады поэтому торговали плохо, но, несмотря и на эту плохую торговлю, Обертышевъ все-таки неустанно слѣдилъ за этими складами: дѣлалъ къ нимъ «подсылы» и успѣлъ однажды изловить одинъ изъ складовъ въ незаконной продажѣ вина.

— Борисъ Дмитричъ, — сказалъ онъ однажды, встрѣтясь съ нимъ въ конторѣ: — у васъ въ шепелевскомъ складѣ пошаливаютъ-съ.

— Что такое?

— Не хорошо поступаютъ-съ.

— А именно?

— Законныхъ правилъ не соблюдаютъ-съ. Складъ, какъ вамъ извѣстно-съ, менѣе трехъ ведеръ отпускать не можетъ-съ,

а шепелевскій складъ отпустилъ одно ведро-съ.

— Кому это?

— Моему прикащику-съ; подсылалъ я его. Нарочно номеръ кредитки записалъ-съ. «На, говорю, и купи въ складѣ ведро вина!» Онъ пошелъ и немного погодя принесъ ведро. Я со свидѣтелями тотчасъ-же въ складъ и кредитку нашелъ въ «выручкѣ». Смотритель, положимъ, прощенья у меня просилъ, въ ногахъ валялся, просилъ не дѣлать его несчастнымъ-съ, только все-таки такъ поступать неблагородно-съ.

— Надѣюсь,—перебилъ его Борисъ Дмитричъ: — что вы меня-то, по крайней мѣрѣ, не подозрѣваете въ этомъ неблагородствѣ?

— Мнѣ отъ этого убытокъ-съ.

— Я не разрѣшалъ такого беззаконія...

— То-то, пожалуйста-съ, сдѣлайте ваше одолженіе, запретите-съ. Я, точно-съ, на первый разъ простилъ его-съ, деньги только всѣ сполна отобралъ-съ, ну, а если еще разъ замѣчу, такъ ужь не прощу-съ... Потому эту самую винную операцію надо соблюдать во всей строгости-съ.

— Будьте покойны! завтра-же смотритель будетъ удаленъ.

— Пожалуйста-съ.

И, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Вотъ еще насчетъ очистки я хотѣлъ переговорить съ вами-съ: очень ужь водку плохо очищаютъ. Какъ есть одной только водой спиртъ сыропятъ.

— Ну, ужь это неправда; вино очищается какъ слѣдуетъ... Я самъ наблюдаю за этимъ.

— Не знаю-съ, можетъ быть-съ. Только все-таки очень нехорошо припахиваетъ. Другая бочка такая угодитъ-съ, что близко не подойдешь къ ней, такъ и обдастъ тебя сивухой... Ужь я васъ буду просить, чтобы этого запаху не было-съ, Теперича, если мы будемъ вонючей водкой торговать-съ, такъ, чего добраго, къ намъ водку изъ другихъ уѣздовъ подвалятъ. Тогда ужь конкуренція пойдетъ, а это ужь послѣднее дѣло.

Борисъ Дмитричъ до того разсердился, что готовъ былъ на этотъ разъ надѣлать Обертышеву дерзостей, но удержался и только поспѣшилъ выйти изъ конторы.

Въ тотъ-же день Архипъ подалъ Борису Дмитричу запечатанную записку.

— Отъ кого это?

— Почемъ я знаю! — сердито промычалъ

Архипъ, очень хорошо знавшій, откуда присылаются записки, и направился-было къ двери, но Борисъ Дмитричъ остановилъ его.

— Кто принесъ?

— Мужикъ — вотъ кто.

И онъ вышелъ изъ комнаты.

Записка, конечно, была отъ Агаѳьи Петровны.

«Милый, дорогой! — писала она: — наконецъ-то, наконецъ-то я увижу тебя, я буду имѣть возможность говорить съ тобою. У меня такъ много накопилось и на душѣ, и въ мысляхъ, что необходимо видѣть тебя, мой ненаглядный, счастіе, жизнь, радость моя! Сегодня въ четыре часа ненавистный уѣзжаетъ въ городъ. Онъ уже велѣлъ кучеру приготовить лошадей, а мнѣ — заготовить для него на дорогу пирожковъ и яицъ. Приходи-же. Я выйду къ тебѣ навстрѣчу, какъ-только смеркнется. Ахъ, если-бы ты зналъ только, какъ мнѣ тяжело, какъ тяжело! Какъ тоскуетъ сердце мое, какъ я боюсь всего, всего, даже малѣйшаго шороха, малѣйшаго шума. Радость моя! облегчи-же мои страданія! Дай-же мнѣ вздохнуть свободно! Дай мнѣ наглядѣться на

тебя, наговориться съ тобой! Вѣдь ты для меня все... Пойми — все!»

Разъ двадцать прочелъ Борисъ Дмитричъ эту записку и чѣмъ болѣе вникалъ въ смыслъ ея, тѣмъ болѣе приходилъ въ ужасъ. Страхъ, какой-то невѣдомый, неизъяснимый страхъ овладѣлъ имъ также, какъ овладѣлъ и несчастной Агаѳьей Петровной. Онъ готовъ былъ тотчасъ-же бѣжать къ ней; какая-то невѣдомая сила тянула его къ ней, также какъ тянетъ человѣка высота броситься внизъ. Какъ-только наступили сумерки, — онъ накинулъ пальто, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ дому. Пройдя ворота усадьбы, онъ почти столкнулся съ Любомудровымъ, возвращавшимся домой.

— Ахъ, это вы! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ. — Откуда это?

— Гулять ходилъ. Сегодня цѣлый день сидѣлъ, такъ походить захотѣлось. А вы куда... туда?

— Да.

— Я тоже доходилъ до самаго села почти.

— Обертышева не видали?

— Встрѣтилъ; онъ въ городъ поѣхалъ...

— Не знаете, надолго?

— Говорилъ, что дня на три, но не думаю.

— Почему?

— Такъ, не вѣрится что-то. Не похоже какъ-то...

— Да?

— По моему, да...

— Однако, до свиданья, — перебилъ его Борисъ Дмитричъ.

И они разошлись.

Несмотря на то, что октябрь мѣсяцъ уже давно наступилъ, а все-таки вечеръ былъ до того теплый, что Борисъ Дмитричъ даже пожалѣлъ, что надѣлъ на себя ватное пальто. Сумерки сгущались быстро и быстро перешли въ ночь. Ночи въ ту пору хотя и были лунныя, но такъ какъ съ вечера «примеркало», то Борису Дмитричу пришлось идти въ совершенной темнотѣ. Ночь была тихая, покойная, только тамъ, въ сторонѣ завода, что-то стонало, грохотало, шумѣло и нарушало общую тишину. Слышался говоръ людской, чьи-то крики, вздохи паровика, а изъ высокой заводской трубы валилъ дымъ. Фонтаномъ вылетавшія искры освѣщали его и окрашивали въ багровый цвѣтъ точно такъ-же, какъ окрашивали

онѣ въ тотъ-же цвѣтъ и висѣвшее надъ заводомъ облачко. Но даже и эта величавая картина, даже этотъ огненный вулканъ, этотъ черный, словно обугленный силуэтъ завода съ огоньками, горѣвшими въ его многочисленныхъ окнахъ, не привлекли на себя хотя-бы мимолетнаго взгляда Бориса Дмитрича. Онъ шелъ скоро, торопливо, почти бѣжалъ и вскорѣ отошелъ отъ Ольшанки настолько далеко, что даже огненный фонтанъ скрылся изъ вида. Онъ шелъ и чувствовалъ, какъ сердце билось въ его груди, какъ дыханіе спиралось въ гортани. Онъ шелъ и все смотрѣлъ впередъ, въ эту непроглядную тьму, силясь разглядѣть, не идетъ-ли къ нему навстрѣчу Агаѳья Петровна. Вѣдь она обѣщала-же встрѣтить его. Вдругъ послышались какъ-будто чьи-то шаги. Борисъ Дмитричъ пріостановился, сталъ прислушиваться; шаги дѣйствительно раздавались—торопливые, быстрые, словно кто-то бѣжалъ по дорогѣ. «Ужь не она-ли!» подумалъ онъ. И въ ту-же минуту, выдѣлившись изъ мрака ночи, предъ нимъ предстала Агаѳья Петровна.

— Милый! — вскрикнула она и, рыдая, упала къ нему на грудь.

Минутъ пять пробыли они въ такомъ положеніи, минутъ пять оба они не могли выговорить ни слова. И только одни жаркія объятья, да поцѣлуи, да нервныя рыданія могла подслушать и подсмотрѣть эта все прикрывающая ночь.

— Милый, дорогой мой! — повторила Агаѳья Петровна: — жизнь, радость моя!

И, обливаясь слезами, она снова принялась цѣловать и глаза, и лобъ, и губы, и даже руки Бориса Дмитрича.

— Что съ тобой?... успокойся, успокойся, дорогая моя! — шепталъ Борисъ Дмитричъ. — Ну, успокойся-же, вѣдь мы же вмѣстѣ!

— Нѣтъ, Боря, такъ жить нельзя! Силъ моихъ нѣтъ; я съ ума схожу... Я сама не знаю, что дѣлаю!

— Ну, успокойся-же, дорогая, и пойдемъ.

Немного погодя, когда нервный припадокъ прошелъ или, по крайней мѣрѣ, значительно утихъ, они пошли, крѣпко держа другъ друга за руку, по дорогѣ, ведущей въ село Покровское. Долго шли они молча; наконецъ, Агаѳья Петровна, какъ-бы собравшись съ силами, прервала это молчаніе.

— Я опять вижу тебя, опять съ тобой, —

прошептала она, задыхаясь отъ избытка разомъ нахлынувшихъ чувствъ: — я опять могу отдохнуть... Хоть немного, хоть нѣсколько часовъ!

И, перемѣнивъ тонъ, она спросила уже болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Ты въ которомъ часу получилъ мое письмо?

— Часа въ три.

— А знаешь, съ кѣмъ я его отправила?

— Какой-то мужикъ его принесъ.

— Ну да, мужикъ. И вотъ какъ было дѣло: узнавши, что мужъ ѣдетъ въ городъ, я сейчасъ-же побѣжала къ себѣ въ комнату и написала письмо, но съ кѣмъ-бы переслать это письмо—рѣшительно не знала. Въ послѣднее время я стала всѣхъ бояться. Вдругъ вспомнила я, что мужики въ Ольшанку за бардой ѣздятъ. Я вышла на выгонъ, смотрю: ѣдетъ мужичекъ съ бочкой. Я сейчасъ къ нему: — «милый человѣкъ, говорю, ты куда это ѣдешь?» — «Въ Ольшанку, говоритъ, за бардой.» — «Ты меня знаешь?» спрашиваю. — «Нѣтъ, говоритъ, не знаю. Я не здѣшній, я только вечоръ сюда въ работники къ мужичку опредѣлился.» — «Ну, тѣмъ лучше, говорю; такъ

вотъ тебѣ письмо, въ Ольшанкѣ есть молодой баринъ, ему и отдай письмо это, а за твои хлопоты, говорю, вотъ тебѣ двугривенный.» Что, хорошо?

И она снова бросилась обнимать и цѣловать Бориса Дмитрича, но немного погодя снова заговорила:

— Ахъ, Боря, Боря, еслибы ты зналъ только, какъ ты мнѣ дорогъ, какъ я люблю тебя! А сколько мученій пережила я въ эти дни! Хотѣлось-бы знать прежде всего твое мнѣніе насчетъ всего того, что было между нами. Полагаю, что ты не поступилъ-бы именно такъ, если-бы имѣлъ желаніе осудить меня. Вѣдь я забыла все, махнула рукой на все, чувствуя, что съ своею собственной особой человѣкъ въ правѣ сдѣлать все, что хочетъ, даже убить себя...

— А я развѣ не люблю тебя такъ-же безумно, такъ-же страстно? Развѣ я не мучаюсь точно такъ-же, какъ и ты? Тебѣ хочется знать, что я думаю о тебѣ? Но ты спроси меня прежде, что самъ-то о себѣ я думаю! Ничего я не понимаю, ничего я не знаю... Я только чувствую, что оба мы съ тобой на краю бездны. Но пусть будетъ

что будетъ! Теперь уже поздно; надо было думать прежде. Что дѣлаю я? что дѣлаешь ты? я не знаю, но чувствую, что иначе поступить я не въ состояніи, не въ силахъ. Я чувствую, что сошелъ съ ума и что гублю и тебя, и себя...

— Съ тобой погибнуть! — почти вскрикнула Агаѳья Петровна:—да можетъ-ли быть счастье выше этого! Господи, неужели-же все, что ты говоришь, что сейчасъ сказалъ— правда?

— А ты сомнѣваешься?

— Да пойми-же, что я боюсь, боюсь, что именно вотъ любви-то и нѣтъ въ тебѣ ко мнѣ... Ну, да будетъ объ этомъ говорить! Я вѣрю тебѣ, да и къ чему тебѣ обманывать меня!

— Ну что-же мужъ? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Мужъ со мной ни слова.

— То-есть, какъ это ни слова?... Ни слова о своихъ подозрѣніяхъ, что-ли?

— Не о подозрѣніяхъ только, а просто пересталъ со мною говорить.

— Но вѣдь это ужасно. Такъ жить нельзя...

— А ты думалъ, что мнѣ легко живется!—

перебила его Агаѳья Петровна. — Знаешь что: какъ-то недавно, дня два тому назадъ, я руки на себя наложить хотѣла. Былъ это вечеръ: мужъ въ залѣ ходитъ, суровый, сердитый, а я рядомъ съ залой въ своей комнатѣ сижу, ножикъ хлѣбный въ рукахъ у меня, да такой острый, свѣтлый, словно бритва... И вдругъ у меня въ головѣ закружилось, сердце биться перестало, словно и не было во мнѣ сердца, какая-то тоска напала... Я подняла руку съ ножомъ. Но опомнилась... «Можетъ быть, не все еще кончено!» — подумала я: — «увижу Борю, поговорю...» Да, Боря, вотъ каково житье мое!

— Да, такъ жить нельзя! — задумчиво проговорилъ онъ, и оба пошли молча.

— А вотъ и Покровское, — проговорила немного погодя Агаѳья Петровна. — Смотри, какъ красиво свѣтятся огоньки въ избушкахъ, словно угольки какіе, маленькіе, крохотные. А вонъ и мельница наша. Прежде я любила ее. Нравился мнѣ и шумъ воды, и стукъ колесъ, а теперь все опостылѣло. Глаза бы не глядѣли ни на что. Домъ кажется тюрьмой, острогомъ, а шумъ воды — какимъ-то ворчаніемъ... Словно и мельница

брюзжитъ и ворчитъ на меня, какъ свекровь старая да злая... Знаешь что, милый? Не пойдемъ мы туда!

— Какъ хочешь...

— Пойдемъ лучше въ лѣсъ. Тамъ, на берегу рѣки, обрывъ есть, славный такой. Сядемъ мы на обрывѣ этомъ и будемъ говорить. Скоро должна и луна взойти. Я смерть люблю обрывъ этотъ, особливо лунной ночью.

— Ну, что-же, пойдемъ въ лѣсъ...

— Въ лѣсу просторнѣе, вольнѣе, — перебила его Агаѳья Петровна. — Никто не подглядитъ. Развѣ только совы ночныя увидятъ, да вѣдь совы все-таки птицы Божьи, а не люди злые.

И, миновавъ село, они повернули налѣво и пошли гумнами, потомъ конопляннниками, направляясь къ лѣсу.

Въ селѣ еще слышался нѣкоторый шумъ; кое-гдѣ скрипѣли ворота; кое-гдѣ болтали бабы; въ пруду слышался плескъ воды — это мальчишки лошадей поили и, сидя на нихъ верхомъ, по брюхо въѣзжали въ воду; на краю села, въ противоположномъ концѣ, кто-то ругался и грозилъ урядникомъ. И тихое молчаніе ночи разносило этотъ шумъ

засыпавшаго села на далекое пространство. Но здѣсь, на гумнахъ, по которымъ шли теперь Борисъ Дмитричъ и Агаѳья Петровна, все было тихо, все молчало, какъ-бы притаивъ дыханіе. Пройдя гумна, заставленныя хлѣбомъ, они выбрались на коноплянники и пошли по небольшой тропѣ, пробитой пѣшеходами. Ихъ такъ и обдало запахомъ конопли. Здѣсь тоже, какъ и на гумнахъ, не было ни души; здѣсь тоже все было тихо. Только минуя послѣдній коноплянникъ, что-то вдругъ фыркнуло. Агаѳья Петровна даже вскрикнула, но, всмотрѣвшись, они увидали лошадь, щипавшую тощую осеннюю травку.

— Однако, нервы-то у тебя расшатались, — замѣтилъ Борисъ Дмитричъ: — не то что прежде.

— Да, не то! — прошептала Агаѳья Петровна и, еще крѣпче сжавъ руку Бориса Дмитрича, вывела его на небольшую дорожку, ведущую къ лѣсу.

Вскорѣ они пробирались уже по берегу пруда, на противоположномъ берегу котораго чернѣли мельничныя строенія, а немного погодя были уже въ лѣсу. Шумъ лѣса такъ и охватилъ ихъ; они вздрогнули

оба и остановились, какъ-бы раздумывая: идти или-же вернуться? Но они пошли дальше. Словно сотни чудовищныхъ призраковъ, черныхъ и таинственныхъ, какъ сама ночь, прокрадывались въ деревьяхъ, шумѣли кустарникомъ, опавшимъ листомъ, протягивали громадныя руки и силились облапить непрошенныхъ гостей.

— Фу, какъ жутко! — прошептала снова Агаѳья Петровна и крѣпко прижалась къ Борису Дмитричу. — И жутко, и хорошо...

— А гдѣ-же обрывъ-то? — спросилъ онъ.

— А вотъ тутъ, недалеко, направо. Сейчасъ будетъ тропинка, мы по ней и пойдемъ.

— Ахъ, знаю, знаю теперь, — перебилъ ее Борисъ Дмитричъ. — Я какъ-то разъ удилъ съ этого обрыва. Прямо подъ обрывомъ омутъ—глубокій такой, котловиной...

— Ну вотъ, онъ самый, — заговорила Агаѳья Петровна: — народъ боится этого мѣста; говоритъ, когда-то съ обрыва этого дѣвушка утопилась, и съ тѣхъ поръ вишь въ омутѣ русалки живутъ... А я не боюсь, я люблю это мѣсто. Берегъ такой высокій, красивый, каменистый; сзади лѣсъ шумитъ густой, темный, а спереди такой простор-

ный видъ, что глазомъ не окинешь. Прямо луга, да такіе веселые, зеленые, съ извивающейся рѣчкой, съ перелѣсками и кустарниками. Направо, сквозь деревья. виднѣются крыши нашей мельницы, церковь, село; а налѣво—деревня Грачевка. Дальше тянутся поля. Верстъ на десять кругомъ видно. На самомъ обрывѣ есть дубъ, грозой его разбило, онъ и теперь лежитъ на землѣ. Я завсегда на этомъ дубѣ сижу. Сижу и думаю, а подъ ногами тихо вода плещетъ, да да такъ-то хорошо плещетъ, словно серебромъ перебираетъ, даже заслушаться можно. А вотъ и тропочка подошла.

Они повернули направо, но тропа оказалалась до того узкой и заросшей мелкимъ орѣшникомъ, что идти рядомъ было уже невозможно. Агаѳья Петровна оставила руки Бориса Дмитрича и пошла впередъ. Приходилось пробираться съ большимъ трудомъ и съ большою осторожностію, ибо сучья преграждали дорогу на каждомъ шагу, грозили выхлестнуть глаза. Немного погодя, однако, деревья стали рѣдѣть, засѣрѣло между ними небо, пахнуло вѣтеркомъ, водою, и, выйдя на берегъ, они какъ-разъ очутились на краю обрыва.

— Ну, вотъ мы и пришли, — проговорила Агаѳья Петровна: — а вотъ и дубъ; давай руку, я проведу тебя.

И, подавъ Борису Дмитричу руку, она подвела его къ повалившемуся дубу.

— Однако, ты мѣста-то здѣсь хорошо знаешь, — замѣтилъ Борисъ Дмитричъ, садясь рядомъ съ Агаѳьей Петровной...

— Еще-бы! А вонъ смотри, и луна сейчасъ взойдетъ; видишь, какъ небо-то раскраснѣлось.

Дѣйствительно, востокъ былъ облитъ заревомъ пожара. Словно гдѣ-то далеко цѣлое царство горѣло и обагрило пурпуромъ полънеба. Но прошло нѣсколько минутъ, и изъ-за вершины горы выглянулъ багровый дискъ луны. Немного погодя, однако, дискъ сталъ блѣднѣть, а выкатившись на темносинее звѣздное небо—облилъ все яркимъ серебромъ, осеребрилъ и прозрачныя облачка, словно барашки разбѣгавшіяся по небу, и луга, и лѣса, и, раскинувъ огненный мостъ поперекъ рѣки, сталъ утопать въ необъятной лазури неба. Борисъ Дмитричъ взглянулъ на Агаѳью Петровну и, увидавъ красивое лицо, ея глаза, горѣвшіе огнемъ, вырвавшуюся изъ-подъ платочка густую прядь волосъ,

крѣпко обнялъ ее и поникъ головой на ея плечо.

— Видишь, какъ хорошо здѣсь, — проговорила она, обнявъ одною рукою Бориса Дмитрича, а другою лаская его волосы: — хорошо, привольно и просторно! Такъ-бы не ушла отсюда, такъ-бы и сидѣла здѣсь да любовалась всей этой благодатью. Смотри, какъ въ водѣ отражается и небо, и луна; словно еще другое небо подъ нами со звѣздами, съ луной, съ облачками, а мы сидимъ надъ этой прозрачной пропастью. Даже сердце замираетъ, глядя въ эту глубь безпредѣльную...

Но Борисъ Дмитричъ молчалъ и, лежа на плечѣ Агаѳьи Петровны, словно и не слушалъ, что говоритъ она.

— Ты что-же молчишь, слова не скажешь?

— Не до разговоровъ мнѣ!

— Вотъ это отлично. Я ждала его, чтобы наговориться съ нимъ, а онъ молчать пришелъ.

— Сердце болитъ, Агаша, а когда болитъ сердце—языкъ не ворочается. Ты думаешь, весело было мнѣ слышать, что ты говорила. Вѣдь я хорошо понимаю, что во всемъ

этомъ дѣлѣ виноватъ только я одинъ. Надо было-бы сразу оборвать, когда была еще возможность! Когда я уѣзжалъ въ городъ на выборы, я думалъ, что я охладѣю къ тебѣ... Я хотѣлъ даже писать тебѣ, что дальше намъ идти нельзя, ни мнѣ, ни тебѣ; но мнѣ было жаль разставаться съ своимъ счастьемъ и я промолчалъ. Я, изволишь-ли видѣть, о своемъ-то счастьѣ подумалъ, а о твоемъ-то и забылъ. Нехорошо это съ моей стороны, Агаша! Я и забылъ совсѣмъ, что человѣкъ самъ себѣ столько нагородилъ перегородокъ, что если онъ начнетъ перелѣзать черезъ эти перегородки, то на это занятіе у него даже жизни не хватитъ. Я не подумалъ, чтó именно ждетъ насъ впереди; я не шелъ, а бѣжалъ съ завязанными глазами, даже и не подумавъ о возможности на что-нибудь наткнуться, куда-нибудь провалиться.

— Но неужели нѣтъ средствъ поправить дѣло? — перебила его Агаѳья Петровна:— вѣдь я-же люблю тебя. Скажи мнѣ: чего хотѣлъ-бы ты? открой мнѣ свою душу, какъ открываю я тебѣ свою. Я знаю одно только, что видѣть тебя, говорить съ тобою сдѣлалось моей насущной потребностью. Я

жить безъ тебя не могу... Это опять будетъ не жизнь, а какая-то тина, болото, сонъ, прозябаніе. Жизнь безъ радости, безъ цѣли — не жизнь.

— Да, такъ жить нельзя! — проговорилъ Борисъ Дмитричъ. — Но чтó же намъ дѣлать?

Агаѳья Петровна даже вздрогнула.

— Что люди дѣлаютъ! — проговорила она: — что люди дѣлаютъ, то и мы сдѣлаемъ. На любовь законовъ нѣтъ. Нельзя-же меня въ острогъ сажать за то, что полюбила. Я-бы и рада не любить, да чтó-же мнѣ дѣлать, коли такъ случилось?

И, взявъ Бориса Дмитрича за обѣ руки, она взглянула ему прямо въ глаза и проговорила рѣшительно:

— Я готова, слышишь-ли, готова на все. Вѣдь такъ нельзя-же, самъ посуди. Вѣкъ таиться невозможно, да и силъ не хватитъ! Ну что-же? Коли это невозможно, коли таиться силъ не хватаетъ, такъ давай объявимъ... Пусть насъ люди судятъ, коли есть за что судить...

— Дорогая моя, но вѣдь все это легче сказать, чѣмъ исполнить!

— Ничуть не трудно. Откровенно, по

душѣ мужу высказать это нельзя, потому что онъ тутъ-же на мѣстѣ убьетъ! а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: ты поѣзжай, куда знаешь — въ Москву-ли, въ Питеръ-ли, это все одно, только скажи, гдѣ найти тебя, и я тебя найду. Пойми ты, что не могу я жить безъ тебя, что не могу видѣть мужа своего, противенъ онъ мнѣ. Ну, чѣмъ-же я виновата? Если ужь сынъ для меня словно чужимъ сдѣлался, такъ ужь тутъ, значитъ, силамъ человѣческимъ поздно ладить. Нѣтъ, ужь такую любовь не обломаешь, не осилишь...

— Твоя правда, не осилишь! — задумчиво проговорилъ Борисъ Дмитричъ.

И потомъ, немного погодя, протянувъ Агаѳьѣ Петровнѣ обѣ руки, онъ проговорилъ восторженно:

— Ну, что-же!... Коли бѣжать, такъ бѣжимъ... Сначала поѣду я въ Питеръ, въ Питерѣ ты меня догонишь, а потомъ заграницу. Тамъ буду я учиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учить тебя...

Агаѳья Петровна словно ожила.

— Радость моя, счастье мое! — почти вскрикнула она и съ воплемъ упала къ нему на грудь.

Но планамъ этимъ не удалось осуществиться...

Позади разговаривавшихъ вдругъ раздался трескъ сучьевъ, чьи-то шаги. Они оглянулись и увидали передъ собою съ ногъ до головы облитаго луннымъ свѣтомъ Обертышева. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, ротъ перекосился, руки судорожно сжимались, между тѣмъ какъ глаза горѣли такимъ зловѣщимъ огнемъ, что страшно было смотрѣть на нихъ. Агаѳья Петровна вскрикнула, бросилась въ сторону, но силы ей измѣнили, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она безъ чувствъ упала на землю. Борисъ Дмитричъ вскочилъ на ноги и въ-упоръ смотрѣлъ на Обертышева. Это были два тигра, готовые броситься одинъ на другаго.

— Здравствуйте, баринъ!—говорилъ между тѣмъ Обертышевъ, подходя къ Борису Дмитричу медленной театральной походкой. — Давно-ли пожаловать изволили? Не меня-ли видѣть желаете? Можетъ, со мной переговорить хотите?

— Прошу, безъ прибаутокъ! —крикнулъ Борисъ Дмитричъ. — Коль скоро встрѣтились мы здѣсь, на этомъ мѣстѣ, при настоящихъ условіяхъ, то прибаутки становятся

лишними. Извольте говорить мнѣ: какого вамъ угодно отъ меня удовлетворенія? Я заранѣе на все согласенъ.

— Ужь не на поединокъ-ли вызывать изволите? — заговорилъ Обертышевъ, принявъ театральную позу. — Недурно придумали-съ, какъ есть по-господски! Сначала, значитъ, человѣка обезчестить, разстроить его семью, отнять жену, а потомъ ему-же всадить въ лобъ пулю! Ничего-съ, операція недурная-съ! Только вы, кажется, забыть изволили, что я не баринъ, а какъ есть мужикъ и всѣхъ этихъ господскихъ тонкостей нетолько не понимаю, но даже и не уважаю. Въ нашемъ быту этихъ самыхъ поединковъ никогда не бываетъ-съ, а есть на этотъ случай совершенно другой обычай-съ. Вотъ недавно, съ мѣсяцъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ сидѣльцевъ вотъ также жену свою съ полюбовникомъ засталъ. Онъ по-другому распорядился: любовнику зубы высадилъ, а жену на-пристяжку въ телегу запрегъ да цѣлую недѣлю такимъ образомъ по селу катался. Катается, а самъ кнутомъ ее подхлестываетъ, а потомъ въ чуланъ да на запоръ! Какъ шелковая сдѣлалась. А любовникъ-то и сейчасъ въ боль-

ницѣ валяется. Ну-съ, баринъ, какъ вамъ нравится такая исторія? Вѣдь ничего-съ, фугуриста!

— Подлецъ! — закричалъ Борисъ Дмитричъ.

— Ну, а вы полегче-съ, не ругайтесь!

— Такъ вы бить меня хотите, а жену въ телегу запречь?...

— Должно быть, что такъ-съ...

— Мерзавецъ!

Обертышевъ вздрогнулъ. Онъ сдѣлалъ шага два назадъ и съ поднятыми кулаками бросился-было на Бориса Дмитрича, какъ вдругъ между ними, словно изъ земли, выросъ учитель Любомудровъ.

— Стой, потише! — крикнулъ онъ и почти уткнулъ въ грудь Обертышева взведенный револьверъ. — Ни съ мѣста! Драться кулаками я не позволю. Ужь это ты отложи попеченіе, потому что, чуть ты шевельнешься, такъ я тебя, какъ собаку, убью. Я нарочно слѣдилъ за тобой, потому что зналъ хорошо, что обойтись безъ подлости ты не можешь. Я догадывался, что поѣздка въ городъ была только ловушкой, и вотъ, видишь, моя догадка оправдалась. А теперь извольте слушать. Дѣло можно уладить и

безъ кулачной расправы. Ты вотъ сію минуту разсказалъ исторію про цѣловальника, а того не досказалъ, что цѣловальнику теперь отъ насмѣшекъ впору руки на себя наложить. Ему и ворота дегтемъ вымазали, и у лошади хвостъ отрѣзали, даже мальчишки и тѣ прохода не даютъ. Что-же и тебѣ этого хочется? Нѣтъ, коли такой грѣхъ случился, такъ, по моему, его слѣдуетъ поправлять иначе. Вотъ какъ надо поступить: Борисъ Дмитричъ завтра-же уѣдетъ отсюда; про все случившееся, кромѣ меня, никто не знаетъ, слѣдовательно оно со мною и умретъ, а ты старайся все забыть и прости жену. Вѣдь и ты тоже не безъ грѣха; разница только въ томъ, что мы, мужчины, прощаемъ себѣ все, а женщинѣ ничего.

И затѣмъ, обратясь къ Борису Дмитричу, онъ спросилъ:

— Ну что-же, Борисъ Дмитричъ, согласны вы уѣхать отсюда?

Но Борису Дмитричу не удалось отвѣтить, потому что Агаѳья Петровна скорѣе всѣхъ развязала этотъ гордіевъ узелъ. Въ ту самую минуту, когда Любомудровъ обратился къ Борису Дмитричу съ вопросомъ, въ той сторонѣ, гдѣ лежала Агаѳья Пет-

ровна, раздался крикъ ужаса. Она быстро вскочила на ноги, дикимъ взглядомъ окинула говорившихъ, посмотрѣла на Бориса Дмитрича, ухватила себя обѣими руками за голову и, разбѣжавшись, бросилась съ обрыва. Вода метнула брызгами, заклокотала, закипѣла, разбѣжалась громадными кругами и скрыла подъ собою несчастную женщину.

XVIII

ВѢСТЬ объ утопившейся Агаѳьѣ Петровнѣ на другое-же утро облетѣла всю окрестность. Часовъ въ семь утра, Дмитрій Иванычъ, блѣдный и перепуганный, входилъ уже въ комнату сына.

— Боря, — проговорилъ онъ: — что такое случилось... правда-ли?

Но Борисъ Дмитричъ перебилъ его.

— Слушай, отецъ!—проговорилъ онъ:— какъ-то, надняхъ, ты предлагалъ мнѣ ѣхать заграницу... Тогда я отказался. Теперь-же умоляю тебя: отпусти, отпусти!

И, закрывъ лицо руками, онъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

Въ тотъ-же день Борисъ Дмитричъ уѣхалъ. Отецъ проводилъ сына до станціи желѣзной дороги, усадилъ его въ вагонъ, перекрестилъ, обнялъ, затѣмъ долго еще съ платформы глядѣлъ въ окно вагона, какъ-бы желая всмотрѣться въ дорогія для него черты, и только тогда, когда поѣздъ тронулся и, съ шумомъ, свистомъ и грохотомъ, увезъ съ собою Бориса Дмитрича, какъ-будто что-то оборвалось въ сердцѣ Дмитрія Иваныча. Онъ вернулся домой печальный, убитый, вошелъ въ домъ, сѣлъ въ прихожей на конникъ и немощно опустилъ голову.

— Ну? — спросилъ его Архипъ.

— Ну? — повторилъ машинально Дмитрій Иванычъ.

— Ну... что-же теперь мы дѣлать-то будемъ?

Дмитрій Иванычъ помолчалъ, оглянулъ комнату, вздохнулъ тяжело и опять повѣсилъ голову. Тоска щемила его сердце.

— Я такъ полагаю, — проговорилъ Архипъ: — надо опять по-старому... Заколотить всѣ эти комнаты, а самимъ на зимнія квартиры опредѣлиться. Такъ, что-ли?

— Такъ.

— Такъ и сдѣлаемъ. Только надо прежде комнату молодаго барина убрать...

Дмитрій Иванычъ торопливо замоталъ головой.

— Ну, чего-же головой-то мотаете?

— Не надо, не надо, — прошепталъ старикъ.

— Что-же? Такъ все тамъ и останется?... И постель неубранная, и бумаги на полу, и окурки! Такъ все и будетъ валяться?

— Такъ все и будетъ...

«Крѣпостной человѣкъ» только головой покачалъ. Однако, принесъ гвоздей, молотокъ и, заколотивъ тщательно дверь, ведущую въ залу, проговорилъ, обращаясь къ Дмитрію Иванычу:

— Ну-съ, теперь пожалуйте-съ, господинъ... какъ бишь васъ величать-то?... да, вспомнилъ, господинъ губернскій гласный...

Дмитрій Иванычъ всталъ, шатаясь дошелъ до своей комнаты и, повалившись на кровать, зарыдалъ отчаяннымъ воплемъ.

Жертва, принесенная Дмитріемъ Иванычемъ, оказалась, однако, не по силамъ старику. Тщетно старался онъ пересилить тоску, тоска эта росла, крѣпла и, наконецъ, сломила его. Мѣсяцевъ черезъ пять Дмитрій

Иванычъ слегъ въ постель, и вскорѣ его не стало. Борисъ Дмитричъ, поздно извѣщенный о болѣзни отца, не засталъ его въ живыхъ. Онъ только поспѣлъ къ похоронамъ.

Дмитрій Иванычъ лежалъ въ гробу въ томъ-же самомъ мундирѣ, въ которомъ щеголялъ на земскомъ собраніи. На сложенныхъ, словно восковыхъ, рукахъ его лежалъ образочекъ, сѣдые рѣдкіе волосы его были тщательно причесаны. Словно онъ не умеръ, а только спалъ. Борисъ Дмитричъ припалъ къ отцу, и слезы, жгучія слезы полились изъ глазъ его. Въ углу сидѣлъ Архипъ и рыдалъ, какъ баба.

Тяжело, невыносимо-тяжело было Борису Дмитричу. Онъ подошелъ къ окну и распахнулъ его. Небесная даль наполнялась звуками. Слышались въ ней то крики прилетавшихъ гусей, то крики журавлей, то звонкія трели вьющихся жаворонковъ.

— Не дожилъ! — подумалъ Борисъ Дмитричъ и въ ту-же минуту вспомнилъ фигуру отца, на крылечкѣ, со сложенными на груди руками и со взоромъ, устремленнымъ въ эту небесную даль.

Похоронивъ отца рядомъ съ матерью,

Борисъ Дмитричъ до того растерялся, что положительно не зналъ, что ему дѣлать. На выручку, однако, не замедлилъ явиться Обертышевъ. Онъ вошелъ въ комнату безъ доклада, какъ-будто между ними и не было ничего.

— Здравствуйте-съ, — проговорилъ онъ.

— Здравствуйте, садитесь пожалуйста.

Обертышевъ сѣлъ, широко разставилъ ноги, лѣвой рукой подбоченился, а правой сталъ подкидывать фуражку и ловить ее на лету.

— Схоронили батюшку-съ? — спросилъ онъ.

— Схоронилъ.

— Царство небесное-съ. Покойникъ былъ, можно сказать, рѣдкостный человѣкъ-съ. Такихъ нонича мало-съ.

И, немного помолчавъ, добавилъ:

— Очённо ужь объ васъ тосковали-съ.

— Онъ мнѣ ничего не писалъ объ этомъ.

— Это вѣрно-съ; вѣдь я у него, почитай, каждый день бывалъ, нельзя-же-съ, вѣдь дѣло-то общее было-съ. Все въ вашу комнату ходилъ-съ. Придетъ, сядетъ, бывало, да такъ и сидитъ въ ней... А вѣдь ком-

нату не топили, морозъ былъ... должно, въ ней и простуду себѣ получилъ-съ.

— Зачѣмъ-жь его пускали туда?

— Да кому-же было наблюдать-то?... Архипъ — что-же онъ? — все одно что нѣтъ его.

И опять немного помолчавъ, Обертышевъ спросилъ:

— Именьице продать не думаете-съ?

— Не знаю, право.

— Тэкъ-съ.

— А вы желали-бы купить?

— Желанія особаго не имѣю-съ, а коли продавать будете, то, можетъ, и надумаю-съ...

— Я подумаю.

— Подумайте-съ и коли если того... такъ вы того-съ...

— Хорошо.

— Я бы совѣтовалъ-съ.

— Почему это?

— Имѣньице маленькое-съ, заложенное-съ, — какой-же оно можетъ дать доходъ-съ! Что получите, то и проживете, а изъ-за этого жить здѣсь, въ глуши, въ деревнѣ, трудиться, хлопотать... воля ваша, разсчетовъ не составляетъ-съ. Домикъ развалился, крыша насквозь течетъ. Вонъ,

изволите видѣть, пятнище-то какое на потолкѣ — вѣдь это течь-съ. Коли все это сообразить, такъ совсѣмъ пустое дѣло выдетъ-съ. Нашему брату, конечно, дѣло другое, потому мы народъ черный, привыкли въ навозѣ копаться. Мы здѣсь обжились и даже, можно сказать, если намъ теперича мѣсто жительства перемѣнить, такъ даже дико будетъ. Въ губернію-то пріѣдешь, къ примѣру, такъ словно связанный ходишь, а здѣсь свободно—и походка другая, и все такое-съ...

— Да? — спросилъ Борисъ Дмитричъ.

— Вѣрно-съ. Всякому, значитъ, свое мѣсто отведено-съ...

— А что Панталоновъ?—спросилъ вдругъ Борисъ Дмитричъ.

— Они ничего-съ, при мѣстѣ-съ...

— Судействуетъ?

— Да-съ, судятъ... Женились недавно-съ.

— На комъ?

— На вдовѣ, на Белярминовой.

— Какъ! развѣ докторъ Белярминовъ умеръ?

— Скончались.

И потомъ, вставъ, проговорилъ:

— Затѣмъ, счастливо оставаться-съ.

— До свиданья.

— Такъ вы подумайте-съ. Можетъ, и опять дѣльцо сдѣлаемъ.

— Можетъ быть.

— Кстати у меня еще и квитанціи есть неоплаченныя.

— Какія квитанціи?

— Изъ вашей конторы-съ. За поставленный хлѣбъ-съ...

— На большую сумму?

— Тысячи на двѣ, кажется-съ.

— Странно. А мнѣ отецъ какъ-то недавно писалъ, что всѣ счета съ вами покончены...

— Можетъ, забыли-съ... Они въ послѣднее время точно-съ... какъ-будто мѣшаться стали-съ.

И Обертышевъ уѣхалъ.

Черезъ недѣлю все было покончено, и Ольшанка перешла во владѣніе къ Обертышеву. И по конторскимъ книгамъ, и по разсказамъ конторщика, всѣ счета съ Обертышевымъ были закончены, но какимъ образомъ остались въ рукахъ Обертышева за подписомъ Дмитрія Иваныча квитанціи на двѣ тысячи рублей слишкомъ—было покрыто «мракомъ неизвѣстности». Борисъ Дмит-

ричъ усиленно хлопоталъ раскрыть эту тайну, но ему это не удалось, и пришлось помириться съ мыслью, что такъ какъ отецъ, по словамъ Обертышева, «въ послѣднее время какъ-будто сталъ мѣшаться», то онъ и забылъ отобрать отъ Обертышева оплаченныя квитанціи.

Передъ отъѣздомъ Борисъ Дмитричъ пошелъ поклониться праху своихъ родителей и семьи. Затѣмъ онъ обошелъ кладбище и увидалъ небольшой бѣлый крестъ, огороженный маленькой рѣшеткой. Онъ подошелъ къ кресту этому и по надписи узналъ, что здѣсь похоронена Агаѳья Петровна. Внизу была другая надпись: «Спи, милый другъ, до радостнаго утра», а вверху кто-то написалъ карандашомъ: «Она умѣла любить!» По почерку, Борисъ Дмитричъ узналъ, что надпись эта была сдѣлана Любомудровымъ.

Возвращаясь съ кладбища, Борисъ Дмитричъ встрѣтилъ сынишку Обертышева, Ванятку.

— А! Ваня, здравствуй! крикнулъ онъ. — Какъ поживаешь?

— Ничего, живемъ — хлѣбъ жуемъ! — съострилъ мальчикъ.

— Учишься?

— Нѣтъ, я теперь въ лавкѣ сижу, торгую...

— Ну, а объ мамѣ-то долго плакалъ?

— Чего объ ней плакать! Папка говорилъ: «Собакѣ и собачья смерть!» Онъ даже и молиться объ ней не велѣлъ. «О самоубійцахъ, говоритъ, молиться грѣхъ!»...

Борисъ Дмитричъ даже пожалѣлъ, что разговорился съ Ваняткой.

Любомудрова Борисъ Дмитричъ не видалъ, ибо злосчастный корреспондентъ этотъ сидѣлъ гдѣ-то въ острогѣ по дѣлу Белярминова: онъ былъ признанъ виновнымъ въ диффамаціи.

На другой день Борисъ Дмитричъ оставилъ Ольшанку. Громадная толпа мужиковъ и бабъ пришла провожать его; но ему было такъ тяжело разставаться съ ними, что онъ тайкомъ вышелъ изъ роднаго дома, тайкомъ сѣлъ въ тарантасъ и, никѣмъ не замѣченный, уѣхалъ.

Когда Панталоновъ, въ качествѣ мироваго судьи, ввелъ Обертышева во владѣніе Ольшанкой, «крѣпостной человѣкъ» ушелъ въ свою комнату, что-то пошарилъ подъ

кроватью, подъ печкой, сунулъ что-то себѣ въ карманъ, отрѣзалъ большой ломоть хлѣба, посолилъ его, взялъ подъ мышку какой-то узелокъ и, надѣвъ на-бекрень фуражку, вышелъ изъ дома.

— Ты куда-же?—крикнулъ Обертышевъ, выбѣжавъ на крыльцо.

Но Архипъ только рукой махнулъ.

— Да глупый ты человѣкъ, подумай! — кричалъ Обертышевъ: — вѣдь у тебя нѣтъ ничего... ни денегъ, ни паспорта!

— Птицѣ пачпортъ не нуженъ! — крикнулъ Архипъ. — Махнула крыломъ — и поминай какъ звали!

— Дуракъ! вѣдь арестуютъ!

— Руки коротки! Я — вонъ кто!

И Архипъ, указавъ пальцемъ на звенѣвшаго въ лазури жаворонка, пошелъ неизвѣстно куда.

Только впослѣдствіи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, узнали, что онъ ушелъ въ Москву и пріютился въ домѣ Бутенко. Жилъ онъ все время безъ паспорта и отъ «выправки» таковаго отказался наотрѣзъ. Даже полиція—и та не могла принудить его къ этому и, въ виду его упрямства, а вѣроятнѣе всего — въ виду его дряхлости, мах-

нула на него рукой: «Все равно, молъ, умереть скоро!»

— Что, много взяли! — говорилъ бывало Архипъ: — нѣтъ, врешь, мы вѣдь тоже не въ кулакъ сморкаемся. Вольному человѣку нѣтъ пачпортовъ!

И, дѣйствительно, Архипъ умеръ совершенно вольнымъ человѣкомъ, ибо до самой гробовой доски не потратилъ ни единаго гроша на выправку паспорта!...

КОНЕЦЪ